Библиотека англо-американской классической фантастики

МИРЫ ЭСПЕРОВ

Джеймс Т. Макинтош

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

МИРЫ ЭСПЕРОВ Джеймс Т. Макинтош

Библиотека англо-американской классической фантастики

МИРЫ ЭСПЕРОВ

Джеймс Т. Макинтош

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2014

БААКФ-3 (2014)

Джеймс Т. Макинтош. МИРЫ ЭСПЕРОВ.
Сборник фантастики. (Общий объем – 466 236; а.л. 11,65)

Составление и перевод Андрея Бурцева.

Макинтош, Дж. Т. 1956г.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ДЖЕЙМС МАКИНТОШ – АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ШОТЛАНДЕЦ

Макинтош, Дж. Т. (McIntosh, J.T.) - псевдоним Джеймса Мердока Мак-Грегора, (MacGregor, James Murdoch)

Как мы уже видели по предыдущему тому, Джеймс Т. Макинтош – очень разнообразный писатель. Причем разнообразен он не только по темам произведений, но у него и разные подходы к одной и той же теме, на которую он способен написать три, пять, десять произведений, и все они будут звучать по-новому, по-особенному. На мой взгляд, это качество очень ценное для писателя и достаточно редко встречается. У Макинтоша оно есть, и он все время демонстрирует его нам с неиссякаемым мастерством.

Из пяти произведений, представленных в этом сборнике, три посвящены космосу, инопланетянам и отношениям с ними. Инопланетяне у Макинтоша по большей части гуманоидные, то есть похожие внешне на нас. Но это лишь внешне. У них иные особенности, иная культура, иные взгляды на мир. В романе «Миры эсперов» показаны две планеты, населенные гуманоидами, имеющими телепатические и телекинетические способности. И Макинтош старается нам показать, какие цивилизации, причем обе резко отличающиеся друг от друга, могут создать такие существа. Интересные цивилизации, не похожие на земную и... неожиданные, потому что роман написал в форме космического детектива.

В рассказе «Одиннадцатая заповедь» прозвучала тема, которая, как ни странно, особенно актуальна для современного мира. Тема расизма,

тема ненависти и неприязни к чужакам. Десятки инопланетных рас общаются друг с другом. Все они, в общем-то, далекие потомки землян, расселившиеся по другим планетам. И иные миры изменили их внешность и физиологию если не коренным, то весьма жестким образом. Но если инопланетян заменить, например, на эмигрантов и гастарбайтеров… Это же наша жизнь, наше время, несмотря на то, что написан рассказ без малого шестьдесят лет назад. Как смог писатель так прозорливо заглянуть в будущее? Или, может быть, жизнь и нравы людей вообще не меняются? Происходит лишь смена внешнего антуража, дающая иллюзию прогресса? Очень желательно, чтобы каждый прочитавший этот рассказ, сам ответил на эти вопросы. И сделал для себя выводы.

Рассказ «Мир Синей Птицы» снова в корне иной. Это та самая Синяя Птица из Метерлинка, Птица счастья. И мир ее, мир счастливого блаженства, райский мир. Причем никто там не деградирует, люди работают, живут и влюбляются. Все, как у нас, вот только они счастливы. Почти все, кроме главной героини, которая не испытывает почему-то этого счастья. И ее мучают вопросы, а правильно ли живет весь мир. И узнать это можно, лишь прочитав рассказ.

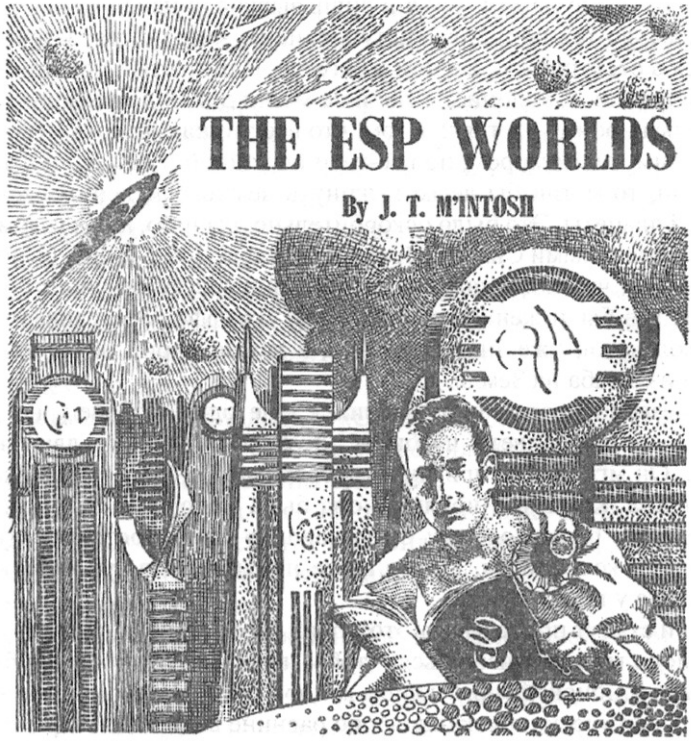
Разнообразен Джеймс Макинтош, и пишет вроде бы приключенческую, детективную и пр. фантастику. Но поднимает при этом очень серьезные вопросы, и затрагивает очень серьезные темы, причем не теряет увлекательность повествования.

Возможно, не совсем правильно, что я все время пишу о давно живших и уже умерших писателях в настоящем времени. Но это происходит потому, что мне очень нравятся их произведения, и я не могу относить их к давнему и заскостеневшему прошлому. Кроме того, это совершенно естественно для нашей страны, когда мы только-только начинаем знакомиться с огромной плеядой по разным причинам отодвинутых в сторону, не переведенных, забытых зарубежных фантастов. Да, они не получали громких премий и звания Гранд Мастера, но они внесли свой немалый вклад как в развитие фантастики, так и в общечеловеческую культуру в целом. И жили они, в общем-то, не в прошлом. Меня не покидает ощущение, что они наши современники. Модно теперь говорить, что мир изменился. Но так ли это? Может, изменился всего лишь внешний антураж, а люди какими были, такими и остались. И произведения тех, кто писали о них двадцать, тридцать, шестьдесят лет назад, остаются актуальными и интересными и в наше время.

Андрей Бурцев

SEVENTEEN
TWO SHILLINGS
NEW WORLDS
fiction of the future

МИРЫ ЭСПЕРОВ [1]



I

Бой еще продолжался повсюду, но Джефф уже понял, что они потерпели поражение. Собственно, в этом не было ничего нового. Долгое время все шло по этому образцу. Нойянцы убили землянина и вернули его труп, колонисты и сотрудники УСП собрались и поехали через равнину, чтобы атаковать крепости нойянцев на холмах, а нойянцы выбивали их одного за другим. Вот и вся история…

Джефф резко повернулся, заметив тень на стене перед собой, поэтому удар, направленный ему в голову, лишь скользнул по плечу. И прежде, чем он успел принять какие-то ответные действия, нойянец ушел. Как всегда.

1 Эспер — человек обладающий паранормальными способностями (экстрасенсорное восприятие, от англ. *Extrasensory perception*, ESP).

Как можно бороться с расой, обладающей способностями материализоваться где угодно? Нойянцы не стремились никого убивать. Им это явно было не нужно. Они лишь вырубали нападавших одного за другим, до тех пор, пока наступление не замедлится, затем превратится в отступление, а затем в бегство. В открытый бой они никогда не вступали. А колонисты так и не могли дойти до холмов.

И вся ирония состояла в том, что все это называлось миром. Плохоньким таким миром, но все-таки не войной. Если бы нойянцы захотели, то могли бы легко выкинуть немногочисленных землян со своей планеты. Это было оскорбительно для него, как для командира Универсальными Силами Правопорядка на Ное. И еще было оскорбительно, что нойянцы, с которыми они так безрезультатно сражаются, все были женщинами. Причем Джеффа расстраивало не это, поскольку он уже знал нойянцев, а комментарии, которые присылали из штаба на Земле.

Внезапно позади него появился еще один нойянец, но Джефф стоял спиной к свету, чтобы не упустить ни одного движения позади. Он мгновенно пригнулся, повернулся, и в его руках оказалась женщина. Как и все нойянки, она была молодая и сильная, одетая в простую белую одежду, закрывавшую тело и оставляющую свободными конечности. И, как и все нойянки, она тут же буквально растаяла у него в руках.

Они станут проделывать этот трюк снова и снова, терпеть неудачу и заново материализоваться, чтобы нанести удар своим дубинками с мягкой обивкой, но в конце концов одержат окончательную победу. Хаотически движущиеся по равнине вездеходы, сгрудившиеся между Джеффом и ведущей к холмам равниной, показывали, насколько они преуспевали по сравнению с его людьми.

– Приказываю отступать, – приказал Джефф по рации. – Возвращайтесь в Город Солнца. Подбирайте раненых и бросайте машины. Повторяю. Приказываю отступать. Возвращайтесь в Город Солнца. Подбирайте…

Таков был неизбежный конец всех попыток нападений на крепости на холмах Нойи. Джефф достал коробочку с таблетками и задумчиво поглядел на нее.

Ни у кого не было ни малейшей надежды, что эта атака будет хоть чем-то отличаться от предыдущих. Но нойянцы убили двух человек. Как ни странно, они никогда не убивали в бою, а только тогда, когда к ним шли в одиночку, без оружия и солдат, пытаясь пройти через их укрепления и найти города.

Так или иначе, погибло два человека, и атака подразделения УСП была неизбежной, как и поражение. Нельзя было допускать, чтобы землян так запросто убивали на чужих планетах. Ответом всегда

должны быть военные действия и репрессии. Причем неважно, как часто эти репрессии терпят неудачу. Нельзя, чтобы нойянцы начали думать, что можно убить человека и остаться безнаказанным.

И Джефф мучительно пытался понять, что еще могут придумать нойянцы.

Он приказал бросить машины, оставшиеся без управления, но заметил, что все они движутся, кроме двух, столкнувшихся друг с другом. Теперь, когда наступление прекратилось, нойянцы позволили им отступать. И наступит перемирие до тех пор, пока нойянцы не убьют еще одного сотрудника УСП, или колониста, или миссионера. И тогда опять повторится такой же фарс.

Мысли Джеффа прервал грузовик Билла Джонса, остановившийся, чтобы подобрать его. Билл был заместителем командира. Джефф сунул коробочку в карман, сел и захлопнул тяжелую дверь.

Билл усмехнулся ему.

– Еще есть шанс, – сказал он, – «Сцилла» будет через несколько часов. Неизвестно, что там, наконец-то, решил штаб, но, по крайней мере, мы знаем, о чем мы должны говорить.

– Надеюсь, – проворчал Джефф, пока грузовик, рыча, догонял остальной отряд. – Надеюсь, что так. Видишь ли, Билл, впервые в жизни я жалею, что не родился женщиной.

– Я тоже, – буркнул Билл.

У Джеффа была еще одна причина уладить дело с нойянцами. Он должен был быстренько навести здесь порядок, доложить об успехе и полететь на Ном, где, как ему вежливо намекнули, предстояло большое дело. Но пока он не завершит дела здесь, всему остальному придется подождать.

Такова была политика УСП. Несколько человек несли на себе большую ответственность. У Джеффа был прекрасный послужной список, и теперь он расплачивался за него. Он не всегда так относился к этому. Когда восемь месяцев назад ему сообщили, что он назначен на два населенных гуманоидами мира НО, Нойю и Ном, которых еще только коснулась тень УСП, он преисполнился ликованием. Ему поднесли на блюде весь район космоса под названием НО – и ему предстояло самостоятельно решить любые возникшие там проблемы за три месяца, а затем вернуться за новым назначением.

Но теперь думать об этом, как о наказании, было таким преуменьшением, что почти что являлось ложью. Он даже ни разу не побывал на Номе, находящемся в восемнадцати световых годах отсюда. Сперва Джефф был разочарован, что в обширном районе НО с его семью системами, было только два гуманоидных мира. Теперь он понял, что из-за них у майора Джеффа Кронера появятся большие проблемы.

Джефф провел пальцем по списку пассажиров «Сциллы» и выругался. Билл сочувственно усмехнулся ему.

– Они все еще не верят вам, – сказал он. – Они все еще думают, что мужчины могут справиться с чем угодно и где угодно.

– Бараны! – выругался Джефф.

Он же все пояснил этим баранам. Ему было нелегко пересилить себя и попросить помощи, но он это сделал.

– Я же сообщил в штаб, что только у женщин есть возможность вступить в контакт с женщинами... по крайней мере, со здешними женщинами. Я пояснил им простейшими словами, что единственный способ уладить дела на Ное, это послать сюда женщину, поставить ее командиром, а меня отпустить на Ном. И что мне ответили? «У нас нет сотрудников женского пола с необходимым званием и опытом. Но вы обладает е властью мобилизовать любое гражданское лицо, какое сочтете целесообразным», – передразнил он. – Ну, разумеется, у нас широкий выбор молодых, образованных, храбрых землянок с телепатическими способностями! Они тысячами ходят по улицам Города Солнца. Мне только нужно пойти погулять и попутно завербовать несколько сотен подходящих!

Билл не обратил внимание на иронию своего командира.

– На планете три землянки, – сказал он, – и ни одна из них не телепатка. Но это весь список пассажиров, Джефф. Другого корабля не будет целых три месяца, поэтому, если нойянцы будут продолжать устраивать заваруху, нам придется как-то справиться с ними самим.

Но Джеффа было трудно столкнуть с наезженной колеи.

– Ну, почему они не могут вбить себе в башки, – прорычал он, – что у нойянцев чистой воды матриархат, поэтому они не могут обсуждать никакие решения с мужчинами, даже если хотят этого? Ведь, если подумать, то все достаточно просто. Здесь нужны женщины или, по меньшей мере, одна женщина, аккредитованная, как полномочный представитель УСП, которая может сама принимать решения и выступать в качестве представителя Земли на Ное. Я тоже раньше не думал, что мне придется уступить место женщине, но я же не слепой, глухой и немой. Эта работа просто не для нас, Билл. Мы не можем заставить нойянцев уважать нас, когда в течение многих столетий их мужчины были безмозглым скотом. И даже если мы сумеем заслужить у них уважение, то уж о доверии не может быть и речи. Это примерно так же, как если бы людей пытались заставить вести переговоры с тупыми роботами. Я имею в виду, с точки зрения Ной. Они могут понимать, что развитие нашей расы отличается от их собственной, но всегда будут думать, что имеют дело с низшей половиной расы.

Билл снова пробежал глазами письмо из штаба и список пассажиров.

– А может быть, – осторожно сказал он, – может быть, все действительно так, как они говорят? В Силах Правопорядка наверняка служат женщины, но среди нет майоров и экстрасенсов. Может ведь быть такое?

Джефф снова выругался.

– По крайней мере, – продолжал Билл, – у нас есть список пассажиров «Сциллы». Помните, вы можете рекрутировать любое гражданское лицо? Давайте рассмотрим его подробнее.

– Мы ищем не просто женщину, – вздохнул Джефф. – Нам нужна девушка, которая стоит двух женщин, а то и больше. Искать ее в этом списке все равно, что искать иголку в стоге сена, когда вы уверены, что ищите не в том стоге.

– Может быть, – мягко сказал Билл, – но вы же знаете, как мы нуждаемся в ней. Мы нуждаемся в умной женщине, и если не сможем найти такую, то, может быть, подойдет любая женщина. Может, она сумеет сойти за умную.

«Сцилла» приземлилась через полчаса с грузом на борту, несколькими колонистами и почтой для станции УСП. Писем было много, потому что на станции служили пятьдесят человек, а письма копились шесть месяцев в ожидании очередного рейса. Но пока что Джефф вскрыл лишь письмо из штаба. Остальные могли подождать.

Вместе со своим заместителем Джефф тщательно проверил список. В нем было семь женщин. Четыре жены, летевшие, чтобы присоединиться к своим мужьям. Две медсестры. А у последней было только имя – Дженис Хиллер.

– Дженис Хиллер, – пробомотал Билл. – Не так уж много может быть Дженис Хиллер. Это не та ли романистка, а?

– Не спрашивайте меня. А что она пишет?

– Дерьмо, – коротко ответил Билл. – Интересно, у нас есть ее книги?

– Наверняка должны быть. Но прежде, чем вы отправитесь за ними, давайте проведем проверку до конца.

Дженис Хиллер они оставили напоследок, и когда добрались до нее, то были уже в отчаянии. Из жен две были стары, а поскольку нойянцы презирали стариков, то они сразу отпадали. Третью можно было назвать почти что ненормальной, четвертая же страдала нервным тиком, практически не дававшим ей нормально говорить. Из медсестер одна была здоровой и рослой, но не телепаткой, другая же хорошим телепатом, но такой нервной, что явно не смогла бы общаться с нойянцами. Так что оставалась последняя надежда.

В домик вошел сержант Картер.

– Где Хиллер? – спросил Джефф.

– Она не придет, сэр, – натянуто ответил Картер. – Она сказала, что вы заставили ее прождать целый час, а теперь сами подождете, пока она не будет готова.

Билл открыл было рот, но Джефф жестом велел ему молчать. Было бесполезно говорить что-либо Картеру, который всегда занимал позицию жесткого формализма.

– Ладно, сержант, – сказал Джефф. – Мы сами пойдем к ней.

Они с Биллом вышли из сборного домика, который являлся законом и порядком на Нойе – разумеется, законом и порядком земного образца, – и пошли по полу спекшейся почвы к кораблю, единственному кораблю, который регулярно летал на Нойю.

Войдя на корабль, они на несколько секунд ослепли, оказавшись в тусклом освещении после яркого солнечного света снаружи.

– Сюда, – сказал Билл. – У нее каюта сорок семь, а я знаю расположение помещений на кораблях этого типа.

Они дошли до каюты, коротко постучали и вошли.

У Джеффа было время полистать одну из книг Дженис Хиллер. Беглого взгляда было достаточно, чтобы подтвердить оценку Билла. Дженис Хиллер писала романы на космические темы, якобы основанные на сведениях о мирах, которые она посетила. Так говорилось в рекламе. По тексту, однако, было ясно видно, что все ее романы можно было написать, не выходя из нью-йоркской квартиры.

Книга производила впечатление, что ее написала старая дева средних лет, эксцентричная и важничающая, но в пассажирском списке было указано, что Дженис Хиллер двадцать шесть. И никакая не старая дева средних лет повернулась, когда они вошли, и холодно взглянула на них. Белокурая, повыше Билла и ростом почти с Джеффа, она могла бы сниматься в фильмах, если бы не писала книги. Не ослепительная красавица, но достаточно умная, чтобы выглядеть красивой.

– Я слышала, что в небольших колониях, таких, как эта, – холодно сказала она, – представители УСП иногда ведут себя, как мелкие диктаторы. Я этому не верила, но, кажется, ошибалась.

– Настолько неправильно, – сказал ей Джефф, – что если вы немедленно не пойдете с нами в наш офис, то мы возьмем вас за руки и отведем туда силой.

Эти слова потрясли ее, хотя она и постаралась этого не показать.

– Я не подчиняюсь Силам Правопорядка, – ответила она. – Если вы тронете меня, то это…

– Будет совершенно законно, – сказал Джефф. – Так вы пойдете сами, или мы вам поможем?

Дженис отвернулась.

– Вы взяли неправильный тон, – бросила она через плечо. – Если бы вы попросили меня…

Она замолчала, когда они схватили ее за руки и развернули к двери. Сделали они это не грубо, но и не особенно нежничали.

– Мне не хочется этого делать… – начал было Джефф.

– Но вы считаете, что это будет забавно. Ладно, я пойду с вами. Но это не послужит вам оправданием, при случае я скажу, что сопротивлялась.

Она пошла с ними в офис. При этом она не притворялась сердитой, но и не любезничала. И Джефф начал надеяться, что нашел нужную девушку.

II

– Садитесь, – сказал Джефф. – Сигарету.

– Теперь уже поздновато быть вежливым.

– Не стану тратить время впустую. Я хочу попросить вас рискнуть жизнью. Больше того, если я удостоверюсь, что вы нужный мне человек, то я заставлю вас рисковать жизнью и далее. У меня есть на это полномочия.

Это было преувеличением, но он хотел показать ей, что все серьезно.

Девушка нахмурилась.

– Ничего не понимаю. Вы хотите сказать, что есть какая-то чрезвычайная ситуация…

– Да. Мы должны победить нойянцев.

– Я читала о них. Но ведь вы обосновались там, где они сами разрешили.

– Оказалось, что к УСП это разрешение не имело отношения. Кроме того, они способны загнать весь род человеческий, куда захотят, если поставят перед собой такую задачу. А может, уже поставили.

Девушка встала и зашагала по крошечной комнатке.

– Вы должны рассказать мне все подробности, – заявила она. – Я знаю все, что на Земле знают о нойянцах. Ну, а чего я не знаю?

Джефф откинулся в кресле и посмотрел на нее.

– Вы знаете историю колонии? Первые земные корабли приземлились здесь десять лет назад. Они нашли расу, точь-в-точь человеческую, совершенно ничем не отличающуюся от нас за одним исключением: главенствовали в ней женщины, а не мужчины. А также они много столетий использовали для общения телепатию, в то время, как мы только начинаем ее развивать. Они не пытались нам помешать. Фактически, они ушли из этого района и оставили его нам. Какое-то время наши расы немного контактировали. Большую часть того, что

мы знаем о нойянцах, мы узнали тогда. В том числе, и их язык. Естественно, ни одна из сторон не хотела пользоваться при таких переговорах телепатией, потому что в этом случае невозможно ничего скрывать.

– Вы рассказываете то, что я знаю, – прервала его Дженис. – Давайте подойдем к тому, чего я не знаю.

– Вскоре они обнаружили, чем мы отличаемся от них, – продолжал Джефф, не обращая на ее слова никакого внимания. – И с тех пор земляне и нойянцы больше не общаются, и находятся в подвешенном состоянии «ни войны, ни мира».

– И это я знаю. Но?..

– Но это все. Мы знаем, что они могут выкинуть нас с планеты. Однако они не делают этого. Хотя и по-братски тоже не относятся. Похоже, они не могут общаться с расой, не стоящей на принципах матриархата. И это может означать одно из двух. Или они все же хотят сотрудничать, но не нашли среди нас никого, с кем могут делать это, или…

– Да говорите же по существу, – нетерпеливо подогнала его Дженис. – Что «или»?

– Или мы просто морские свинки. Они не гонят нас отсюда, потому что хотят побольше узнать о нас и о том, на что мы способны. Когда они удовлетворят свое любопытство, то или просто сметут нас с лица планеты – что, кстати, могут сделать в любое время, – или начнут войну, но не с этой колонией, а со всей земной системой.

– Нелегко им тогда придется, – отмахнулась Дженис.

– Вы так думаете? У них есть телепортация. Они появляются там, где хотят. Возможно, этому есть пределы, а может, и нет. Мы знаем, что они перенеслись более чем на тысячу миль, когда мы послали космические корабли, чтобы выкурить их из холмов. Допустим, они могут появиться где угодно на Земле. Тогда они могут перенести туда целую космическую флотилию, миновав все наши рубежи обороны…

– Ну, в этом пункте вы, может быть, и правы. Что вы хотите от меня?

– Если вы согласитесь… Я хочу, чтобы вы пошли в горы. Узнали побольше о них. Раскрыли их тайны. И даже заключили с ними договор.

– Как шпионка или как официальный полномочный представитель?

– Как угодно, или даже как оба вместе.

– И вы думаете, я могу пройти туда необнаруженной?

– Это мы и хотим узнать. Я могу снабдить вас всеми сведениями, какие имею. Помните, я здесь шесть месяцев, и за это время много узнал. Я бы и сам пошел в горы, но ни один мужчина не сможет договориться с нойянцами. А вы могли бы. Вы – телепатка, я уже узнал это. Ну, хотите ли вы попробовать?

– А если откажусь, то попаду в тюрьму, не так ли?

– Надеюсь, надобность в этом не возникнет, – усмехнулся Джефф. – Нет, я не могу заставить вас пойти в холмы. В настоящей чрезвы-

чайной ситуации мог бы, но, поскольку нойянцы не нападают на Город Солнца, то не думаю, что вправе назвать нынешнюю ситуацию чрезвычайной. Вы должны вызваться добровольно. Но только после того, как пройдете тесты.

– Ладно, – пожала плечами Дженис. – Я пройду эти тесты. А может, потом и вызовусь добровольцем, кто знает?

Так и случилось. Месяц спустя Дженис в сумерках покинула Город Солнца и отправилась к холмам.

Теперь она была майором УСП Хиллер. Но все, кто видел ее в белых одеждах нойянцев, даже не предполагал это. Нойянцы действительно иногда приезжали в город. Там они никого не беспокоили и никто не беспокоил их. Когда-то, лет девять-десять назад, нойянцев арестовывали и даже иногда убивали. Но поскольку ответные репрессии нойянцев, в отличие от УСП, всегда проходили согласно их планам, к нынешнему времени и колонисты, и люди УСП заходивших «в гости» нойянцев больше не трогали. А кроме того, как они могли считаться пленными, если могли появляться и исчезать, как пожелают?

За этот месяц Дженис многое изучила. На Земле она обучалась телепатии, но некоторые приемы нойянцев, которые преподали ей Джефф и Билл, были для нее в новинку. В земном обществе телепатия не могла стать всеобщей из-за разных врожденных способностей к ней. Все могли поставить слабенький мыслебарьер, но далеко не все могли укрепить его, или проникать сквозь него. Или, выпустив мысли через него наружу, не могли вернуть их обратно.

Но Дженис, чтобы сойти за нойянку, были нужны телепатические способности выше средних, и они у нее были. У нойянцев был и разговорный язык, хотя им редко пользовались – и Дженис предстояло изучить и его. К счастью, это был достаточно простой язык. Очевидно, нойянцы использовали его, когда по каким-то причинам было нежелательным телепатические общение.

Но ее занятия не заключались лишь в развитии телепатии и изучении нового языка. В ходе физической подготовки она занималась борьбой. Ее инструкторами были Джефф и Билл, и они не давали никаких поблажек или скидок на «слабый пол». К тому же, её реакция и энергия были таковы, что, если инструктора не относились к ней, как к мужчине, то сами рисковали очутиться на лопатках.

Все это было необходимо. Нойянские женщины были сильной половиной расы не только в умственном, но и в физическом смысле. И Дженис поняла, что едва ли она сумеет сравниться с ними. Сил у нее было не меньше, но они всегда побьют ее в плане стойкости.

Джефф был прав, когда оценил ее шансы вернуться живой, как один к ста. Планов у нее не было никаких. Впрочем, не было смысла строить планы, когда о противнике ничего неизвестно.

И Дженис столкнулась с проблемой в самом начале. Еще на равнине она столкнулась с двумя нойянками, которые тоже заметили ее в сумерках. Дженис не ожидала встретиться с ними так рано.

Она направилась к ним, прекрасно зная, что ее маскарад может тут же и закончиться. Почему она идет, если может телепортнуться, как все нойянцы?

Нояйнки приветствовали ее традиционно поднятыми ладонями. Вроде бы ее принимают за свою.

«Ала», подумала одна, и «Миро» – другая. Это они представились. Дженис мысленно произнесла свое имя и тут же поняла, что думает слишком громко. Так, словно в беседе она кричит вместо того, чтобы спокойно говорить. Это было ошибкой, но, вроде бы, все еще не вызывало подозрений.

Нойянки могли бы быть ее сестрами. У всех троих было не больше различий, чем обычно бывает у сестер. Ала была крупнее и сильнее, чем Миро и Дженис, но не намного, а у Миро с Дженис были одинаковые размеры. Ала была блондинкой, а Миро – брюнеткой.

Дженис понимала, что следующий ход за ней, но совершенно не знала, что нужно делать.

Ала посмотрела на нее с мягким упреком и внезапно распахнула свой разум. Это был самый большой шок в жизни Дженис. Не то, чтобы там было нечто совершенно чужое, но это был совершенно новый опыт. Немногие из землян имели такой контроль над своим разумом, чтобы сделать такое, даже если бы пожелали. Но никто бы из землян такого не пожелал.

Больше всего это походило на прочтение целой библиотеки в долю секунды. Дженис восприняла всю информацию, но потребуются недели, а может, и месяцы, чтобы разобраться в ней. Она только поняла, что нойянка при таких обстоятельствах, разумеется, может выбрать для показа только то, что захочет.

Отчаянно обшаривая полученную информацию, Дженис поняла, что ожидали от нее того же, что сделала Ала. Когда нойянцы встречаются, так принято, чтобы исключить всякие подозрения.

Ала и Миро ждали. И Дженис стала думать о своей жизни, пытаясь сконцентрировать все в две секунды. Потом открыла свой разум, и нойянки сердито нахмурились, потому что встреченная женщина оказалась самой низшей касты – рабыня. Они были введены в заблуждение, посчитав ее своей ровней.

Если бы они проникли под поверхность картины, поспешно выстроенной Дженис, то обнаружили бы, что она вообще не нойянка и всю жизнь прожила на Земле. Но они не стали забираться вглубь. Ала властным жестом велела ей отойти.

И внезапно они увидели огни. По равнине ехал грузовик, грузовик

из Города Солнца. Днем была перестрелка, и грузовик, очевидно, направлялся, чтобы отремонтировать три-четыре брошенные машины, оставшиеся на равнине.

Внезапно обе нойянки побежали. Дженис недоуменно последовала за ними. Они что, бегут от землян? Она осторожно прикоснулась к их мыслям и обнаружила, что нойянки боятся. Не сильно, но как люди, наблюдающие из укрытия за дикими зверями.

Добежав до большой скалы, они спрятались за ней. Это тоже было интересно. Дженис попыталась пошариться с переданных ей мыслях Алы, чтобы понять, в чем тут дело, но натыкалась лишь на мелкие поверхностные мысли. Ей показалось, что в ее уме крылась дюжина других умов. Ала, вероятно, тоже была бы озадачена, если бы исследовала разум Дженис, когда ей представилась такая возможность.

Грузовик остановился в двухстах ярдах от них. Из него вышли четыре человека с большим электрическим фонарем. Нойянки следили, как они работают. Прошло полчаса, но Ала и Миро держали свои мысли за барьером, так что Дженис ничего не узнала от них. Но она была благодарна отсрочке, позволившей хоть как-то разобраться в полученной от Алы информации. Однако, чем больше она разбиралась, тем больше понимала, что на самом деле получила совсем немного достоверной информации. Все переданное считалось само собой разумеющимся до такой степени, что Дженис не могла уловить в этом смысл.

Наконец, ремонтные работы были закончены, и все повели машины в город. Нойянки глядели им вслед, затем встали и вышли из-за скалы.

– Пойдешь с нами к Миме, – сказала Ала Дженис.

Это было не предложение, а приказ.

Они направились к холмам, двигаясь крадучись, словно по враждебной территории. Но какая опасность могла им грозить от землян, которые уже уехали с равнины? Может, нойянцы враждуют между собой? Но ни в чем, что узнала от них Дженис, на это не было ни малейшего намека.

Долго мучиться этим вопросом ей не пришлось. Прибыл вдруг слабый, точно крик с другой стороны широкой реки, поток мыслей, и Дженис по реакции Алы и Миро поняла, что это означает опасность. Они как раз находились в широком проходе, черно-белом в лучах Холлуса, первой звезды Нойи. Здесь не было никакой растительности, только голые скалы. Стены и пол его были явно древние, до гладкости облизанные дождями и ветром.

Нойянки повернулись в направлении, противоположном тому, откуда пришел этот поток мыслей. Стоя позади, Дженис сделала, как они. По опыту, который она начала приобретать в мысленном общении нояйнцев, она поняла, что кто-то идет за ними.

Они опять уловили чью-то неосторожную мысль, на этот раз ближе. Ала послала Дженис узко направленный мыслепоток.

– Ты предала нас. Ты рассказала им, где мы.

– Чепуха, – холодно ответила Дженис. – Вы бы узнали об этом. Я знаю не больше вашего. И кто они?

Ала раздраженно отвернулась от нее, но Дженис настаивала:

– Кто они? Вам же может быть лучше, если я узнаю побольше. А то в невежестве я могу что-то сделать неправильно.

– Группировка Меддо, – мысленно ответила Ала. – Нужно рассказать о них, когда доберемся до Муны.

Дальнейшая мыслесвязь, даже направленным лучом, точно шепот на языке мыслей, была опасна. Дженис ощутила поблизости сотни нойянцев и предположила, что ее спутницам тоже известно о них.

Дженис понимала, что, двигаясь вдоль гладкой серой стены, они будут хорошо заметны. Их белая одежда, – которую, как она теперь знала, называют сирон, – должна отражать лучи Холлиса, точно зеркало. Она задалась вопросом, почему они не остановятся и не намажут ее грязью, но тут же сама нашла ответ. Нойянки были фанатичными чистюлями. Мысль, что можно испачкаться нарочно, даже ради спасения жизни, им так отвратительна, что они не станут ее рассматривать даже ради спасения жизни.

Наконец, они остановились и попытались спрятаться в какой-то едва заметной нише в стене. Но это было бесполезно. Хор торжествующих мыслепотоков показал, что их заметили, и теперь, когда прятаться было бессмысленно, оставалось только бежать.

Дженис, как шла позади своих спутниц, так и бежала за ними. Благодаря тренировкам Джеффа и Билла, она была в лучшей физической форме в своей жизни. Но Ала и Миро легко опережали ее, и только напрягая все силы, словно нужно было пробежать стометровку, а не много миль, она сумела почти не увеличивать разрыв.

Все нояйнцы одинаковы, говорила она себе при этом. Не имеет никакого значения, присоединится ли она к группе Меддо или одинаково неизвестным сторонницам Мунны. Но, несмотря на это, Дженис продолжала бежать. По крайней мере, Ала и Миро приняли ее частично за свою. А дьявол, которого ты знаешь, лучше, чем неизвестный.

Но все оказалось бесполезно. Через несколько секунд ее поймали и, несмотря на их быстроту, Алу и Миро поймали тоже. Когда ее схватили за руки, Дженис вся дрожала от тяжелого дыхания, сердце ее колотилось так, словно вот-вот вырвется из грудной клетки, а легкие работали, как меха. Она чуть не теряла сознание, а стояла лишь потому, что ее держали с двух сторон. И пока она так стояла, разум, который показался ей самым мощным среди нойянцев, нанес

ей удар. На мгновение ей показалось, будто она сумела отразить этот удар, но тут же она была побеждена.

Из последних крупинок сил она попыталась поддерживать хотя бы символическую защиту, и хотя это было безнадежно, она боролась без всякой надежды.

III

Джефф яростно запустил книгой через комнату. До этого много часов была тишина, и Билл вздрогнул от неожиданности.

– Что случилось? – спросил он.

Джефф подошел к упавшей книге и пинком послал ее по полу. Это была «В пещерах Меркурия» Дженис Хиллер.

– Я жалею, что сперва не прочитал ее. – мрачно сказал он. – Тогда бы я никогда ее не послал.

– Я же говорил вам, что она пишет дерьмо.

– Да, но я и не думал, что это настолько глупо. Что же это за девушка? Она не выглядит дурой. Она излагает дельные мысли. И пишет вот это.

– Это хорошо продается, – пожал плечами Билл. – Возможно, ответ в этом.

– Ладно. Что сделано, то сделано. Сейчас она может быть уже мертва. Должно быть, она встретилась с нойянцами. Жаль, что я не прочитал это раньше.

– Это было невозможно. Мы все время тратили на Дженис. Мы должны были дать ей все, что могли.

– Чтобы она использовала это умом, который порождает такое! – воскликнул Джефф. – У любого пишущего человека должны быть мозги, но такое может создать лишь имбецил. У девушки, пишущей сентиментальную прозу, могут быть свои слабости, но не полное же слабоумие. Билл, я волнуюсь ради ее же собственной пользы. Мы не имели никакого права посылать эту девушку к нойянцам. Они же порвут ее на полоски и развесят сушиться!

– У нас не было выбора!

– И что это нам дало? – с горечью ответил Джефф. – Мы больше ничего не могли сделать. Но что, если мы ошибаемся? Что, если нойянцы не опаснее, чем обезжиренное молоко? Что, если мы просто навоображали, что они опасны?

– Тогда Дженис будет в безопасности.

Но Джефф не успокоился. Он шагал взад-вперед по хижине, бормоча себе под нос:

– Если бы мы только могли что-нибудь сделать, чтобы помочь ей. Или, по крайней мере, получить от нее весточку. Как вы думаете, она

сообщит нам, когда попадет к ним? Она ведь достаточно сильный телепат.

– А что мы сумеем сделать в таком случае?

– Что сумеем сделать? Мы с вами можем полететь в горы на самолете и стрелять во все, что увидим внутри и снаружи. И мы сделаем это, если они убьют Дженис.

– А может быть, она просто понравилась вам, несмотря на свои книги?

– Кому может понравиться женщина, написавшая это. Скажем

так, я отвечаю за нее. Если нойянцы ей повредят, то я лично должен сделать все, чтобы они пожалели об этом!..

Дженис все еще чувствовала, что легкие ее разрываются. В голове что-то пульсировало, словно там сжималась и разжималась какая-то пружина. Но идти стало полегче, и она снова заинтересовалась окружающим.

После ее стычки с Нерой, Меддо стали относиться к ней с большим уважением. Правда, Дженис так до конца и не поняла, что произошло. Высокая Меддо сконцентрировала на ней узко направленный мыслелуч, и Дженис сумела его остановить, напрягая для этого все свои силы. С тех пор Меддо стали более внимательны к ней, практически, принимая ее за лидера небольшой группы. Несколько Меддо впереди вели Миро и Алу, а остальные – по оценкам Дженис, их было около сотни, – сгрудились вокруг нее.

Дженис никак не могла отличить Меддо от явно конкурирующей группировки сторонниц Муны. Как Ала и Миро, как сама Дженис, они были молоды, покрыты золотистым загаром, носили сироны и думали и разговаривали на одном языке, в одной манере. Теперь уже было очевидно, что по физическим параметрам никак нельзя было определить земное происхождение Дженис. Во время борьбы на Але порвали сирон, и Дженис увидела, что, во всяком случае, внешне нойянки в точности походили на землянок, вплоть до белой кожи на закрытых от солнца местах, которая оттеняла загорелые конечности. Единственное, чего Денис должна опасаться, того, что нойянки заметят следы от купальника, в котором она загорала на Земле. Но это было давно, и следы стали совсем слабыми.

А вот разум – это другое дело. Совершенно ясно, что она уже открыла из своего разума гораздо больше, чем намеревалась, пока была без сознания. Нойянцы с детства развивают свои мыслещиты, а земляне – нет. И ей неизвестно, является ли ее щит сильным или нет.

Они шли в ярком свете первой луны, усиленном восходом второй – Мабор. Проход был таким же голым, как и оставшаяся позади равнина, но они шли к черной тени противоположного утеса. Из неспрятанных мыслей окружающих Дженис узнала, что в той тени прячется город нойянцев Медд.

Пока они шли, Дженис не тратила время впустую, а медленно, кропотливо создавала картинку своей жизни, отчасти из деталей принятой от Алы информации, отчасти из того, что принимала по дороге от окружающих женщин.

В конце концов, она романист, а значит, имеет в этом деле некоторый опыт. Картинка, над которой она трудилась, не была эпизодами из жизни обычной нойянки. Дженис понимала, что в этом она непре-

менно бы прокололась. Но она обнаружила, что нойянцы суеверны, а их суеверия были основаны о легендарной божественной расе, живущей на юге и называющейся эбру.

Дженис не знала, существуют эбру на самом деле или нет. Она лишь знала, что нойянцы считают их реальными. А так как они очень мало знали об эбру, за исключением того, что те были человекоподобными, то принадлежность к эбру была самой безопасной легендой для Дженис.

Их колонна вошла в тень высокого утеса, и Дженис задрожала. Холлус не только светил, но и ощутимо грел, поэтому ночи на Ное были такими же теплыми, как тропические ночи на Земле. Но в тени здесь резко холодало.

Пройдя несколько сотен ярдов, они попали в обширную пещеру. Насколько она большая, Дженис понятия не имела, но на протяжении того, что она видела в сумраке, пещера и не думала сужаться.

Внезапный поворот, свет, и Дженис увидела Медд. И чуть было не выдала себя, закричав от восторга. Он был громадный, он был великолепный, он был просто прекрасный. Под высокой кровлей пещеры стояли изумительные белые здания, довольно высокие, выполненные с таким артистизмом, какого никогда не могли достичь на Земле.

Все ее представление о нойянцах опять изменилось. Сначала, встретив Алу и Миро, она оценила их высоко. Но по мере того, как Дженис их узнавала поближе, ее оценка все понижалась. Сначала граничившие со страхом предосторожности Алы и Миро, когда они встретили грузовик, затем знание, что нойянцы делятся на группировки, потом успех Дженис в защите против главной Меддо, а кроме того, то, что нойянцы суеверны – все это понижало оценку Дженис всей расы, и перед тем, как они подошли к Меддо, Дженис уже не волновало, представляют ли нойянцы опасность для нее лично, не говоря уж о всей Земле.

Но один только взгляд на город снова все изменил. Раса, построившая такой город и продолжавшая строить его – Дженис видела, что строительство продолжается, – была не менее развита, чем Земля. Этот город не был продуктом молодой, дикой цивилизации. Создать его могла лишь цивилизация зрелая. Да и сама пещера представляла собой техническое чудо.

Но Дженис заглушила в себе удивление. Меддо повели ее в центр города. Дженис не видела никаких транспортных средств. Центр был довольно далеко, и, очевидно, единственный способ добраться до него – это идти пешком.

– Интересно, кто ты на самом деле? – задумчиво спросила Ала.

Меддо оставили Дженис с Миро и Алой, одетой в новый сирон, в небольшом помещении возле Зала Правосудия. Нойянцы не вели

ночной образ жизни. Ночью они спали, как и земляне, и все городские учреждения не откроются, пока не наступит рассвет. А то, что город был освещен так же ярко, как и в любое другое время суток, не имело никакого значения. Дженис и две муны оказались заключенными, запертыми так же, как с ними поступили бы и на Земле.

Вот только Дженис не давал покоя вопрос, как их вообще возможно запереть. Людям из УСП не удавалось держать взаперти еще ни одну нойянку. Почему же Миро и Ала не телепортируются из тюрьмы, может быть, сразу в Муну?

У Дженис еще не было на это ответа. Может, она и сумела бы проникнуть через их мыслещит, но, конечно же, проделать такое невозможно, не раскрывшись при этом самой.

– Вы знаете, кто я, – легко ответила она.

Она уже видела различие между двумя своими спутницами. Ала была лидером, практиком. Миро, немного ниже ее, с более изящной фигурой, была не настолько романтичной, как девушки, которых Дженис встречала на Земле, но все же она была бы, при иных обстоятельствах, счастлива, подчиняясь мужу. А Ала – никогда.

Они говорили вслух, используя нояйнский язык. И Дженис понимала, почему. Охрана снаружи могла бы уловить их мысли через тяжелую дверь, но не шепот.

– Нет, – сказала Ала. – Ты сказала, что была рабыней.

– Вы знаете, что я – рабыня. Вы же заглянули в мой разум.

– Вовсе нет. Интересно, может ли вообще кто-то проникнуть в ваш разум, если ты не позволишь? Меддо не смогли. И акцент у тебя странный.

Дженис напряглась. Выходит, несмотря на то, что она старательно учила язык, она произносила слова не совсем правильно. И она решила продолжать выдавать себя за эбру, потому что это объяснило бы все.

Дженис просто улыбнулась Але. Она лежала на мягкой кушетке – нояйянцы неплохо обращались с арестованными. Внезапно нояйнка отодвинулась от нее.

– Одна странная сила у тебя есть, – пробормотала Ала. – Интересно, нет ли других.

И она бросилась на Дженис. Намерения Алы были ясны. Она заставит Дженис защищаться, а, защищаясь, человек покажет больше, чем хотел бы.

Дженис выскользнула с кушетки из-под тела Алы, лихорадочно размышляя. Драки она не хотела. В физической драке Ала, конечно, одержит победу, а если Дженис нанесет удачный удар, то это еще больше разъярит соперницу.

– Вы думаете, это умно? – спросила Дженис.

– Может, и нет. Но я хочу знать.

– А что, если сперва я сделаю предложение?

– Я слушаю.

– Предположим, у меня есть странные способности. Я вместе с вами в плену у меддо. Если я убегу, то вы убежите вместе со мной. Вы что, хотите, чтобы я продемонстрировала все свои способности там, где их могут увидеть меддо?

– Ты права, – признала Ала. – Во всяком случае, я не могу рисковать. Ложись. Я больше не трону тебя.

Дженис вернулась на кушетку.

– Ты думаешь, мы сможем убежать? – с надеждой спросила Миро.

Она все больше нравилась Дженис, хотя бы потому, что у нее такое миловидное личико. И Дженис решилась. У нее был вопрос, на который она должна получить ответ. И как можно быстрее.

– Почему вы остаетесь здесь? – прямо спросила она. – Почему не телепортируетесь?

Дженис понимала, что совершает ошибку, и реакция ее спутниц тут же подтвердила это. По их неосторожным мыслям Дженис тут же поняла, о чем она спрашивает. Нойянцы не телепортируют свои тела. Тела остаются на месте. Они могут перемещаться хоть по всей Нойе, но тела их по-прежнему будут заперты в камере в Медде. А если бы кто-нибудь из них попытался телепортироваться, охранники снаружи тут же узнали бы об этом и сумели бы остановить. Детали Дженис не уловила, но узнала главное.

– Это что, шутка? – спросила Ала.

Раз она заговорила о шутках, значит, чувство юмора нойянцев было таким же, как и у землян. Но Дженис не могла двигаться дальше. Она почти уже раскрыла тайну нойянцев, но если бы стала продолжать, то выдала бы себя с головой.

Она уже понимала, как убегали нойянки, пойманные землянами. Тела оставались в камере, но колонисты их просто не видели. А из камер нойянки выбирались уже после того, как земляне считали эти камеры пустыми. Подробности оставались для Дженис загадкой, но сам принцип был очевиден.

Внезапно она улыбнулась Миро.

– Я выведу вас отсюда. А теперь давайте спать.

– Спать! – воскликнула Ала.

– Да, спать, – ответила Дженис, закрывая глаза. – Все делают это ночью, даже эрбу.

Ей было жалко, что она не видела лица своих спутниц. Но мертвая тишина, наступившая после ее слов, говорила сама за себя.

Уснула Дженис не сразу. Ей хотелось проверить, сумеет ли она

мысленно связаться с Джеффом и Биллом. Уже накопилось достаточно много того, что они не знали о нойянцах.

Для проверки Дженис направила простую мысленить в стену, противоположную направлению на Город Солнца. И тут же уловила, что за стеной встрепенулась охрана, еще не уверенная, что кто-то посылает мысль. Дженис спокойно порвала мысленить, и охрана тут же успокоилась, решив, что ошиблась.

Этот путь был закрыт. Дженис даже не понимала механизм, при помощи которого охрана окутала помещение мыслесетью, но уже знала, что таковой существует. У нойянцев оставалось еще немало тайн.

IV

Суд в точности походил на земной, подумала Дженис. Но она знала, чем он будет отличаться от земного, и немного боялась этого. Председательствующая меддо, Ритор, явно не собиралась вести честную игру, присяжные не подумали бы спорить о выносимом решении, а зрители, около двухсот нойянцев, вполне могли принимать участие в этой игре.

Дженис впервые увидела толпу нойянцев в их естественной среде обитания. Первое, что ей бросилось в глаза, когда ее вместе с двумя мунами ввели в зал, то, что в своих городах нойянцы очень редко носили белый сирон. Это была, если можно так выразиться, походная форма. А в городе многие носили одежду самых разнообразных цветов и фасонов. И хотя основой ее все равно чаще всего был сирон, но он мог переходить в шорты или юбки, украшаться декоративными кнопками и драгоценностями или быть с открытым верхом. Другие носили вовсе не сироны, а все, что угодно, слаксы, рубашки, платья, все, кроме кринолина и верховых бриджей.

Вот только нагота здесь явно не приветствовалась. Прежде чем отвести их в Зал Суда, Дженис и ее спутницам выдали, как само собой разумеющееся, новую одежду.

Миро шла первой. Дженис поняла по взглядам окружающих, что все присутствующие в зале оценивали их по нарастающей в порядке появления: сначала Миро, потом Алу, а потом ее саму. И понадеялась, что не ошиблась.

Суд не был судом, как таковым, хотя и носил такое название. Это была попытка заставить незнакомцев присоединиться к их группировке. Пятнадцать человек, которых Дженис приняла за присяжных, соединяли свои разумы воедино и направляли их мощь на пленницу. Если они добивались успеха, пленница сама присоединялась

к группе. Если терпели неудачу, выносился смертный приговор. Все было просто, честно и беспощадно.

Но имелась и альтернатива. Если присяжные не только терпели неудачу, но и голосовали за освобождение, пленница немедленно получала свободу. Дженис стала поспешно вылавливать в зале мысли об этом. Такое происходило, редко, но происходило. Обычно присяжные – их называли Мастера Уговоров – исправно выполняли свою работу. Иногда, один раз из сотни, они терпели неудачу, и подсудимую казнили. А один из десяти тысяч раз пленница получала свободу.

Миро привязали к стулу, стоящему перед Мастерами Уговоров. Затем Ритор кивнула, и ментальный ад вырвался на свободу.

За две минуты Дженис узнала о нойянцах гораздо больше, чем прежде. Со своей способностью землянки к критичному отношению, она сразу отмела все, что не имело значения. Во всяком случае, не имело значения, останется ли она рабыней или станет членом группировки меддо.

Но для Миро это имело значение. Здесь она бы стала рабыней. В любом городе, кроме Муны, она станет рабыней. Если ее победят, она охотно останется в Медде, но отчасти это было вопросом чести. А на Ное даже у рабынь была честь. Но кроме нее, у рабыни здесь мало что было.

Дженис быстро просеяла тысячи неосторожных мыслей и поняла, что в этом деле участвовали все, а не только пятнадцать мастеров Уговоров и Миро. Это походило на игру, принять участие в которой мог любой по желанию. Некоторые присоединились к Мастерам Уговоров, другие – к Миро. Все это было частью игры. Но реальная борьба шла между пленницей и Уговорщиками. Они были единственными, кого волновал результат.

Дженис попыталась отыскать тайну телепортации нойянок, но ничего не вышло. Никто не думал об этом. Но среди сотен других вещей, подумать над которыми она отложила на потом, она поняла, что Судилище, в конце концов, имеет значение для нее. Потому что именно муны занимались телепортационными стычками с земной колонией. Дженис не узнала, ни кто, как и почему, но, по крайней мере, выяснила, что должна покинуть Медд и продолжить свою работу в Муне.

Тем временем, все было закончено за две минуты. Миро стала рабыней. Глядя на ее личико, не только красивое, но и способное так выражать счастье или горе, Дженис вспомнила о своем обещании, и ей стало стыдно. Но она уже ничего не могла поделать.

Место Миро на стуле заняла Ала. На этот раз Дженис не обращала внимание ни на что, кроме схватки между шестнадцатью разумами, и пыталась найти способ победить Мастеров Уговоров.

Сначала пленница поставила мыслебарьер, который Мастера начали пробивать. Это занимало у них время в зависимости от личных качеств пленниц. Для Миро хватило десяти секунд. Ала держалась уже минуту, хотя заметно слабела. Но ее барьер неизбежно будет рано или поздно прорван. Один разум не может противостоять пятнадцати.

Затем начались собственно Уговоры. Пленница излагала свои доводы, а Мастера Уговоров опровергали их.

На Алу им потребовалось восемь минут. Затем ее отвязали от стула. Она встала, гордая, несломленная. Тут же был объявлен неизбежный смертный приговор.

Две меддо стали готовить Алу. Она должна была умереть на месте. Но это была неспешная, торжественная процедура, поскольку она осталась непобежденной, а потому к ней нужно было относиться с уважением. Ее приговорили к смерти не из ненависти или садизма, но потому, что ей нельзя было разрешить жить среди них, но она все же оказалась недостаточно сильна, чтобы заставить их отпустить ее.

Дженис глядела, как меддо надели Але через голову мерцающее серебром платье и позволили ему свободно скользнуть вниз, покрывая тело. Напротив сердца на платье была вышита золотая звезда. Ритор сошла со своей кафедры и вытащила серебряный кинжал.

Дженис подумала, что она всегда относилась к Але, как к врагу. Но когда кинжал взметнулся в воздух, она вдруг поняла, что через секунду его острие пробьет звезду и войдет Але в сердце, и почувствовала, что должна вмешаться.

– Постойте! – мысленно крикнула она так громко, что этот крик взорвался в сознании всех присутствующих в Зале. – Позвольте ей остаться живой до вынесения приговора мне!

– Хорошо, – легко согласилась Ритор и вернулась за свою высокую кафедру.

Дженис посадили на стул и привязали. Ала глядела на это молча, спокойно, великолепная в серебряном платье. Для нее это была всего лишь отсрочка, но она не выказывала ни малейших признаков слабости.

Для представителя расы, которая только-только начала развивать телепатические силы, было чистым безумием надеяться победить в схватке с пятнадцатью объединенными разумами существ, чья раса пользовалась телепатией много столетий. Но Дженис намеревалась использовать оружие, о котором им ничего не было известно.

Когда Мастера Уговоров наткнулись на ее мыслебарьер, то вдруг обнаружили, что он тверже скалы. Дженис держала его таковым целых четыре минуты, прекрасно понимая, как ценно это время, зная и видя, как с каждой секундой падает боевой дух Мастеров Уговоров, пока барьер остается незыблемым.

Возможно, они все же сумели бы пробить ее барьер, если бы знали, с кем имеют дело. Но этого они не знали. Они попытались пробить барьер нойянки. Они откалибровали и настроили свои разумы, чтобы ворваться в воспоминания о жизни, которой должна была жить Дженис.

Но она-то думала о Земле, поэтому у них не было ни малейшего шанса.

Однако, было недостаточно просто не пустить их в свой разум. Это просто поставило бы ее рядом с Алой. Дженис должна была напасть.

И она внезапно напала на них с вопросом. Это было так неожиданно после четырех минут непробиваемой защиты, что Мастера Уговоров оказались неспособны нанести ответный удар. А сам вопрос тоже был таким неожиданным, что они были вынуждены задуматься над ним.

Они изучали машины, которыми пользовались Чужаки?

Конечно, они их изучали. Но у нойянцев не было машин. У них были великолепные инструменты, невероятная химия, они прекрасно владели медициной и всеми видами хирургии… но машин у них не было.

Дженис быстро объяснила им принципы и техническое устройство машин. В качестве образца она выбрала двигатель внутреннего сгорания. Электричество было опасной темой, поскольку электричество на Нойе использовалось каким-то странным, непонятным Дженис образом. Ядерная энергия тоже была скользкой темой, так как нойянцы могли уйти далеко вперед в ее химических аспектах. Паровой двигатель слишком прост. Самым правильным выбором был двигатель внутреннего сгорания.

Дженис заставила их вести спор на своем поле. Она заставила их признаться, что такая штука, как двигатель внутреннего сгорания, невозможен, а потом доказала его работоспособность. У нее был непробиваемый барьер, за которым она могла отдыхать. И на ее стороне был спор о том, что казалось им дикой теорией, а для нее самой было чистой практикой.

И все время у нее перед внутренним взором были часы Нойи. Дженис не могла в них разобраться, но разумы, в которые она вторгалась, могли. Так что она знала до секунды, сколько времени остается.

И когда она доказала осуществимость двигателя внутреннего сгорания, у нее были еще три минуты в запасе. Поэтому без всякой передышки она заставила их спорить о логарифмической линейке. У них не было ничего подобного, причем, в отличие от двигателя, это устройство никак не выявляло происхождение Дженис. Нойянцы понятия не имели, что земляне пользуются таким инструментом. И опять-таки она заставила их спорить на своем поле и легко доказала достоинства этого инструмента.

Весь Зал Суда уже кипел волнением и страхом, но у Дженис не было времени обращать на это внимание. Окружающие не знали, что она пользуется ресурсами чужой культуры, и Дженис делала все возможное, чтобы они этого не поняли.

В оставшуюся минуту Дженис рассказала им о преимуществах типографской печати, что снова было для них в новинку и никак не связана с земной колонией. Теперь она уловила замешательство и волнение, которое уже наполняло Зал до краев. Что она надеется получить? Они уже поняли, что разум у нее мощный, устойчивый, с развитым воображением. Но почему эта женщина вяжет из мастеров Уговоров узлы только по вопросам о материальных объектах, как бы ценны они ни были? Почему она не борется и не побеждает их на уровне чистой мысли?

Некоторые полагали, что этого она просто не может. Она использовала то, что было легко – для нее. Но в ее простом складе оружия не было такой силы разума, которая могла бы одолеть пятнадцать сильных нойянских умов и как угодно скрутить их. Она показала уже все, на что способна…

Но когда истекали последние секунды и Дженис оказалась на самом краю гибели, она собрала все силы и бросила в Мастеров Уговоров громоподобный телепатический рев:

– И ВЫ ПОСМЕЕТЕ УБИТЬ ЭБРУ?

Это было красиво задумано. Ее мысль ураганом ворвалась во все умы. На стороне Дженис оказались их собственные суеверия и даже религия. Дженис показал им, что она неуязвима, смешала их мысли в хаос, обратилась к их глубинным страхам.

Ни один Мастер Уговоров не посмел ничего ответить. Она не могла быть эбру, но никто не рискнул так ответить. Ведь если она не эбру, тогда кто она?

И пока они колебались, Дженис открыла свой разум. Разумеется, не было никакой глубины в составленной ею картине, но этого никто не понял. Поскольку все было лишь фантазией Дженис, то она изобрела также и глубину этих фантазий. То, что увидели нойянцы, было чистой воды фантазией, но они понятия не имели, что существуют такие вещи, как фантазии. Они видели то, что придумала Дженис, и так, как она хотела, чтобы они увидели. И доверчивые, поскольку доверчивость была у них в крови, они поверили всему увиденному.

– К нынешнему моменту, – мрачно сказал Джефф, – нойянцы, вероятно, привязали ее к столбу и выставили гнить на солнце.

Билл взвесил в руке толстенный том.

– А вы читали про нее в «Деловых людях»?

– Нет. А зачем?

– Тогда бы вы поняли, что когда она падает, то всегда приземляется на ноги. Как кошка. Так было с тех пор, как ей стукнуло три года. Прочитайте эту заметку. Такая девушка не может умереть одна, беспомощная, на планете, о которой почти никто на Земле и не слышал. Уверяю вас, она могла бы умереть лишь в блеске славы после превосходно выполненной работы. Примерно, такой, какой она занимается здесь.

– Да ты шутишь, – сказал Джефф.

– Нет, я серьезно. Почитайте. Тут не утверждается, что она гений, разве что между строк. Тут не говорится, что она лепит нетленку. Тут сообщается – между строк, – что она пишет то, что нравится людям. Это все равно, как если бы она описала лошадь с тремя ногами, не закончив остальную картину. Когда она вышла замуж за человека с…

– Замуж? – воскликнул Джефф.

– Все в порядке, – усмехнулся Билл. – Он уже умер. Когда она вышла замуж за богатого охотника, тот, казалось, был создан лишь для того, чтобы учетверить ее состояние и тут же скончаться. Она набита под завязку, Джефф, и не только деньгами, но и удачей. Ей всю жизнь выпадают одни семерки.

Джефф посмотрел на него с сомнением, но почувствовал слабую зарождающуюся надежду.

V

Дженис ушла из Медда, свободная делать все, что пожелает, и взяла с собой Алу и Миро. Миро была освобождена Мастерами Уговоров, сделавшими ее рабыней. Дженис одержала гораздо более значительную победу, чем даже мечтала.

Сперва, когда они медленно шли в тени, избегая дневного солнца, муны глядели на Дженис со страхом, и если для Миро это было естественно, то не очень-то шло Але.

– Я не утверждала, что я эрбу, – внезапно сказала она им.

– Но должны были, – робко вставила Миро.

– Возможно. Но все-таки запомните, что я не утверждаю, что я не просто обычная девушка.

Это слово означало то, что Дженис хотела, чтобы оно значило. Разум ее частично был открыт, когда она сказала это. И они восприняли, что она считает себя обычной девушкой. Для них это означало – нойянкой. Но для нее нечто другое.

– Что вы собираетесь делать в Муне? – спросила Ала.

Осторожно спросила, готовясь получить ужасный, оглушительный мыслеудар, каким Дженис добила Мастеров Уговоров.

– Вы неправы насчет Чужаков, – категорично заявила Дженис.

Это было достаточно безопасное заявление. Как бы нойянцы не относились к земной колонии, они могли быть неправы, так почему бы Дженис не взять на себя задачу исправить положение.

– Насчет Чужаков?.. – Ала задумалась. – А как мы можем оказаться неправы? Они стремятся изменить наш образ жизни. А кроме того, они – мужчины. Что мы можем сделать, если не бороться с ними?

– Учиться у них. Как я, например.

– Да, вы много знаете. Это будет очень полезно. Мы не стыдимся учиться.

– И, кроме того, не все там мужчины. Я имею в виду человечество в общем.

Дженис видела в Медде несколько нойянских мужчин. Это были деликатные, добродушные существа с развитым умом, но без всякого напора – чрезвычайно довольные собой и жизнью. Рабами на

Нойе, как и вождями, являлись женщины. Так что не стояло никакого вопроса об освобождении мужчин. Роскошь и чувственность были их жизнью, и сутью.

– Я видела их женщин, – высокомерно сказала Ала. – Этот просто животные. Мертвые тела и искалеченные разумы. Машины для рождения детей. Старые, толстые и уродливые.

Из мыслей, сопровождающих это описание, Дженис поняла, наконец, почему ни одна нойянка ни на мгновение не заподозрила, что она может быть землянкой. Дженис не стоило волноваться о неровном загаре на теле или подобной ерунде. Было бы принято любое объяснение, чем то, что это сильное, тренированное тело и мощный телепатический разум могут принадлежать женщине Чужаков. Тем более никто и предположить не мог, что Дженис, которая сделала то, что сделала, может быть одной из тех полуразумных коров.

Но это была еще не вся картина. Нойянцы, некоторые нойянцы, должны были видеть сильных, молодых, здоровых земных девушек. Все-таки в колонии появлялись бортпроводницы, медсестры, докторши, биологини, молодые жены. При других обстоятельствах нойянцы могли бы различить в ней землянку.

Но тут сыграла роль некая эмоциональная слепота. Нойянки были неспособны уважать женщин, которые могут «подчиняться» мужчинам. Они знали, что земные мужчины отличаются от их собственных. Но в любых контактах с землянами они видели угрозу всей своей системе жизни.

И, подумав об этом, Дженис вдруг с ошеломляющей ясностью поняла, что никогда не будет тесного сотрудничества между нойянцами и землянами, пока на Нойе царит матриархат. А он был всегда.

До этого момента Дженис надеялась, что две развитые расы, проделавшие большой путь, могли бы дальше пойти вместе. Но теперь, зная Землю и увидев Нойю – а еще больше, увидев разумы нойянцев, – Дженис поняла, что тут немыслимы любые отношения, кроме очень непрочного и неудобного всем союза.

На Земле власть принадлежала мужчинам. Они были крупнее, сильнее, честолюбивее и умнее женщин. Но это не значило, что никакая женщина не может быть умнее большинства мужчин. Везде есть исключения, для которых законы не писаны. Но все же, мужчины управляют всем на Земле, и большинство женщин позволяет им управлять собой.

На Нойе на вершине власти были женщины, потому что вся история этой планеты отличалась от истории Земли. Никто не занимался здесь опасной охотой, потому что на Нойе не было крупных животных, а значит, физическая сила не являлась необходимой для выживания. Здесь не было войн, потому что не было недостатка в плодо-

родных землях. А значит, не было причин для чрезмерного развития честолюбия. Здесь больше требовались женские качества, а потому и править стали женщины. Все очень просто. Это сработало и продолжает работать.

– Как вы делаете это? – спросила Ала.

Мысль несла в себе все подробности вопроса, и Дженис знала, что Ала имеет в виду непробиваемый барьер. Дженис резко остановилась. Да она просто слепая! Ей вовсе не нужно идти в Муну. Она могла начать свою битву здесь, с Алой и Миро, которые стали ее подругами.

– Я научу вас, – сказала Дженис, – если вы покажете мне тайну телепортации.

Она уже понимала, что говорить такое безопасно, потому что, хотя они и посмотрели на нее недоверчиво, но даже предположить не могли, что она землянка.

– Но вы же должны знать… – задумчиво протянула Ала.

– Нет. Не забывайте, что я ведь странная. Я знаю то, что не знаете вы. Но, по крайней мере, одна вещь, известная вам, является для меня тайной.

И они, просто и доверчиво, рассказали ей все. Они все еще не верили, что Дженис не знает о телепортации. Они думали, что просто напоминают ей чисто технические приемы. И когда Дженис поняла это, из ее глаз хлынули слезы. Они не плакала уже много лет, и не знала, почему заплакала сейчас, может быть, просто от позора.

Нахмурившись, они озадаченно смотрели на нее, и Дженис поняла, что они ждут, как дети, когда она раскроет им взамен свою тайну. Но они не могли воспользоваться ее тайной, потому что разум Дженис был непроницаем из-за инопланетного фона, и она могла пользоваться этим лишь до тех пор, пока это оставалось тайной. Объяснить это можно было лишь так. Дженис должна рассказать им все, или попросту обмануть, как воровка, забравшая все, что хотела украсть и потерявшая к дальнейшему интерес. А может, и хуже, чем как воровка – как шпионка?

Нет, она не могла пойти на это. Она не могла просто оставить их в замешательстве. Это была бы трусость, скрывающая предательство. Сказать правду было бы тоже не меньшим предательством, но, по крайней мере, это было лучшее, что она могла сделать.

Дженис тут же отбросила намеки на эрбу, как отговорку, и широко распахнула им свой разум.

Несколько долгих секунд они не могли в это поверить. Но они видели ее разум и знали, что это правда. Придуманная ранее Дженис картинка была хороша, но не несла на себе печать подлинности.

С диким криком Ала бросилась на Дженис. В это мгновение Дже-

нис поняла, что рассказала им правду лишь для своего удовлетворения, но им-то от этого не легче. И, поняв это, она отпрыгнула в сторону и швырнула всю мощь своего разума прямо в Алу, экраны которой были широко распахнуты в гневе. Ала дернулась в воздухе, словно в нее попала пуля, и рухнула на землю. Дженис сделала то, чего не сумели совершить Мастера Уговоров в Медде. Ала беспорядочной кучей лежала неподвижно. Дженис мысленно потянулась к ней, и ее разум завопил в ужасе, потому что Ала была мертва. Дженис не хотела этого. Она только превратила свой разум в разящий луч и вонзила его в открывшийся разум Алы. Дженис сама еще много дней будет содрогаться при мысли об этом.

Но Ала не станет вздрагивать. Дженис послала луч, Ала приняла его. И умерла.

Теперь настал черед Миро. Дженис повернулась и увидела, что девушка отчаянно боится ее и пытается перебороть свой страх. Миро знала, что должна поступить так же, как Ала, и попыталась все же напасть на Дженис. Та без всякого энтузиазма послала в нее слабый луч.

Но Миро избежала ошибки Алы. Она видела, что произошло с подругой, и не раскрывала свой разум. Дженис наткнулась на мыслебарьер. Так сильно Миро не защищалась никогда в жизни. Она боролась даже сильнее, чем в Зале Суда в Медде.

Не без труда отразив ее атаку, Дженис ударила лучом почти в полную силу. Миро поникла, но лишь на мгновение. Рассказав Миро о своем происхождении, Дженис уменьшила свою силу. Кроме того, она не хотела бить по девушке в полную мощь. Дженис знала Миро всего лишь несколько часов, но чувствовала, что не может хладнокровно убить ее.

– Прекратите, Миро, – послала ей мысль Дженис. – Я не хочу вам навредить. Дайте мне уйти, а сами идите в Муну.

– Вы убили Алу, – задыхаясь, произнесла Миро вслух, потому что для мысленных переговоров ей нужно было бы открыть свой барьер. – Вы мне понравились, я… Я боялась вас, но все же любила. А вы… вы оказались убийцей и рабыней Чужаков. Вы расскажете им…

– Я не ссорилась с вами, Миро, – спокойно ответила Дженис. – Идите в Муну, к вашим людям, и позвольте мне уйти к моим. Вы же в жизни не дрались насмерть, да и я тоже. Почему же мы должны превратиться в диких зверей?

Но, поставив себе на место Миро, Дженис поняла, что это пустая трата времени. На месте Миро она бы тоже стала драться.

Девушка набросилась на Дженис, точно тигрица. Сначала Дженис только пыталась удержать ее, но потерпела неудачу. Миро была слаба для нойянцев, но более чем достойным противником для Дженис.

Миро не использовала ногти и не попыталась выцарапать Дженис глаза. Она явно никогда не дралась, но все же больше не следовала никаким правилам хорошего тона. Дженис покачнулась от удара в живот. При других обстоятельствах она упала бы, корчась от боли, но сейчас она не могла позволить себе упасть. Дженис знала, что Миро страмится убить ее, и поэтому, с залитым слезами лицом, согнувшись от боли, она должна была продолжать драку.

Какое-то время Дженис удавалось держать нойянку на расстоянии вытянутой руки. Но затем поняла, что может победить ее благодаря тренировкам в земных видах единоборств... а при необходимости, пустив в ход ногти и зубы.

Проведя неожиданный для Миро прием, Дженис швырнула ее на землю и упала на нее сверху. Используя локоть, как рычаг, она перевернула девушку лицом вниз. Но та внезапно с дикой силой отбросила Дженис на несколько футов. Однако, Дженис тут же опомнилась и вновь прыгнула на Миро, хватая ее за руки и за волосы. Миро хотела снова сбросить ее, но Дженис ударила ее головой о плоский камень, осторожно, пытаясь не убить, а только лишить сознания.

Когда Миро пришла в себя, она была уже связана полосами ее собственного сирона. Она попыталась порвать путы, но Дженис стянула их крепко.

– Вы не сможете освободиться, – сказала ей Дженис. – Но можете передать мысли в Муну. Кто-нибудь придет и освободит вас.

– Вам придется убить меня, – ответила Миро. – Если вы не сделаете этого, то я пошлю за вами погоню.

– Пожалуйста, если хотите. По крайней мере, у меня будет около четырех часов форы.

Лицо Миро явно выразило отчаяние.

– Я попрошу меддо поймать вас.

Дженис задумалась. Она понимала, что имела в виду Миро. Нойянцы могли бороться между собой, но против общего врага они выступят единым строем.

– Вам не следовало говорить это мне, – заметила она. – Я заблокирую ваши мысли.

– Вы можете это делать, пока будете между мною и меддо. Когда же войдете в проход, я свяжусь с ними.

Дженис присела на корточки возле нее.

– Не уверена, что сумею вам объяснить, – сказала она. – Разве вы не понимаете, Миро, что у нас есть точки соприкосновения? Я вам нравилась, когда вы считали меня нойянкой. Что же изменилось теперь?

– Вами управляют мужчины.

Дженис покачала головой. У нояйнцев этот жест имел то же значение.

– Нет. На Земле это иногда было, потому что там, в конечном итоге, правят мужчины. Но здесь я независима. Более того, я занимаю высокое положение в отряде Чужаков. Если бы сейчас вдруг выступили их вооруженные силы на машинах, я могла бы приказать им уехать обратно, и солдаты повиновались бы мне. Понимаете, они повиновались бы мне, женщине? Разве это было бы возможно, если бы женщины были у Чужаков просто куклами, вещами? Как вы думаете?

Но Дженис понимала, что все было безнадежно с самого начала. Миро испытывала к ней сдержанное уважение, которое никогда не почувствует к мужчине-землянину – просто потому, что Дженис женщина. Но это еще не означало, что они смогут договориться.

Дженис поднялась на ноги.

– До свидания, Миро, – сказала она. – Помните, я боролась за свою расу, как вы боретесь за свою.

Она оставила Миро связанной, уже скрытой удлиняющимися тенями, и решила не думать о ней, пока не вернется в Город Солнца. Ей еще предстояло принять кое-какие решения – но сперва нужно было убежать от нойянцев.

VI

Дженис еще не отошла далеко, когда Миро послала первую мысль-послание в Медд. Дженис заблокировала ее, понимая, что Миро права. Как только она войдет в проход, находящийся под контролем Медда, и больше не будет между Миро и городом, она уже не сможет блокировать Миро. Нужно было, конечно, убить Миро, как до этого она убила Алу, но Дженис не хотела и думать об этом.

Уже стемнело, когда она добралась до прохода. Темнота была Дженис на руку. Но, с другой стороны, ее, Алу и Миро меддо поймали и в темноте, причем тогда они не знали, что кто-то идет по проходу. А теперь им известно, что нужно поймать девушку, направляющуюся в долину.

Но теперь заметить ее было гораздо труднее. Дженис нашла небольшой бассейн и плюхнулась в него. Как следует вымокнув, она вышла и обмазала серой горной пылью свой сирон, руки, ноги и даже волосы. Среди прочих своих ограничений, нойянки и подумать бы не смогли сделать такое. Меддо станут искать девушку по блеску сирона на фоне скал. Им и в голову не придет, что она сможет так замаскироваться, что ее заметят, лишь подойдя почти вплотную.

И еще Дженис была уверена, что сумеет не выдать себя мыслями. Ее поймают, только если заметят глазами. А поскольку меддо наблюдали за стенами, она пошла по самому центру прохода. И еще ей помогало зрение землянки. На Нойе не бывало такой темноты, как

на земле в безлунные ночи. И она будет в состоянии увидеть меддо прежде, чем те заметят ее.

Дженис могла бы мысленно сканировать местность вокруг, но тогда ее тоже смогли бы засечь. Так что она лишь уловила смутную мысль, по которой определила, что меддо напали на ее след.

Бежать не было смысла. Дженис не могла бежать бесшумно, к тому же меддо с легкостью опередили бы ее, как и прежде. Так что она продолжала двигаться медленно и бесшумно. Попутно она прикинула, когда зайдет Холлус. Примерно часа через два. Тогда настанет самый темный период нойянской ночи, когда будет светить только Мабор, маленькая вторая луна. Но это продлится лишь час, затем взойдет Крину, последняя из трех лун и более тусклая, чем Холлус. Значит, за этот час нужно успеть пересечь равнину за холмами.

И тут Дженис чуть не наткнулась на меддо, но ее глаза, более приспособленные к темноте, предупредили ее прежде, чем заметили те. Дженис растянулась ничком на земле и, как и надеялась, нойянки не заметили ее, хотя прошли довольно близко. Они не искали женщину, одежда и кожа которой будут одинаково серыми. Они искали проблеск золотистых конечностей и белого сирона.

Для Дженис свет Холлуса была даже лучше, чем полная темнота. Потому что лунный свет всегда предательский. В нем всегда столько шевелящихся теней, отбрасываемых луной, что среди них легко затеряться, просто стать еще одной тенью. А с другой стороны, Дженис лучше видела. Так что лунный свет помогал ей больше, чем меддо.

И тут она уловила небрежно упущенную ими мысль. Меддо уже были далеко от нее в долине, собирались цепью прочесать долину и вернуться той же дорогой, прочесывая ее еще раз. Таким образом, они были уверены, что наверняка поймают ее в сети.

Конечно, так бы и случилось, если бы Дженис не была предупреждена. Она подумала было попытаться проскользнуть вдоль стены прохода, но там они будут смотреть особенно тщательно. Поскольку цепь преследователей была далеко, Дженис поспешно просканировала местность впереди. Скалы не помогут, поскольку меддо будут наверняка тщательно осматривать их. Можно отступить тем же путем, что она и пришла сюда, но тогда Дженис окажется между меддо и мунами. И все равно потом ей пришлось бы снова пройти здесь.

И тут Дженис нашла, что искала. В центре долины, служащей проходом, тек глубокий поток, заросший водорослями и мягкой травой. Дженис нашла глубокое место, где могла погрузиться в воду целиком, оставив на поверхности лишь рот для дыхания. Меддо пойдут через отмель. Здесь они пройти не смогут.

Дженис ждала бесконечно долго. Вода освежала, и была даже

приятной, поскольку Дженис была потной и разгоряченной, всю ночь уходя от погони.

Она ничего не видела и не слышала, но у нее было заготовлено несколько мер относительно появления меддо. Они были опасные, но не могла же Дженис лежать здесь вечно. Она должна знать, когда преследователи пройдут.

И Дженис ощутила их присутствие, когда они чуть ли не наступили на нее. Она заранее привязала ноги к мощным стеблям водорослей под водой, чтобы тело не всплыло, а руками стискивала пучки травы, оставив на поверхности лишь губы.

И она почувствовала, что меддо глядят прямо на нее. Она затаила дыхание, потом осторожно выдохнула воздух, чтобы стать тяжелее. Если бы водоросли не выдержали, то она тут же всплыла бы на поверхность и была бы, конечно, замечена. Но водоросли выдержали

Меддо, казалось, очень долго стояли на месте. Они тщательно осматривали воду, хотя не было никаких причин подозревать ее присутствие здесь больше, чем где-то еще. Легкие Дженис вопили, требуя воздуха, но она знала, что если хотя бы шевельнется, то на воде поднимется рябь.

Наконец, меддо пошли дальше, и Дженис позволила себе осторожно подняться к поверхности, чтобы дышать. Меддо по-прежнему были в нескольких ярдах от нее. Потом Дженис услышала всплеск и тут же опустилась в глубину. Это одной из меддо впереди что-то показалось, и она залезла в воду.

Наконец, они ушли. Дженис вылезла из воды и снова покрыла себя с ног до головы пылью.

Какое-то время ей казалось, что она миновала цель поисковиков. Но потом случайные мысли показали, что впереди все еще есть большая концентрация народа. Меддо не полагались на единственный маневр. Кроме того, они идентифицировали друг друга каждые несколько минут, чтобы удостовериться, что Дженис не затесалась среди них. Но Дженис и не думала об этом.

Без дальнейших проблем она добралась до устья прохода, но там ее ждало настоящее испытание. Меддо знали, что она не может обойти эту точку. Они обыскивали долину, но если бы это не удалось, то охрана на входе в долину не должна потерпеть неудачу. Дженис ощутила здесь столько нойянок, что даже если бы точно засекла местоположение каждой, все равно не смогла бы прошмыгнуть незамеченной.

Через несколько минут взойдет Холлус, и меддо знали это. Они притаились на своих постах, готовые обнаружить любую мысль, звук или движение.

Дженис остановилась, чувствуя беспомощность. Даже если и был

здесь выход, то Дженис не могла его найти. Можно было попытаться подняться на утесы, где они были менее крутыми и гладкими. Но сделать это было невозможно, чтобы ее не выдали падающие камешки. А кроме того, подъем мог вообще закончиться неудачей.

Дженис подумала о попытке послать охранницам фальшивый приказ. Но и это было бесполезно. Мысль идентифицировала отправителя гораздо лучше, чем голос. Едва ли вообще можно было послать мысль, не вместив в нее нечто вроде подписи. Дженис подумала о ментальном нападении, чтобы попытаться сбить пару охранниц так, как она убила Алу. Но у всех меддо были опущены мыслещиты.

Оставалось попробовать только одно – то, что она лишь недавно узнала, что никогда не использовала, и что меддо знали куда лучше, чем она.

Дженис телепатически спроектировала себя в долину, неподалеку от того места, где она пряталась от охранниц устья, и позволила обнаружить себя.

Меддо не были хорошо обученными охотниками по вполне естественным причинам. Охотниками любой расы всегда являются мужчины, а не женщины. Меддо могли охотиться, но не достаточно хорошо. Они позволили себе покинуть свои позиции, взволновались и начали посылать друг другу небрежно экранированные мысли. И когда Холлус высунулся из-за холмов, Дженис прекратила телепортировать и рванулась через устье в долину.

Одной телепортации все равно было бы недостаточно. Меддо скоро бы поняли это и вернулись на свои позиции, и тогда Дженис пришлось бы начать все сначала. А так для них вдруг стало слишком поздно. Охранницы не позволили бы победить себя так же легко, как она сделала с Алой, но они даже не заметили ее бегство, и все еще полагали, что она где-то в проходе, хотя на самом деле она уже вырвалась на равнину и могла считать себя в безопасности.

До Города Солнца было еще около трех миль, но Дженис расслабилась, когда пробежала две трети этого пути. Самые близкие меддо отставали от нее на три мили. И даже если бы все они изо всех сил рванулись к Городу Солнца, то все равно не успели бы ее поймать.

Дженис выполнила свое задание и сумела уйти от них. Она не гордилась собой, она просто сделала то, что должна была сделать.

VII

Джефф и Билл уже должны были бы дрыхнуть в постелях, так как прошлой ночью почти не спали, но они все еще бодрствовали. Они знали, что если Дженис вернется, то это, наверняка, произойдет ночью.

– Двадцать восемь часов, – бормотал Джефф. – Конечно, если бы с ней ничего не произошло, она давно бы уже вернулась.

– На это может потребоваться неделя, – покачал головой Билл.

– Мы не сможем столько ждать, мучаясь от неизвестности.

– Мы узнаем, если она потерпит неудачу. Нойянцы всегда возвращают тела убитых людей.

– Тела мужчин. Мы не можем быть уверены, что так же будет с Дженис, потому что ничего подобного раньше не было. Интересно, живы ли ее родители?

– Я же посоветовал почитать вам «Деловых людей», – сказал Билл. – Родители давным-давно умерли. Дженис и не знала их.

– Но это не легче. Кто-то же должен был растить и воспитывать ее.

Билл промолчал. Он был измучен, двадцать восемь часов подряд пытаясь вытрясти из Джеффа пессимизм.

И тут внезапно открылась дверь, и вошла Дженис. Они вскочили на ноги и уставились на нее. Она была покрыта засохшей коркой грязи и пыли, вся в синяках и царапинах, уставшая до смерти, но все же живая и здоровая.

– Дженис! – воскликнул Джефф.

Она подняла руку.

– Не говорите ни слова. Мне нужна ванна и чистая одежда. И кто-нибудь может сделать горячий кофе и бутерброды. Я почти сутки не ела.

Больше она ничего не сказала, и прошла через комнату в помещения, которыми пользовалась, пока ее маскировали под нояйнку. Несколько долгих секунд они глядели ей вслед, потом Билл пробормотал:

– Думаете, у нее все получилось?

От пессимизма Джеффа не осталось и следа.

– Конечно же, получилось, – торжественно заявил он. – Я знал, что так и будет.

Пораженный Билл лишился дара речи.

Дженис привела себя в порядок достаточно быстро. Вскоре она вернулась, принявшая душ, с чистыми волосами, одетая в слаксы и рубашку, и теперь, когда кофе был готов, даже почти не выглядела усталой.

Они ничего не говорили, пока она сидела за столом и пила кофе. Дженис тоже не жаждала начинать первой. Нечаянно, просто от нетерпения, Джефф потянулся было к ней мысленно, но тут же отшатнулся, получив ментальный удар такой силы, в существование которого он даже поверить не мог. Он изумленно уставился на Дженис, которая даже не поставила на стол чашечку.

И тут поспешно вскочил Билл.

– У меня тут появилась одна мысль, – пробормотал он. – Фактически, я уже думал об этом раньше. Возможно, вы знаете, Дженис, что я имею в виду.

– Черта с два! – воскликнула Дженис. – Должно быть, вы хорошо прятали ее!

– Вы тоже, – усмехнулся Билл и вышел.

– Эй, я что-то упустил? – крикнул ему вдогонку Джефф.

– Забудьте об этом. Кстати, о нойянцах... Кое-что я узнала, но пока придержу это при себе. Вы понимаете, что это значит?

Это был второй сильный шок, полученный Джеффом за последнюю минуту. Последняя фраза звучала, как «что я имею в виду».

– Нас выживут с планеты! – воскликнул он.

– В конечном итоге, – хладнокровно сказала Дженис. – Город Солнца, может быть, и останется, но рано или поздно УСП поймет, что есть много других планет, и гораздо выгоднее работать там,чем напрасно тратить время здесь. Джефф, это мир нойянцев. Если бы мы могли принести им пользу, они сами попросили бы нас остаться. Но пользу мы принести не можем.

Джефф сердито посмотрел на нее.

– Вы не можете быть в этом уверены, – сказал он.

– Вы же знаете, что могу. Вы уже все поняли, когда сказали, что нас выживут с планеты.

– И как же это будет? Начнутся восстания женщин против мужчин?

– Не надо истерики. Я устала. Больше сегодня я не хочу говорить. И кроме того, что я могу еще сказать вам?

– На днях, – с едва сдерживаемым гневом проговорил Джефф, – прилетит сотрудник-женщина, которую я запрашивал. Можете держать ваши тайны при себе, если вам так нравится. Но что узнали вы, то сумеет узнать и она. И тогда мы заставим нойянцев сотрудничать.

– Вы ошибаетесь сразу по двум пунктам. Во-первых, когда у вас будет сотрудник-женщина, ничего она не сумеет узнать, потому что нойянцы раскроют ее. А во-вторых, никого вы не сможете заставить сотрудничать. Сотрудничество было бы, если бы они были сами готовы работать с вами. А если же нет, то это не сотрудничество, а тирания. – Она поднялась. – Я иду спать.

Джефф глядел, как она идет к двери, и в душе у него пылала ярость. Ему хотелось вскочить и притащить ее назад.

Но внезапно перед Дженис появилась нояйнка. В руке у нее был нож, и, когда Дженис замерла, нояйнка воткнула нож ей в грудь.

Джефф прыгнул вперед и схватил нойянку. Он ожидал, что она дематериализуется в его руках, как всегда, когда их ловили, но она осталась неподвижной и беспомощной в его захвате.

– Нет, вам не удастся уйти, Миро, – сказала Дженис вслух на языке нойянцев.

Джефф повернулся. Нож по-прежнему торчал в груди Дженис, но, казалось, ничуть не беспокоил ее.

– Не знаю, чего вы хотели добиться, – с горечью сказала Дженис Миро, – но вы нарушили мои планы. Я только что сказала Джеффу, что оставлю при себе все, что узнала. Но теперь это не может остаться в секрете.

Секунду все трое пристально глядели друг на друга. Затем Миро зарыдала.

– Садитесь, Миро, – сказала Дженис. – Можете отпустить ее, Джефф. Это не вы держите ее здесь, а я.

Миро рухнула на стул, не прекращая плакать.

– Ради всех святых, вытащите же эту штуку, – пробормотал Джефф.

Дженис вынула у себя из груди кинжал и отбросила его в сторону. Рубашка ее была прорезана, но под ней не было видно никаких следов крови.

– Теперь вы все должны узнать, – сказала Дженис Джеффу, по-прежнему на языке нойянцев, чтобы понимала Миро. – И в любом случае, постарайтесь понять. Перестаньте плакать, Миро. Джефф сделает так, как я скажу. Я уже говорила вам, что мужчины часто слушаются приказов женщин, хотя вы можете считать, что земные женщины – просто машины для рождения детей или домашние животные.

Она подняла с пола кинжал и задумчиво взвесила его на ладони.

– Что-то подобное уже происходило раньше, – продолжала она. – Вы слушали историю, как в древности на Земле, во время какой-то войны, одна из враждующих сторон научилась стрелять из пулемета через пропеллер древних самолетов, которые тогда использовали. Это был большой прогресс. На противоположной стороне ломали головы, пытаясь понять, как это возможно. И в конце концов, они заслали шпиона, который узнал, что пулемет просто протянули через ось пропеллера, так что он никак не мог повредить лопасти. Все просто, не так ли? – усмехнулась она. – Но человек должен был пробраться к врагам и рисковать жизнью, чтобы узнать это. А если бы они как следует подумали, то могли бы понять это за пару минут. Так что работа шпиона была, в общем-то, напрасной.Нойянцы не могут реально телепортироваться, Джефф. Они могут перенестись куда-нибудь в другое место не больше, чем вы или я. Миро здесь нет. Она по меньшей мере в десяти милях отсюда, в городе под названием Муна.

– Но они бьют нас по голове и лишают сознания! – нахмурился Джефф. – Я сам испытал это! И вы пытаетесь мне сказать, что ни-

кто меня не вырубал? Причем утверждаете, что я не смог бы засечь попытку внедрить ко мне в сознание иллюзию? Потому что если бы это так было…

Дженис покачала головой.

– У нойянцев развита техника управления мыслями. Они знают, что не могут внедрить иллюзии в экранированное сознание. Но мы все еще не знаем, какие функции выполняет значительная часть мозга, а они изучили это сотни лет назад. Вы экранируете сознание, но все остальное находится без защиты. Установив экран, вы знаете, что никому не удастся проникнуть в ваш разум, но вы воспринимаете все, что видите, слышите и чувствуете. И вы даже не думаете о том, что кто-то может вмешаться в те разделы мозга, которые занимаются обработкой полученной внешней информации.

До Джеффа постепенно начало доходить.

– Так вот почему они не стараются убивать нас, – пробормотал он.

Дженис кивнула.

– Когда человек знает, что его ударили по голове, сознание его автоматически отключается. А если ваши органы чувств никогда вас не подводили, то вы доверяете им. Поэтому, когда вы знаете, что нойянка ударила вас за ухом тяжелой дубинкой, вы теряете сознание. У вас даже может появиться на голове шишка. То же самое происходит и под гипнозом. Но под гипнозом нельзя заставить человека умереть. Если вы знаете, что вам нанесли удар кинжалом в сердце, вы можете потерять сознание, но потом очнетесь. Вы по-прежнему будете считать, что вам нанесли такой удар, но ваше непострадавшее тело откажется умереть. Можно лишить человека сознания, даже не прикасаясь к нему, иногда одним словом. Но убить его так нельзя. По крайней мере, сделать это нелегко. Поэтому они всегда нападают на вас одним и тем же способом. Не пытаясь убить, а только вырубить на несколько секунд или минут. – Кинжал был по-прежнему в руке Дженис. – Ну, а что произойдет теперь, когда вы знаете, что никакого кинжала здесь нет? Смотрите внимательно.

Джеф уставился на кинжал. Затем закрыл глаза, тут же снова открыл их и увидел, как лезвие кинжала проходит сквозь руку Дженис. Значит, кинжала действительно нет.

– Видите, насколько это сильно? – усмехнулась Дженис. – А вот еще хороший пример того, как это действует. Видите разрез? – Она указала на свою разрезанную кинжалом рубашку. – Теперь вы знаете, что раз нет кинжала, то не может быть и никакого разреза. Так что вы видите?

– Кусочек вашего тела, – проворчал Джефф. – Но почему нет крови?

– Не забывайте, что вы рационализируете то, что вас заставляют

увидеть. Вы видели, что мне не больно. Поэтому, когда я вытащила кинжал, то и крови вы не увидели. Кроме того, Миро к тому моменту поняла, что тратит время впустую, поэтому не стала добавлять кровь к картине, которую заставляла нас видеть. Но кинжал прошел через рубашку, значит, должен быть разрез. И вы продолжаете его видеть. И сквозь него видите мою кожу. Верно?

Дженис расстегнула рубашку, под которой оказалась не открытая кожа, а лифчик без всякого разреза. Так что Джефф никак не мог увидеть голую кожу через разрез в рубашке. И когда Дженис застегнула рубашку, оказалось, что никакого разреза на ней нет.

– Великолепная демонстрация, – сказала Дженис. – Теперь вы понимаете, почему нойянки всегда появляются в кабинах машин, где сидит лишь несколько человек. Потому что один разум может контролировать чувства лишь нескольких человек одновременно. Помните, это не гипноз. Вы сами облегчили нойянкам задачу, поскольку в бой всегда ехали в закрытых машинах, где появление нойянок видело лишь ограниченное количество человек. Теперь понимаете?

– Теперь он понял, – сказала Миро. – И теперь Чужаки наводнят наш мир.

Они уже почти забыли о нойянке. Джефф пристально посмотрел на нее, пытаясь заставить девушку исчезнуть. Дженис прочла его мысли.

– Нет, она не уйдет, – сказала Дженис, – пока я держу ее здесь. Но вы неправы, Миро. Чужаки останутся здесь на какое-то время, но не наводнят весь ваш мир. Джефф не будет помогать им сделать это. Не правда ли, Джефф?

Джефф нахмурился.

– Я сотрудник УСП, – прямо сказал он. – Я не могу допустить, чтобы землян убивали.

– Их убивали только тогда, когда они сами пытались лезть к нойянцам. Нойянцы убивали их в целях самозащиты в своем собственном мире возле своих собственных городов.

– Но как мне сохранить все это в тайне? Ведь вы же этого хотите, не так ли?

– Да… хотя вы уже подумали, что кто-нибудь может и так догадаться обо всем. Почему я хочу, чтобы вы улетели отсюда? Потому что у нойянцев свой собственный образ жизни, и мы можем заставить его измениться лишь силой. А значит, никакого сотрудничества все равно не будет. Только не надо говорить мне об освобождении нойянских мужчин. Я видела этих мужчин. Они вовсе не хотят, чтобы их освобождали. А когда захотят, если это вообще когда-нибудь произойдет, то сделают это сами, как женщины несколько столетий назад на Земле.

– И что вы хотите, чтобы я сделал?

– Ничего. Летите на Ном. Сообщите, что на Ное больше нет проблем, а если от вас начнут выпытывать подробности или потребуют уделить Ное больше внимания, скажите, что не можете все делать одновременно, а именно теперь заняты Номом. Вы должны разбираться во внутренней политике УСП, чтобы справиться с этой ситуацией. Что же касается Ной, наше дальнейшее пребывание в Городе Солнца, так или иначе, почти закончено. Нельзя держать колонию, которой не позволяют расширяться. Через шесть месяцев, через два года или десять лет, но УСП все равно решит оставить Ною в покое, и этот процесс можно ускорить, если кто-нибудь сообщит кое-какие факты начальству. И если будут какие-то намеки на возможные будущие отношения, они улетят с Ной.

– Наверное, вы правы, – кивнул Джефф. – Вы удивительная женщина, Дженис.

Миро встала с нерешительной улыбкой на миловидном личике.

– Она, – сказала Миро, – демонстрирует то лучшее, что может произвести ваша система, Чужак, и она дает нам время привыкнуть к новым идеям. Женщины в мире равенства полов могут пойти дальше, чем женщины в мире, где правят женщины. Думаю, в конечном итоге Ное захочется сотрудничать с Землей. Но вы должны дать нам время.

Дженис улыбнулась ей, и Миро, отпущенная, внезапно исчезла.

– Интересно, почему она напала на вас, если знала, что все равно ничего не получится? – задумчиво спросил Джефф.

– Просто из отчаяния, – пожала плечами Дженис. – Она думала, что предала свою расу, и была готова на все, чтобы исправить свою ошибку.

Джефф глубокомысленно погладил подбородок.

– Таким образом это… это… – замялся он.

– Превосходная работа, которую я проделала при своем первом большом назначении, – продолжила Дженис.

– Нет, я хотел сказать, что теперь мне придется сделать нечто сногсшибательное на Номе, если я не хочу, чтобы мое имя смешали с грязью.

– Но почему?

– Не знаю, Дженис, что вам известно об УСП. Но скажу вам так. Там служат очень уверенные в себе люди. Военные. Которые вовсе не жаждут, что какие-то гражданские появятся и проделают их работу. Когда же я сообщу, что все это сделала женщина…

– Ни о чем вы не должны сообщать, кроме того, что я вам сказала. Вы что, плохо слушали? – Дженис зевнула. – Все. Иду спать. Не ду-

маю, что теперь земляне долго пробудут на Ное, а я еще должна здесь все осмотреть.

– Зачем?

– Нужно собирать материал для книги. Люди знают, для чего я сюда приехала. Но я ведь не могу написать, как все было на самом деле, не так ли?

И она вышла, оставив Джеффа безмолвным, с отвисшей челюстью. Материал для книги! Без сомнения, для такой книги, как «В пещерах Меркурия».

Внезапно в его мозгах произошел беззвучный взрыв. Она не может написать правду о здешних событиях…

Что же на самом деле произошло в пещерах Меркурия?

Он запросил у УСП лучшего сотрудника-женщину, который у них есть. И приехала Дженис, как гражданское лицо. Она выполнила свое задание, а затем заговорила о книге, причем упомянула, что не может написать в ней правду. А потом Дженис Хиллер появится где-нибудь на другом конце Галактики, в качестве автора сентиментальной чепухи, которую так нравится читать народу…

И внезапно Джефф почувствовал, как растет его уважение к этим книгам.

VIII

Джефф наблюдал, как радиооператор посылает сообщение. Оно уйдет в Анару, на расстоянии всего лишь одной световой недели отсюда, но уже за пределами сектора НО, а потом появится корабль, чтобы увезти его на Ном. Было приятно посылать такой приказ кораблю УСП.

– Вы послали отчет, Гомер? – спросил он.

– Да, сэр. Оба отчета.

– Оба?

– Ваш и майора Хиллер, сэр.

Выходит, она тоже майор – как и он сам. В каком-то смысле, это было облегчение. Джефф опасался, что она может оказаться подполковником, способным отдавать ему приказы. Однако, она не имела права посылать отчеты по Ное, ни слова не сказав ему. Он Командующий сектором НО, и даже если бы она оказалась целым полковником, то все равно не могла действовать через его голову.

– Майор Хиллер сообщила пароль? – спросил он.

– Да, сэр. А также свой личный номер.

У системы УСП, которая возлагает на отдельных сотрудников большую ответственность, должны быть и методы ограничения власти, которую эти сотрудники могли применять, а также, в отдельных

случаях, к сожалению, и превышать. У каждого сотрудника был личный номер, и горе тому, кто не проставит его в каких-нибудь отчетах. Джеффу хотелось спросить личный номер Дженис, он мог бы найти его в отчете, но знал, что не имеет на это никакого права.

Мало оперативников УСП, особенно секретных, которые знают что-нибудь друг о друге. Дженис дала радиооператору личный номер, по-видимому, потому, что иначе тот отказался бы послать ее отчет. Но сейчас не было никакой чрезвычайной ситуации, к тому же Джефф был телепатом. Поэтому ему было строго запрещено выспрашивать что-нибудь подобное у радиооператора. Кто-нибудь когда-нибудь мог прочесть в его мыслях, высоко или низко ценят Дженис Хиллер в УСП, а это для Дженис Хиллер могло быть очень опасно. К тому же явно было тайной то, что Дженис вообще служит в УСП.

Джефф вздохнул и вышел из радиостанции. Оставалось еще десять дней до того, как прибудет корабль, чтобы увезти его на Ном. А делать ему тут было уже нечего.

Или есть чего? Он увидел, как Дженис загорает, лежа в густой траве Нойи. По крайней мере, он подумал, что это Дженис, поскольку увидел лишь проблеск белого через траву, но больше ни у кого не хватит нахальства валяться в траве в трехстах ярдах от ближайших домов колонии, к тому же в направлении нойянских крепостей на холмах. Думая об этом, он пошел через густую траву.

Она на самом деле спала. Хмурый взгляд Джеффа прояснился. Очевидно, отправив отчет, она могла теперь дрыхнуть, сколько угодно, хотя еще полсуток назад играла в прятки с нойянками в их собственной долине, зная, что если ее поймают, то непременно убьют. Сейчас она выглядела лет на шестнадцать, с расслабленным выражением лица, столь искренним и доверчивым, что у Джеффа мелькнула фантастическая мысль построить вокруг нее хижину, пока она спит. Нельзя рисковать такими прекрасными существами всего лишь для того, чтобы спасать или разрушать миры. Даже судьба Галактики была слишком незначительной по сравнению с такой красотой. Джефф развернулся, чтобы уйти на цыпочках и не мешать ей дремать…

– Какой, черт побери, смысл ходить на цыпочках, если вы думаете так громко, что хоть уши затыкай? – гневно спросила Дженис. – Кто может спать в такой какофонии, что вы тут устроили?

Джефф поспешно опустил мыслеэкран. Идиллия была не совсем нарушена. Она по-прежнему оставалась красивой, хотя выглядела более зрелой теперь, когда проснулась. Фактически, она даже была несколько старовата для него. Но Джефф не видел причин, почему

не может думать о Дженис, как о желанной и, возможно, доступной девушке сейчас, когда она не является майором УСП Дж. Хиллер.

– И раз уж вы думаете, что я думаю, что вы думаете, – сказала Дженис, от удивления забыв сердиться, – то должны действовать быстро, потому что мой корабль заберет вас примерно через четыре часа.

– Ваш корабль?

– Только не говорите, что вызвали корабль с Анары, – продолжала Дженис, и Джефф предположил, что она прекрасно знает об этом. – Я подумала, что вам не терпится попасть на Ном, а у меня тут неподалеку разведчик УСП, просто на тот случай, если он мне понадобится. Но теперь, когда я в нем не нуждаюсь, он может отвести вас на Ном.

Джефф сделал глубокий вдох.

– Вы специально тренировались, чтобы быть такой раздражающей, – спросил он, – или это у вас врожденное?

– Я сделала что-то оскорбившее вас? – спросила она с беспокойством, но глаза ее смеялись.

– Интересненько, – пробормотал Джефф. – Не можете же вы так поспешно избавиться от меня, потому что здесь должно случиться что-то еще, и вы хотите управиться с этим без меня, так, как сами посчитаете нужным?

– Вы же сами сказали, что не могу. И вы правы. Так что если вы действительно вызвали корабль с Анары, то не лучше ли вам поспешить отменить вызов? А кроме того, вам еще нужно упаковать вещи…

Вот так Джефф улетел с Нойи. Ладно, настало время увидеть Ном.

Прежде, чем он приземлился на Номе, Джефф прочитал кое-что об этом мире, о котором раньше ничего не знал. Во-первых, ему предстояло быть здесь единственным представителем УСП. Номанцы не особенно жаждали контактов с этой организацией. Но поскольку Ном стало посещать много землян, то они были вынуждены позволить присутствие одного представителя властей. Однако, кого бы к ним ни послали, это должен быть полномочный посол Земли, начальник полиции и сотрудник УСП в одном лице.

Положение Нома было особенным. Земля открыла этот мир почти столетие назад, и с тех пор, на протяжении девяноста восьми земных лет, Ном не был ни вассалом, ни повелителем Земли, ни завоевателем, ни завоеванным. Теоретически, у Земли хватило бы сил прижать Ном так, что любой, хоть самый малейший, всплеск агрессии с их стороны подавлялся бы еще в зародыше. Но с другой стороны, Ном был настолько богат, что мог купить всю Солнечную систему вместе с Землей по любой цене, и не заметить прорехи в своем бюджете. Кроме того, Ном мог купить или подкупить любую армию.

Джефф знал, что Ном был Миром Спортивных Состязаний. В любой школе на Земле (и, вероятно, на многих других планетах) можно было спросить у детей: «А как называется планета Спортивных Состязаний», и все в голос ответили бы: «Ном!», хотя наверняка бы не знали, что это за Спортивные Состязания и зачем номанцы принимают в них участие.

Но Джефф не знал заранее, что ему придется самостоятельно решать любые проблемы, которые могут возникнуть на Номе. Разумеется, это еще не значило, что он мечтал о том, чтобы ему помогала Дженис. На Ное она казалась очень полезной, потому что была женщина, а правят на Ное исключительно женщины. Но Ном – совсем другое дело. Фактически, перед тем, как разведчик высадил его в Нома-Сити, Джефф почти решил послать Дженис ядовитое сообщение с благодарностью и заявлением о том, что он мог бы и сам добраться сюда.

Но победило здравомыслие. Никто и не утверждал, что он не мог. С другой стороны, он даже еще не увидел номанцев. Еще несколько дней назад он обвинял УСП в неспособности понимать местные условия и обстоятельства на Ное. Ну, а что он знает об условиях и обстоятельствах Нома?

Ладно, решил Джефф. Три месяца он положит на то, чтобы как следует тут осмотреться. Только для того, повторил он себе, чтобы полностью вникнуть во все и понять. Три месяца рекогносцировки, а затем Галактика увидит майора Джеффа Кронера в действии.

Корабль медленно опускался на посадочную площадку. Джефф наблюдал за ним из своего номера в Гранд-отеле, наименее претенциозном отеле в Ном-Сити, несмотря на свое название, пока его внимание не отвлек общий фантастический вид столицы. Тогда Джефф отвернулся от окна и сделал вид, что читает журнал и просто ждет свежую почту из корабля, который приземлится через несколько минут.

Но при этом он не мог не вспомнить еще один случай, когда ждал корабль с таким же нетерпением. Это был корабль, на котором прилетела в Ною Дженис Хиллер. Джефф позволил себе помечтать, как Дженис выходит из корабля на Номе и едет через полный наслаждений и развлечений город к нему в отель…

Он провел свои три месяца, отпущенных на то, чтобы как следует осмотреться. Но не успели они еще истечь, как Джефф переменил свои заключения о том, что он легко справится со всеми проблемами самостоятельно.

Джефф был представителем УСП на Номе. Сенат Номы отнесся к нему с уважением, но все его полномочия, привилегии и престиж

постепенно сошли на нет. Возможно, это было не совсем так. Было бы неправильно говорить, что у него не было на планете вообще никакого престижа. У него был личный неплохой престиж с одним лишь минусом: он пробыл на Номе три месяца и еще ни разу не принял участие ни в каких Спортивных Состязаниях.

Дженис покинула Нойю вскоре после него. Должно быть, были приняты решения, удовлетворительные для нее и для УСП, потому что с тех пор Джефф не услышал о Нойе ни слова. И хорошо, что так. Потому что одного Нома было для человека предостаточно.

Джефф не знал, что делала Дженис с тех пор. Месяц назад было Рождество (хотя это не имело никакого значения ни на Нойе, ни на Номе), и она послала ему рождественскую открытку со святыми, ангелами и херувимами. Почтовым штемпелем на открытке значился Вирк, находившийся в восьмидесяти трех световых годах от Нома...

Время, за которое она могла бы приехать в отель с прибывшего корабля, уже прошло. Но может, она медленно прогуливалась пешком, чтобы посмотреть на номанцев в ярких плащах, шелковых брюках, шортах или юбках, с тяжелыми венками Спортивных медалей, блестящими браслетами и сандалиями. Номанцы были красивы, потому что были здоровы, а здоровы они были. Потому что только такими и должны быть люди. На Дженис, конечно, глазели бы, как на всех приезжих, но не потому, что они незнакомцы, а потому, что не носили ни одной Спортивной медали и были слишком укутаны. На Номе было опасно носить много одежды. Любой мог одеться в рубашку или блузку, когда залечивал Спортивные травмы. Но если их носили здоровые люди, то они могли столкнуться с проблемами.

Но даже учитывая все, что пришло Джеффу в голову, Дженис давно уже должна была появиться, и когда раздался звонок, он понял, что это всего лишь почта. Он открыл дверь и взял у равнодушного посыльного пачку писем. Номанцы работали по очереди периодически, и вид парнишки свидетельствовал о том, что его период подходил к концу.

Было лишь одно официальное послание. Джефф вскрыл его и мельком просмотрел, но с первой же строчки все понял.

«Вынуждены повторить, – было сказано там, – что ситуация на Номе явно не требует присутствия оперативника, на которого вы делали запрос».

Да что они там знают о ситуации на Номе? – в бешенстве подумал Джефф.

«Вам прекрасно известно, – было написано далее, – что когда вы запрашивали оперативника в прошлый раз, вам своевременно послали его для оказания помощи. – По договору, номанцы оставляли официальную почту Джеффа нераспечатанной, но ему все равно пи-

сали завуалировано, чтобы ничего нельзя было узнать при досмотре. – Вы не привели удовлетворительных причин, почему в данном случае нужен сотрудник ее пола».

– Да не в этом же дело, – яростно пробормотал Джефф. – Мне нужен ее опыт, а не пол.

«Было даже предположение, – говорилось дальше в письме, – что вы позволяете влиять на вас личным мотивам».

Джефф выругался. Если бы он хотел добиться расположения Дженис, то сделал бы это на Земле, а никак не здесь.

«Другая трудность, – было там под конец, – состоит в том, что данный сотрудник имеет право принимать или отказываться от назначений по собственному желанию, а его услуги ценятся так высоко, что вы были вынуждены согласиться с такими условиями».

Ну-ну, теперь они валят все на Дженис, подумал Джефф. Ну, а если они правы в своих инсинуациях? Что, если Дженис спросили, и она ответила отказом? В таком случае, он не собирается ползать перед ней на коленях. Вот только Джефф не был уверен, что ее спросили.

Больше в письме не было ничего интересного. Только краткий, очень завуалированный подбор новостей о событиях в Галактике. И вообще, данная предосторожность была лишней. Раз номанцы сказали, что не будут вскрывать официальную почту, значит, не будут. Номанцы ни разу не были уличены в ведении нечестных игр или закулисных интриг. Фактически, если бы перед Джеффом встал выбор, поверить слову номанца или землянина, Джефф выбрал бы номанца.

Во всяком случае, все было кончено. Джефф сжег письмо. Потом разделся и принял душ, пытаясь унять бушевавшую внутри дикую злобу. Идти было некуда, но еще меньше причин было оставаться дома. Джефф хотел отыграться на ком-нибудь, чтобы не ему одному было плохо.

Он надел легкие сандалии и шелковые бирюзовые спортивные трусы, а сверху накинул коричневый плащ, легкий, как дуновение ветерка. Плащ был разрешен соглашением и предназначался для того, чтобы скрыть отсутствие Спортивного венка.

Выйдя из отеля, Джефф пошел по улице. Был ранний вечер, но даже в полночь будет по-прежнему светить солнце. Ном был односторонний мир, всегда одной стороной повернутый к солнцу. Но в отличие от большинства других подобных миров, жизнь кипела на нем как на темной стороне, так и на солнечной. Ном был миром удовольствий и нуждался в ночной жизни. Планета, гораздо моложе Земли, согревалась внутренним теплом, так что темная и светлая сторона различалась лишь на несколько градусов. Таким образом, Ном был миром, где день и ночь можно было выбирать по желанию.

Подземка была настолько скоростной, что из дня в ночь можно было добраться за пятнадцать минут.

Без всяких усилий Джефф нашел то, что искал. Опустив голову, он врезался в какого-то идущего навстречу прохожего и, ударив его плечом, отбросил к стене.

Этот человек мог оказаться землянином, марсианином или кем угодно еще, но он оказался номанцем, что стало ясно, когда он заговорил.

Номанцы произносили согласные слитно, а вот гласные, напротив, необычайно раздельно. Еще не было ни единого не-номанца, который мог бы выдать себя за местного уроженца.

Номанец сердито вскочил на ноги, но, увидев выражение лица Джеффа, нахмурился, а затем рассмеялся.

– Ищите проблемы? – спросил он. – Ну, так можете считать, что вы их нашли. Я прямо здесь разберу вас на составные части. Или, может, вы предпочтете более укромное местечко?

– Мне это абсолютно безразлично, черт побери, – рявкнул Джефф.

В глазах номанца вспыхнул огонек интереса.

– О, вы землянин! И как вас зовут, землянин?

Номанцы пользовались только одним именем, поэтому Джефф назвал себя так же.

– А я Офру. Здесь рядом спортивный зал, вон сразу на другой стороне улицы.

IX

Джефф последовал за ним. Номанцы дрались не чаще землян, потому что все излишки их энергии уходили на Спортивные Состязания.

Они вошли в зал и Джефф, чувствуя себя уже лучше, заплатил за использование помещения, представляющего собой громадный обитый резиной шар. Как только дверь закрывалась, двое или больше мужчин могли избивать друг друга до потери пульса. Правила и продолжительность боя были целиком на их усмотрении. Но в целом физические повреждения случались редко. Если один из бойцов умирал, другой был обязан обвинить сам себя в убийстве – подобные преступления здесь не карались смертной казнью, но все же считались довольно серьезными.

Номанец смотрел, как Джефф снимает плащ.

– Нет никаких венков? – спросил он. – Недавно прибыли?

– Нет.

– Ладно, – пожал плечами Офру. – Это ваше дело.

Это все, что он сказал, пока они готовились. И Джефф понимал,

что Офру все делает правильно. Когда он заметил, что Джефф немного легче его, то предложил:

– Если вы хотите принести извинения, не будучи подвергнуты презрению, то я приму их, и мы пойдем и обмоем наше примирение.

Но, говоря это, он демонстративно покачивал своим венком, медалей на котором хватило бы на трех обычных человек.

– Спасибо, – ответил Джефф, – но тогда мне придется пойти поискать кого-нибудь еще, а он может оказаться еще крупнее.

Офру рассмеялся.

Они встали перед фотоэлементом и заявили, что бой будет честным, средней тяжести, без всякого насилия. Фотоэлемент был соединен с мозгом, который будет наблюдать за боем и ни за что не откроет дверь, пока не заметит явные признаки, что бой закончен.

Он открыл дверь в Зал, и Джефф с Офру вошли внутрь, одетые лишь в спортивные трусы.

– Попробуй-ка это, землянин, – сказал Офру, но Джефф уклонился, и кулак Офру просвистел мимо его уха.

Как и все номанцы, Офру почти не владел защитой. Однако, легче от этого Джеффу не было, по крайней мере, вначале. Как и все номанцы, Офру был специалист по нападению. Джефф принялся методично изматывать противника, заставляя его тратить энергии больше, чем он сам, и наказывая за каждый промах. Когда атака была отбита, Джефф нанес боковой удар, и Офру пропустил его, как и предполагалось.

Получив ощутимый удар, Офру неистово бросился в атаку, но Джефф лишь увертывался. Защита была его единственным планом. Вскоре Офру уже тяжело дышал в более плотной атмосфере, что для Джеффа тоже являлась преимуществом. После пяти минут почти непрерывной защиты Джефф нанес свой первый настоящий удар, прямой прямо в сердце. Это не остановило Офру, но предупредило, что он начинает проигрывать.

– Циновка! – прокричал Офру предупреждение и тут же бросился Джеффу в ноги.

Это было заявление, что Офру меняет бокс на борьбу, где его предполагаемая большая сила и вес будут иметь значительное преимущество.

Но Джефф был всегда лучшим борцом, чем боксером, поэтому маневр Офру больше сыграл на руку ему. Через две минуты все было кончено. Офру был вынужден признать поражение.

Когда они вышли из шара, Офру чувствовал себя подавленным.

– Я думал, что могу победить любого противника моего размера, – признался он. – Никогда не встречал землянина, который боролся бы так, как вы, Джефф. Скажите же мне – только чтобы восстановить

или окончательно уничтожить мое чувство собственного достоинства, – как вы оцениваете меня?

– Считайте, что я восстановил ваше достоинство, – усмехнулся Джефф. – Думаю, я оцениваю вас очень высоко.

– Скажите, – воскликнул Офру, – вы, случайно, не Джефф Кронер, представитель УСП?

– Он самый, – кивнул Джефф.

Офру замялся в нерешительности. Было ясно, что он слышал что-то, что имело к Джеффу отношение. Джефф молча ждал. Наконец, Офру решился.

– Вы мне понравились, – сказал он. – На днях я случайно услышал, как упоминали ваше имя. Не ходите возле Главной Спортплощадки Ном-Сити. Не могу вам сказать, почему, потому что сам не знаю. Просто есть какие-то причины, по которым вы должны избегать появления там.

Джефф опять усмехнулся.

– Вы же понимаете, что теперь я пойду прямо туда, – сказал он.

– Ладно, если сами так захотите. Во всяком случае, я вас предупредил.

Через две минуты Джефф уже был на пути к Главной Спортплощадке. Он взял у Офру адрес и пообещал разыскать его. Джеффу было радостно услышать, что кто-то может стать его другом, хотя Джефф и не носит Спортивный венок.

Когда Джефф прибыл, кто-то выполнял Спуск. На Главной Спортплощадке проводились девятьсот сорок три Спортивных Состязания, и за каждую полагались свои особые медали. Спуск был типичным состязанием. Из специального устройства человека выбрасывало на высоту в двести футов. На поясе у него было три реактивных репульсора. С их помощью он должен был спуститься вниз. Использование одного репульсора, чтобы замедлить падение, напоминало балансирование на конце вертикального шеста. С двумя было не легче. Но три можно было направить и уравновесить так, что человек мог плавно и мягко спланировать на землю. Это было не легко, но возможно. Конечно, если уронить один из репульсоров, то все будет кончено. Невозможно балансировать на тяге двух оставшихся.

Человек, которого видел Джефф, должно быть, был опытным спортсменом. Он терпеливо падал, пока не установил репульсоры так, как хотел, затем с их помощью снизил скорость, и мягко опустился на землю, оставшись при этом на ногах. Пожалуй, он заслуживал медаль на Спуск.

Но медали не даются так просто, за один только Спуск. В большинстве случаев нужно было повторить это не менее десяти раз. А в некоторых случаях для получения медали нужно было выполнить специ-

альные условия. Лабиринт, например, нужно было пройти меньше, чем за час, что означало, что его нужно сначалавыучить наизусть.

Джефф спокойно сидел и смотрел на Состязания. Если здесь что-то должно произойти, то нужно дать этому время. Его должны заметить и, по-видимому, сделать какие-то приготовления.

Стрелять в него не станут. Это было бы открытым актом, к которому Земля так и станет относиться. Как представитель УСП на Номе, Джефф не обладал никакой властью, но предполагалось, что здесь он находится в безопасности.

Подобный принцип лежал в основе всех Спортивных Состязаний. Все они были опасные – во время любого можно было погибнуть или получить серьезную травму. Все они были честными – нигде не требовалась грубая физическая сила, так что участвовать в них могли все: мужчины и женщины, молодые и старые. И еще, они были абсолютно добровольными.

Но это в теории. На практике, мало кто мог выдержать остракизм, которому подвергался человек без Спортивного венка. Так что в Состязаниях принимали участие все. Номанцы, потому что на этом была основана их система ограничения рождаемости, потому что Спортивные Состязания проводились у них уже многие сотни лет, потому что они представить себе не могли жизнь без Спортивных Состязаний. Приезжие, потому что они прилетали сюда ради Спортивных Состязаний, как когда-то ездили в Швейцарию покататься на лыжах.

Краем глаза Джефф смотрел, как кто-то готовится к Нырку. Это состязание было позаимствовано из земных игр на открытом воздухе – номанцы всегда были готовы учиться. Нырок представлял собой простой прыжок в бассейн с водой глубиной в сотню футов. Бронзовое тело сверкнуло в воздухе, всплеск, и ныряльщик появился на поверхности целый и невредимый.

Слева девушка приготовилась к Мишени. Ноги ее были закреплены на земле. И когда она подала сигнал готовности, специальная машина начала метать в нее тяжелые стрелки. Ноги она не могла сдвинуть с места, так что оставалось лишь увертываться от стрелок, наклоняться вперед или даже иногда делать «мостик». Только касаться головой земли тоже не разрешалось. Для этого площадка, на которой она стояла, была под током, и она могла получить сильный электроразряд.

Но девушка знала, что делать. Она слегка колебалась из стороны в сторону, не теряя равновесия. Стрелки летели с частотой в три секунды на протяжении трех минут. Если начать уклоняющееся движение слишком рано, то останется меньше времени на следующую. Одна из последних стрелок угодила в ее длинную юбку и, изменив траекторию, поранила ногу, но это не вызвало к ней ни у кого сочув-

ствия. Она сама напросилась на неприятности, надев для Мишени свободную одежду. В следующий раз будет лучше думать.

Внезапно легкое волнение зрителей указали на то, что кто-то погиб. Джефф посмотрел в направлении шума. Погибший выполнял Драйв. Это дорожка, ведущая круто вверх и вниз, как в американских горках, только там не было рельса, так что машинкой нужно было управлять. Машина разгонялась до скорости двадцать пять миль в час, не больше, не меньше. Это Состязание считалось опасным, но было, как и все остальные, вполне выполнимым. Вот только этот человек не справился с управлением.

Для номанцев Спортивные Состязания были совершенно естественными. Номанцы ничем не отличались от людей, но в их мире не было никаких болезней, и жили они полную сотню лет. Кроме того, уже много столетий у них не было никаких войн, а многодетные семьи считались нормой. Так что для регулирования роста населения было необходимо что-то вроде Спортивных Состязаний. Ежемесячно в них погибали пять миллионов человек, что было вполне достаточно для стабилизации экономики.

И они очень выгодны для номанцев, подумал Джефф. Это их бизнес. Но все больше людей прилетает из других миров, чтобы поучаствовать в состязаниях, и многие из них погибают. Наверное, это тоже достаточно справедливо. В основном это сорвиголовы, плейбои и прожигательницы жизни. Иногда те, кто хочет умереть. Но Джефф подозревал, что за Спортивными Состязаниями кроется какой-то зловещий план, план, о котором рядовые номанцы и, тем более, приезжие понятия не имеют. Джефф был не уверен в своей правоте, поэтому и хотел, чтобы на Ном прилетела Дженис и помогла ему открыть истину.

Когда кто-то погибает на Спортивных Состязаниях, государство Нома, согласно закону, забирает четверть его имущества. Это основа богатства планеты, поскольку Сенат инвестирует эти средства в дюжину миров, получает прибыль и возвращает капитал в виде Спортивных призов. Таким образом, Спортивные Состязания – не только развлечение и ограничение численности населения. Это профессия.

Внезапно Джефф напрягся, заметив, что в его сторону движутся человек двадцать юношей и девушек. Двигались они целенаправленно, но рядом не было ни кого, к кому они могли направляться, кроме него. Начиналось то, о чем предупредил его Офру, хотя Офру понятия не имел, о чем говорит. Еще Джефф увидел, что они пьяны. Не напившиеся в хлам – номанцы вообще в хлам не напиваются, – но в изрядном подпитии.

К Джеффу подошел высокий, рыжеволосый молодой человек, должно быть, их лидер.

– Джефф Кронер, земной шпион, – прошипел молодой человек. – Вставай, шпион, сейчас ты примешь участие в Спортивных Состязаниях. Ты избегал их целых три месяца, но настало время проявить хоть чуток храбрости. Ведь ты же называешь себя человеком, не так ли?

– Спортивные Состязания добровольны, – холодно ответил Джефф. – И я не принимаю решение участвовать в них. Я здесь не для того, чтобы развлекаться.

– Мы приняли решение за тебя, – усмехаясь, сказал молодой человек. – Если ты не трус, землянин, то добровольно пойдешь с нами.

Джефф покачал головой, но двое юношей схватили его за руки. Он мог бы легко справиться с ними, но их место тут же заняла бы дюжина других. Поэтому Джефф не стал сопротивляться.

– Будет большой шум, – спокойно сказал он.

– Возможно, полиция разыщет нас, а может, и нет, – ответил рыжий лидер. – Может, они и не станут слишком усердствовать. Все принимают участие в Спортивных Состязаниях. Почему ты должен отличаться от остальных? Начнем с Мишени.

Джеффа потащили на площадку Мишени. Закрепили ему ноги, кто-то сдернул с него плащ. Затем все отскочили, и была пущена первая стрелка.

Стрелки были тяжелые и летели в цель с точностью до дюйма. Любой, кому такая попадет в лицо, грудь или живот, наверняка умрет. Так что Джефф мгновенно подавил гнев, отбросил все мысли и уделил внимание Состязанию. И тут же он начал испытывать уважение к девушке, которую только что видел на этой площадке. Нужно немалое хладнокровие, чтобы пропускать их буквально на волосок мимо и готовиться к следующей, когда она уже выпущена. Но Джефф не сомневался в своей победе, при условии, что Состязания ведутся честно. Это был коренной вопрос. Все Спортивные Состязания явно опасны, никто этого и не скрывал. Но все же Джеффу казалось, что слишком уж много людей погибают на них…

Наконец, три минуты истекли, а Джефф не получил ни единой царапины. Увидев оценку, молодые номанцы искренне зааплодировали ему.

– Прекрасно, – сказал рыжий лидер, который носил, как заметил Джефф, медаль за Мишень. – Ты в мгновение ока заработаешь венок.

– Спасибо, мне не нужно, – ответил Джефф. – Довольны? Теперь я пойду.

– О, мы еще только начали, – бодро сказал рыжий. – Давай теперь попробуем Острие.

X

Джефф, как ни старался, не мог понять цели всего этого. Он вообще пошел сюда только из-за предупреждения Офру. За всем этим крылся какой-то план, очень серьезный план. Эти юноши и девушки совершенно не походили на секретных агентов номанцев, да и не являлись ими. Кто-то ловко подставил их. Подобные деяния были в природе студентов. Но кто бы ни стоял за ними, должен был знать, что Джефф, как высокопоставленный чин УСП, мог, вероятно, пройти все девятьсот сорок три Спортивные Состязания и остаться в живых.

Острие было очень простым Состязанием. Вы садились на трон, настроенный так, чтобы ноги едва-едва касались земли, а перед вами, в четверти дюйма от живота, устанавливался длинный нож с отравленным наконечником. Цель состояла в том, чтобы покинуть трон. И нож, и трон крепились неподвижно. Нужно было пролезть под ножом, зная, что достаточно малейшей царапины – и вас ничто не спасет.

Это Состязание было одним из самых простых, если знать его тайну, а Джефф ее знал. Нужно было не отстраняться от ножа, а, напротив, подвинуться почти вплотную к нему и скользить вдоль лезвия. Чем ближе вы будете к ножу, тем легче будет это проделать.

Молодежь снова зааплодировала, когда Джефф прошел Состязание чисто, и тут же его повели на Спуск. Это требовало железных нервов и хорошей практики с репульсаторами. И то, и другое у Джеффа было в достатке. Он приземлился эффектно, словно проделывал Спуск каждое утро перед завтраком.

Тогда его хотели повести на Драйв, но тут как раз наступила ночь, и, хотя темноты здесь не бывало, Спортивные Состязания закрывались до наступления следующего дня. И молодежь вдруг удалилась так же, как и пришла к нему – единой толпой, оставив Джеффа в полном недоумении.

Джефф вернулся к себе в отель, теряясь в догадках. Люди погибали на Спортивных Состязаниях, но это было в порядке вещей, потому что они хотели повесить на свой венок как можно больше разнообразных медалей ради престижа. Повесить на венок десяток-другой одинаковых медалей было не так уж сложно. Но каждый номанец стремился заполнить медалями все места на венке, а таких мест было ровно пятьсот. Этого добивались уже немногие. Для таких шоуменов, как номанцы, было вполне естественно, исполняя, например, острие в десятый раз, эффектно скользнуть под ножом во мгновение ока, и лишь потом, торжествующе подняв руки, обнаружить, что нож все же чуть царапнул тело. Или при Спуске некоторые слишком долго летели свободно вниз, усмехаясь пораженным зрителям, а потом им не хватало времени затормозить падение. Были

сотни других возможностей, когда честолюбие заставляло номанцев рисковать жизнью.

Но для Джеффа это было по-другому. Он не участвовал в Спортивных Состязаниях, потому что не имел мотива, чтобы рисковать своей жизнью. У номанцев такой мотив был – престиж. Для Джеффа это ничего не значило, по крайней мере, ничего такого, за что стоило умереть.

Он вернулся в свой номер и сбросил плащ. И внезапно чихнул. Но прежде чем он успел понять, почему тут пахнет духами, из спальни вдруг вышла девушка и улыбнулась ему.

Это была номанка, или, по крайней мере, одетая, как номанка. И Джефф никогда прежде ее не видел. На ней были обычные шорты, нарукавные повязки и ножные браслеты, но, вероятно, она недавно получила какую-то травму на Состязаниях, потому что была в свободной блузке. Вид у девушки был симпатичный, но вполне обычный. Единственное, что было в ней примечательного, так это умный, внимательный взгляд.

– Что вам надо, черт побери? – спросил Джефф.

– Вы уверены, что эта комната не прослушивается? – спросила девушка.

Голос ее рассеял всякие сомнения, это была номанка. Многие

могли слитно произносить согласные звуки, в том числе и Джефф, но ни у кого не получалось так, как у местных уроженцев.

– Совершенно уверен, – ответил он.

– Это важно.

Джефф прошел в спальню и вернулся с плоской коробочкой, которой обнес всю комнату. Она не выявила никаких источников сигналов, кроме телефона. Освещение было в отдельной системе, причем крайне скудное, так как здесь никогда не наступает темнота. Затем Джефф переключил свой прибор. Раздалось слабое гудение, отразившееся от стен. Это означало, что все сказанное здесь можно было услышать только из спальни или ванной, но за стены не уйдет ни звука. После этого Джефф прошел по номеру, проверив шкафы и все уголки, где можно было бы спрятаться. Ничего и никого.

– Вот теперь я точно уверен, – решительно сказал он.

– Отлично, – кивнула девушка.

И прямо на глазах у Джеффа лицо ее стало меняться. Это достигалось простыми мускульными усилиями. Чуть изменился поворот головы. Кожа перестала быть натянутой на носике, что делало его чуть более плоским, губы сделались более свободными и чувственными, а глаза слегка расширились и вокруг них исчезли морщинки. Эта простая, но очень эффективная маскировка исчезла буквально за секунды.

– Дженис! – воскликнул Джефф.

– Я прилетела на сегодняшнем корабле. Не совсем официально.

Она пожала ему руку чисто человеческим жестом и усмехнулась.

– Значит, они все же послали вас. А мне…

– Нет. Я же сказала, что здесь неофициально. Из УСП мне сообщили, что вы сделали на меня запрос, но тогда я была занята, а потом еще кое-что должна была закончить. Мне нравится всегда иметь что-то про запас.

– Мне это знакомо. Но вы разговариваете, как урожденная номанка. Как такое может быть?

– Одна номанка была приговорена за убийство в одном из миров, где до сих пор казнят женщин на электрическом стуле. Я украла ее разум за несколько секунд до казни. Поэтому, естественно, я разговариваю так же, как она.

– Понятно. Конечно, это единственный возможный способ. И теперь вам известно о Номе больше, чем мне.

– В какой-то степени. Мне твердили, что телепатия мне здесь не поможет. Не понимаю, почему. Я без труда получила все, что знала эта номанка.

– Да, но это был уникальный случай, когда вам удалось установить мысленный контакт. Номанцы – не телепаты. Но вы же знаете, что это еще не значит, что вам не удастся прочитать их мысли. Это значит,

что для этого вам придется вторгнуться к ним в сознание, и они тут же узнают об этом. В этом мире вы не можете читать мысли тайком, неважно, насколько вы сильная телепатка. Так что в УСП правы насчет того, что на Номе от телепатии оперативнику не много пользы. Это одна из причин, почему они не хотели посылать сюда вас – по крайней мере, мне так сообщили. Разумеется, они оценивают каждого оперативника, и вашей специализацией, как я думаю, является как раз телепатия, что вполне естественно после работы на Нойе. Вот и выходит, они думали, что использовать вас здесь невыгодно.

– Понятно, – кивнула Дженис. – Но вам-то я все еще нужна?

– Мне нужен кто-то, кого я знаю и уважаю, кому доверяю.

Дженис сделала реверанс. Ее таинственное появление явно было сделано шутки ради, и теперь она не скрывала, что рада его видеть.

– Это не мог быть Билл, – продолжал Джефф, – потому что Билл все еще на Нойе, пытаясь сделать приятными последние дни Города Солнца. Из нас троих он там более необходим.

Дженис согласно кивнула.

– И таким образом, вы выбрали меня?

– Вы умеете решать загадки. Здесь есть кое-что, нуждающееся в подобном умении.

– Что именно?

– В этом-то и проблема, – пожал плечами Джефф. – Посмотрите на здешнюю картину в целом. Если бы столько народа, сколько погибает на Номе ежедневно, умирало где-то еще, УСП наверняка бы этим заинтересовалось, не так ли? Тем более, что среди них есть и земляне, а также люди с других миров, находящихся под эгидой УСП. Но Спортивные Состязания начались за сотни лет до того, как здесь появились земляне, так что все принимают их, как должное. И хотя, после трех месяцев знакомства со здешней жизнью, у меня нет никаких мыслей об этом, я знаю – это единственно верное слово, я *знаю*, что за всеми этими смертными случаями кроется какой-то зловещий план.

– Вы знаете, что знаете? – усмехнулась Дженис, передразнивая его. – Вы подсознательно использовали телепатию и поймали случайные усики мыслей. Номанцы тоже люди, Джефф, совершенно идентичные нам. И у них тоже есть телепатия. У них может не быть способностей к ней, так же, как у вас нет способностей к эскимосскому или японскому языкам. Но не существует совершенно лишенного телепатии человечества.

Джефф посмотрел на нее, затем усмехнулся в ответ.

– Наверное, вы правы, – признался он. – Но трудно поверить, что вы станете бродить по планете с открытым разумом и собирать массу красивых пустячных мыслишек.

– Это другое дело, – ответила Дженис. – Я здесь , разумеется, как романистка Дженис Хиллер. И надеюсь, мои связи с УСПР остаются в секрете. И как простая Дженис Хиллер, я испытала сильное давление, понуждающее меня посетить Ном.

– Давление? – нахмурился Джефф. – Какое давление?

– Мои друзья начали мне говорить, что я должна прилететь сюда. Зачем? Они не знали. Но я осторожно просмотрела их мысли. Может, номанцы и не телепаты, но моим друзьям была дана телепатическая команда, чтобы они вынудили меня сюда прилететь.

Джефф прошелся взад-вперед по комнате, но тут же остановился.

– Вы уверены? – спросил он, понимая, что это глупый вопрос.

Дженис не потрудилась ответить на него.

– Затем мой издатель предложил мне слетать сюда и написать роман о Спортивных Состязаниях. И никто, заметьте, никогда не советовал мне, о чем писать.

– Я думаю, и не посоветует, если вы будете продолжать писать, как всегда, – проворчал Джефф.

Но Дженис не была оскорблена.

– Однажды, когда я состарюсь, – сказала она, – я напишу роман, который не будет предназначен для того, чтобы прикрыть мою работу на УСП. Вероятно, он не станет бестселлером, но критикам он понравится. Однако, ближе к делу. С этим издателем я работаю почти с самого начала. Он сам не подозревал, он получил телепатическую команду послать меня на Ном.

– И вы ничего не узнали о том, кто раздает такие команды?

– Нет. И это указывает, как хорошо все проделано. Дженис Хиллер по определению не является телепатом. Это известно всем. Так как я не раз сожалела об этом публично. Таким образом они – кем бы они ни были – не ожидали, что я узнаю то, что узнала. Выходит, если здесь вообще есть хоть немного логики, что они принимают меня исключительно за романистку и просто хотят, чтобы сюда прилетела Дженис Хиллер.

Джефф задумался, молча кивая.

– И какие у вас дальнейшие планы? – спросил он, наконец.

– Я прилетела сюда, чтобы рискнуть сломать шею на Спортивных Состязаниях.

– Это может быть более опасным, чем кажется.

– Возможно.

Джефф рассказал, что произошло днем. Дженис не высказала о случившемся никаких предположений, но Джеффу была нужна информация, а не предположения. Предположения тоже могут быть необходимыми, но они не должны выдвигать их сообща. Их точками соприкосновения должны стать столько факты.

– Мне кажется, в данный момент я вполне в безопасности, – сказала Дженис. – Было бы странно, если бы со мной что-нибудь произошло сразу после прилета. А вы считаете, что кто-то в Сенате Номы занимается убийствами на Спортплощадках, когда хочет кого-нибудь устранить?

– Не Сенат. А некие теневые правители Сената.

– И целью является то, что мы сумеем рисковать в этом направлении? Отлично! Сейчас мне нужно вернуться к себе в отель. Официально я должна встретиться с вами завтра, но сперва мне хотелось переговорить конфиденциально. На случай, если кто-нибудь знает, что мы с вами знакомы по Нойе. Будет совершенно естественно. Если я утром позвоню вам, и мы встретимся после полудня. Скорее всего, перед началом моих Спортивных Состязаний. Я знаю о них много, но наверняка не все.

Джефф согласился и наблюдал, когда она вновь маскировала лицо.

– Меня зовут здесь Армина, – сказала она напоследок, и голос ее и манера говорить не отличались от номанских.

Через несколько секунд она ушла, но у Джеффа появилось чувство уверенности, которое он еще не испытывал на Номе. Это не была уверенность в Дженис. Это была уверенность в Дженис и в нем, как в отличной команде.

XI

В разуме номанки, которым овладела Дженис, были все знания о Номе. Одеваясь в платье из муарового шелка, она знала, что это неподходящая для Нома одежда. Но популярная романистка, пишущая о томном шепоте в лунном свете и романтических приключениях в джунглях чужих планет, не может разбираться в таких тонкостях. Так что неправильное платье было самым правильным.

Потом она позвонила Джеффу.

– Привет, Джефф, – сказала она.

– Кто вы? – раздалось в трубке в ответ. – Вы явно землянка, но не думаю, что я встречал вас на Земле. Дайте подсказку, и я попробую угадать.

– Время – четыре месяца назад, – ответила Дженис. – Место – Нойя.

– А вы практически сказали мне ответ, – разочарованно протянул Джефф. – Вы Дженис Хиллер.

– Браво! Вы действительно ужасно заняты, или можете выкроить время, чтобы показать город старой знакомой?

В трубке была на мгновение тишина, затем раздался вопрос:

– У вас по-прежнему такие же прекрасные ноги?

Дженис глянула вниз и с некоторым самодовольством подтянула повыше подол платья.

– Да, ноги все те же, – ответила она.

– И вы не прибавили в весе?

– И размеры у меня те же самые.

– И вы ведь не вышли замуж еще раз?

– Я не была замужем уже много лет.

– Тогда, если вы выглянете из окна, то увидите, как я подъезжаю. Но вам придется поспешить. Только вот где вы находитесь?

– В отеле космопорта…

В трубке раздались короткие гудки. Дженис положила ее на место и решила, что если кто и подслушивал, что было маловероятно, то вряд ли узнал бы из такого разговора о многом.

Она вышла из номера и стала спускаться по лестнице.

– Дженис! – услышала она радостный женский крик.

Дженис повернулась с нехорошим предчувствием, и оно тут же оправдалось, поскольку окликнувшей оказалась Лесли Доулинг.

Лесли была не привлекательнее Дженис и на пятьдесят пунктов ниже ее в умственном развитии, поэтому люди, естественно, считали ее великолепным примером Прекрасной Дурочки. Но Дженис беспокоило не это, а то, что Лесли была с ней в заварушке на Меркурии, поэтому знала о ней достаточно много, чтобы открыть любому любознательному телепату, кто и что Дженис на самом деле. Сама Лесли никогда не работала там, где считалось опасным.

И самой большой опасностью было то, что Лесли могла случайно проговориться и ляпнуть что-то, что позволит кому-нибудь сделать о Дженис такие выводы, до каких сама Лесли никогда не додумается.

– Привет, Лесли, – весело сказала Дженис. – Я вижу, вы тут акклиматизировались.

– Если уж прилетели на Ном, ведите себя так, как номанцы, – рассмеялась Лесли.

Дженис тоже выдавила из себя улыбку, хотя и не такую задорную, как у Лесли.

Лесли загорела в Ном-Сити, городе, где всегда светит солнце, и носила великолепное белое платье-сеточку, призванное обычным для Нома способом доказать, что она не пытается избегать Спортивных Состязаний, симулируя травмы. Она могла бы сойти за номанку, потому что даже носила венок. Дженис разглядела, что медали за Плавание и Нырок составляют полный венок.

Лесли принялась серьезно объяснять, почему платье Дженис неправильное. У нее был вообще легкий характер. Наряду с красотой, она была добродушная, щедрая и всегда проявляла интерес к окружающим. Она нравилась женщинам, и ее любили мужчины. Заму-

жем она побывала четыре раза, но в настоящее время у нее никого не было. С точки зрения Дженис, лишь умный человек мог решиться жениться на Лесли, принимая в расчет несметные богатства ее отца, но, к сожалению, умный мужчина не был способен долго выдерживать саму Лесли. Жалко, что Лесли так и не встретила такого же добродушного придурка, как и она сама. Хотя, казалось, в Галактике таких пруд пруди.

Дженис внимательно слушала ее, поскольку то, что Лесли говорила о Номе, очерчивало пределы того, что она сама могла знать о нем. Она была благодарна, что совет Лесли дал ей возможность пойти и переодеться.

Джеффа она встретила в зале десять минут спустя. Множество людей видело, как они встретились, но мало кто – если вообще был кто-то такой – счел их встречу важной. Обычно Дженис работала тайно, а Джефф более публично. Но оба они умели играть свои роли.

– Боже мой, Дженис, – сказал Джефф. – Вы выглядите, как видение мечтателя. Вряд ли это прилично в холле отеля.

– Мне сказали, что на Номе все так одеваются, – просто ответила Дженис.

– Конечно. Но красивые девушки всегда находят повод раздеться еще больше. Так что нужны ли вам обычаи Нома?

Они еще долго болтали в том же духе, ни словом, ни жестом не показывая возможным наблюдателям, что они вовсе не два молодых человека, встретившихся на чужой планете и имеющих какие-то мысли, кроме мечты о взаимных удовольствиях.

– Вы разбираетесь в Спортивных Состязаниях, – сказала, наконец, Дженис. – Что бы вы посоветовали мне для начала?

Джефф задумался, по крайней мере, принял такой вид. Дженис знала о Состязаниях побольше него, но было бы странным, если бы она самостоятельно выбрала такие виды, которые лучше всего подходят к ее способностям.

– Попробуйте сначала Лабиринт, – сказал он. – Там нет никаких опасностей, если у вас хорошая визуальная память.

– А я думала, все Состязания опасны. Именно поэтому и прилетела сюда.

– Убиться можно в любом из них. Но в Лабиринте единственная опасность, это заблудиться, блуждать там много дней и, наконец, умереть от голода. Но я не думаю, что вы хоть чем-то тут рискуете.

– Хорошо, давайте попробуем. Мне не терпится начать.

Даже Дженис, со своими номанскими знаниями, на мгновение заколебалась, прежде чем выйти на улицу в подобном купальнике. Но, взглянув на Джеффа в шелковых спортивных трусах, опомнилась и захихикала.

– Я недавно была на Аситеде, где человеческая кожа священна, – сказала она. – Единственное, что там не скрывают, так это глаза. Аситедские священники моментально бы спятили, если бы очутились на здешних улицах.

На Спортплощадке было больше народа, чем прошлым вечером. Джефф и Дженис неторопливо прогуливались, наблюдая за различными Спортивными Состязаниями. Интересно, подумал Джефф, не придется ли ему снова принять в них участие? Но никто не обращал на них внимания, возможно, потому, что вокруг было слишком много народа.

– Вон Лабиринт, – сказал Джефф, кивнув на высокие стены вдалеке. – Он занимает квадратную милю и походит на наши земные лабиринты, за исключением того, что вы начинаете из одного угла и должны добраться до противоположного.

Он привел Дженис к входу. Спортплощадки на Номе занимали обширные области, не меньшие, чем на других планетах занимают леса и парки. На одном только этом участке была дюжина Лабиринтов, и все отличались друг от друга, и все были необходимы, потому что одному человеку разрешалось пройти один Лабиринт лишь раз. Все Спортивные Состязания были строго индивидуальны. Ни у кого не было ни малейшей возможности помочь другому.

Лабиринт, к которому они подошли, был пуст. Дежурный осмотрел Дженис, потом протянул в ней руки. Дженис дернулась и отскочила.

– Таковы правила, – сказал Джефф по-английски. – Дежурный должен удостовериться, что у вас нет с собой ничего: бумаги, карандаша или бечевки, или чего-нибудь, что можно оставлять на поворотах, чтобы облегчить прохождение.

Дженис напряглась, но позволила человеку обшарить себя, чтобы убедиться, что она ничего не прячет.

– Это тоже одно из условий, – сказал Джефф, хотя она знала это и без него. – Люди могут плотно поесть, прежде чем войдут в Лабиринт, но ничего не могут взять с собой. Ладно, буду вас ждать часа через четыре.

Номанец, очевидно, понимал по-английски, потому что усмехнулся при этом. Четыре часа возможны при первой попытке. Лабиринт можно пройти и за три. Но большинству людей требуется где-то дней пять. Если же они задерживаются там дольше, то их начинают подводить силы, и в итоге они умирают от истощения. А в Лабиринт никого больше не пускают, по крайней мере, в течение двух недель. Так что заблудившиеся оказываются его жертвами.

Когда Дженис вошла, тяжелая дверь на массивных стержнях закрылась за ней. Вернуться этим путем она не могла. Она может кри-

чать и плакать, но никто не обратит на это внимания. Единственный способ выбраться отсюда – пройти Лабиринт.

Прежде чем начать двигаться, Дженис осмотрелась. Проходы были шириной в два ярда, а бетонные стены составляли еще фут. Лабиринт занимал площадь в квадратную милю, значит, общая длина проходов должна составлять 750 миль. Дженис пересчитала для уверенности. Да, правильно, 750. Неудивительно, что в Лабиринте погибают люди. Он выглядит легким, пока не беретесь за математические подсчеты.

Но Лабиринт можно было пройти меньше, чем за час. Собственно, его и нужно так пройти, чтобы заработать медаль. Значит, хотя она и должна пройти по диагонали, правильный маршрут не может быть длиннее четырех миль. Со всеми поворотами, четыре мили за пятьдесят семь минут – это максимум.

Дженис все еще не стронулась с места. Одного ума было недостаточно, чтобы облегчить любые Состязания, но размышления могли помочь. Диагональ равна корню из две мили, умноженные на полторы. Нет, на одну целую четыре десятых с хвостиком. Дженис усмехнулась. Она была талантливой телепаткой, но математика – не ее конек. Однако, она установила факт, что нельзя часто отклоняться от диагонали. Мелкие отклонения от прямой линии быстро умножат расстояние.

Она пошла по проходу, дошла до развилки и выбрала тот проход, который вел в нужном направлении. Но он оказался тупиком. Дженис вернулась той же дорогой и пошла другим проходом. Вскоре он опять разветвился. Она снова пошла тем, что казался ей правильным, и на этот раз не ошиблась. Во всяком случае, она уже прошла сто ярдов, игнорируя проходы, открывавшиеся по обеим сторонам. Но затем попала в очередной тупик и была вынуждена вернуться к предыдущей развилке.

Дженис уже поняла, что главной трудностью для большинства является потеря ориентиров. Она слышала звуки Спортплощадки, поскольку Лабиринт был без крыши, но это не помогало, потому что такие звуки были явно слышны по всему Лабиринту.

Наверное, уже много людей запутались бы и понятия не имели о своем местоположении в Лабиринте. Но Дженис знала почти точно, где находится – примерно в двухстах ярдах от входа и почти на линии воображаемой диагонали.

Это состязание не должно было представлять для нее никакой опасности. У Дженис в голове был план пройденной части Лабиринта, а каждый новый поворот или развилка все время добавлялись к нему. Она уже поняла, что сумеет пройти Лабиринт примерно за

пятьдесят семь минут – но это было бы слишком эффектно. Поэтому она не стала спешить.

Через час она прикинула, что находится в центре Лабиринта. Было вполне вероятно, что вторая половина будет подобна первой. И пройти половину оставшегося пути за полчаса было бы вполне разумно. Если поднажать, то Дженис смогла бы пройти ее и за двадцать минут, но тогда ей пришлось бы бежать.

Дженис всегда была сильной, а перед полетом на Нойю занялась еще и атлетикой. Сейчас она была в полной форме, потому что с тех пор не переставала тренироваться.

Она замедлила шаг, чтобы не дойти до выхода слишком быстро. Но волноваться об этом не пришлось. В конце была секция, которая стоила ей часа пути. Для нее это не составило особых проблем, но когда она вышла на финишную прямую, то уже понимала, как люди могли блуждать в Лабиринте до самой смерти.

Джефф ждал ее у выхода возле дежурного.

– Четыре часа пятьдесят минут, – сказал Джефф. – Вы должны повышать свои результаты.

– А вы сами-то проходили его? – спросила Дженис. – Это не пустяки.

Она видела, что дежурный был слегка удивлен.

– Все в порядке, – сказал Джефф, когда они отошли от Лабиринта, и никто не мог их подслушать. – Я боялся, что вы не сможете воспротивиться порыву пройти его за два часа.

– Откровенно говоря, я могла бы пройти его и быстрее, – призналась Дженис. – Теперь я могу пройти его и за час. Но если подумать, то это – настоящее испытание. Теперь я лучше понимаю номанскую точку зрения на Спортивные Состязания. В них есть все – и задача, и необходимая мера опасности. Если бы я знала, что достаточно будет закричать, и кто-нибудь придет на помощь, то была бы потеряна вся острота Состязания, и весь интерес.

– Но, так или иначе, мне кажется, что на сегодня достаточно, – сказал Джефф. – Давайте куда-нибудь пойдем и поедим.

– Поесть я согласна, – ответила Дженис, – но, думаю, что потом попробую что-нибудь еще. Не забывайте, что я с энтузиазмом собираю материал для книги. Энергия Дженис Хиллер известна на дюжинах миров. Хотя иногда это так утомляет.

XII

Чтобы поесть, им не нужно было покидать Спортплощадку. За едой Дженис болтала обо всем и ни о чем. Как романистка, она была не глупа. Личность, которую она создала себе для прикрытия, была остроумной, блестящей, энергичной, любила удовольствия, но также была доброй и

уравновешенной. Единственное, что не скрывала, так это способность к быстрым, эффективным действиям и телепатические таланты.

Джефф хорошо знал одну Дженис, но вторая была ему почти незнакома. И это оказалась очень привлекательная незнакомка.

Интересно, подумал он, что я давно уже хотел жениться, но так и не встретил девушку, которая дотягивала бы до моих стандартов. А потом встретил Дженис и понял, что до этой девушки далеко ему самому. А вот в качестве романистки, Дженис точь-в-точь подходила ему как по внешности, так и по уму. Но это была Дженис, которая на некоторое время притворялась обычным человеком.

Возможно, Джефф оценил ее слишком высоко, но он чувствовал, что прав. Никакая девушка не могла сравниться с Дженис.

Позже, когда они курили, Джефф увидел, что к ним целеустремленно направляется какая-то девушка.

– К нам идет кто-то, кто знает вас, – пробормотал он. – Красивая блондинка.

– Должно быть, это Лесли, – ответила Дженис и повернулась.

Джефф озадаченно заметил на ее лице промелькнувшее беспокойство.

Джефф и Лесли были представлены друг другу. У Джеффа вдруг, точно вспышка, появилась догадка, проблеск интуиции, какие бывали у людей задолго до того, как были раскрыты тайны телепатии, и какие у телепатов всегда бывают чаще и определеннее.

Что-то должно вовлечь их троих – его самого, Дженис и девушку, с которой его только что познакомили, – во что-то опасное, кроющее в себе страх и боль. За всем этим стояла тайна Нома. И им даже ничего не нужно делать, чтобы форсировать события.

Снаружи Джеффа ждала группа юношей и девушек, с которыми он познакомился прошлой ночью. Что-то щелкнуло в голове у Джеффа. Все это были лишь предварительные мероприятия. Молодые номанцы всего лишь развлекались. А настоящая опасность должна была появиться потом.

Дженис и Лесли удивленно глядели, как рыжий главарь взял Джеффа под руку.

– Я вижу, на этот раз у тебя есть компания, землянин, – ухмыльнулся он. – И весьма хорошая компания. Позволим леди самим что-нибудь выбрать, а потом ты покажешь им, как это нужно делать.

– Вы никогда не повзрослеете? – устало спросил Джефф. – Вот вам и вся психология номанских юнцов, – сказал он Дженис. – Все развитие останавливается на стадии самолюбования.

– Ничто не останавливается, шпион, – усмехнулся главарь, затем повернулся к Лесли и спросил, как ее зовут. – Ну, выбирайте что-ни-

будь, Лесли, затем это попробует ваша очаровательная подружка, и под конец Джефф Кронер покажет, как мало вы понимаете в Спорте.

Лесли не понимала, что происходит, но здесь была толпа, а в толпе она всегда была счастлива. Кроме того, Джефф и Дженис не выглядели обеспокоенными, значит, это должна быть просто какая-то игра. Лесли часто натыкалась на то, что не понимала, и привыкла к этому.

Оценивающе взглянув на Джеффа и Дженис, она выбрала Прогулку. Это была просто прогулка по вершине стены в пятьдесят футов высотой и шести дюймов шириной. Пройти нужно было триста ярдов, и, чтобы жизнь не казалась медом, специальная машина создавала ветер, дующий вдоль всей стены со скоростью сорок миль в час, вернее, сорок миль в час было в начале и в конце, а в середине он превращался в настоящую бурю. Это соревнование было бы невозможным, если бы ветер налетал порывами, но он дул ровно. Оставалось лишь, идя по стене, наклониться навстречу ему.

Но, как и большинство Спортивных Состязаний, Прогулка весьма щекотала нервы. Леслибыла землянкой, и если бы погибла при данных обстоятельствах, то Джефф был бы обязан принять какие-то меры, причем он понятия не имел, какие именно. Поэтому он на-

пряженно смотрел, как она шла в вышине. Ветер похотливо задирал ей платье, и Джефф подумал, не следовало ли указать, что прогулку легче исполнять в облегающей одежде.

Однако, Лесли сопротивлялась ветру достаточно уверенно, и наклонилась правильным образом, когда буря вошла в полную силу. Земляне вообще лучше сопротивлялись ветру по некоторым причинам, поэтому данное Состязание давалось им легче, чем номанцам. Единственные бури на Номе были искусственными, в то время, как земляне привыкли сражаться с настоящими ураганами.

Когда Лесли дошла до конца, за ней сразу же последовала Дженис. Джефф даже не смотрел на нее. Он исподтишка наблюдал за молодыми номанцами, стараясь понять, кто же стоит за ними.

А он уже точно знал, что за ними кто-то стоит. Кто-то намекнул им, что настало время заставить представителя УСП Кронера самому поучаствовать в Спортивных Состязаниях. Они посчитали это хорошей идеей, и Джефф больше ничего не мог по ним определить. Он попытался было провести легонькое телепатическое исследование, но тут же запротестовала Дженис.

– Послушайте, майор, – воскликнула она мысленно, – может, это со стороны и выглядит легким, но все же требует немного концентрации. Давайте-ка очистите эфир!

Лесли, как и номанцы, была, очевидно, нетелепатом.

Джефф исполнил Прогулку без труда. Однако, во время нее он понял, насколько опасно считать Спортивные Состязания детской забавой. Был момент, когда он споткнулся и лишь нечеловеческим усилием сумел сохранить равновесие. Запомни, Кронер, сказал он себе, вот так и погибают номанцы. Они начинают думать, что могут справиться со всеми Состязаниями одной левой. А номанец, подумавший так, – мертвый номанец.

Попытка Лесли принесла ей медаль за Прогулку, тут же была веселая церемония награждения, и Лесли повесила на свой венок медаль рядом с медалями за Плавание и Нырок. Она слегка покраснела от пикантных комплиментов от молодых номанцев, хотя наверняка уже слышала немало пикантных комплиментов, и, казалось, была счастлива в их компании. Джефф тоже решил расслабиться и получать наслаждение, поскольку все равно не видел другого достойного выхода.

Но мысль от Дженис вернула его к делам.

– За нами кто-то наблюдает. Не оборачивайтесь. Я покажу его мысленно.

– Офру! – воскликнул в ответ Джефф. Когда в его голове появилось изображение.

– Не нужно так громко вопить, – тут же съязвила Дженис, хотя

Джефф и не думал пользоваться голосом. – Офру – это тот человек, который предупредил вас, не так ли?

– Да, но он походил на хорошего парня. Я бы и не подумал…

– Угу, – согласилась Дженис. – Враги частенько походят на хороших парней, или наоборот. Так или иначе, он стоит так, словно не хочет, чтобы вы его заметили. На меня он внимания не обращает. Я для него – лишь часть окружающей обстановки.

Затем Лесли выбрала Мишень. Джефф возразил, сказав, что он уже прошел ее вчера, но номанцы ответили, что тем быстрее он получит свою медаль, так что это не обсуждается.

Из-за Лесли Джефф пережил несколько неприятных моментов, поскольку у нее не было безупречной координации, требующейся в таком Состязании, как Мишень. Должно быть, она проделывала его пару раз, но рано или поздно должна была совершить ошибку. Джефф заметил, что Дженис сделала такие же выводы. И возможно, Дженис специально постаралась убедить Лесли не проходить больше Мишень.

Джефф был поражен и потрясен, услышав вскрик, когда Дженис, проходившая Мишень после Лесли, не сумела избежать стрелки и та скользом порезала ей бок. А стрелки, разумеется, продолжали лететь. Ни одно из Состязаний никогда не останавливалось. Опасность здесь крылась в том, что легкая рана, не значащая ничего сама по себе, может послужить помехой в дальнейших Состязаниях.

Джефф открыл было сознание, чтобы помочь Дженис, но тут же снова закрыл. Он мог ей помочь, мог даже взять управление на себя, но тогда ее реакция слегка замедлиться и не будет оставаться времени перевести дыхание.

Больше Дженис не допустила промахов, но к тому времени, как Состязание закончилось и стрелки перестали лететь, кровь из глубокой раны запачкала ее белые спортивные трусы и бежала по ноге. Лесли подбежала к ней, а Джефф повернулся к номанцам.

– Если у вас есть какие-то дальнейшие планы, то можете забыть о них, – мрачно заявил он. – Я отвезу Дженис домой, даже если для этого я сперва должен уложить тут всех вас.

Но юнцы выглядели сочувствующими и даже не стали возражать.

– Разумеется, здесь не существует никакой «скорой помощи», – сказал Джефф. – Это могло бы спасти слишком много жизней. Лесли, вы не могли бы сбегать в отель и принести ее вещи? А я понесу Дженис.

Впервые она оказалась у него на руках. И Джефф чуть было не уронил ее, когда она заговорила с ним мысленно, кода они еще были в толпе.

– Вы осел, – сказала она. – Неужели вы думаете, что это был несчастный случай? Есть такая штука, как выполнять все слишком хо-

рошо, и я не позволю, чтобы это произошло со мной. Кроме того, в ответ на вашу давешнюю подколку о том, что я люблю обнажаться, я привезла с собой почти весь свой земной гардероб, и собираюсь его носить. И рана дает мне на это право.

– Вы хотите сказать, что вы…

– Я позволила стрелке попасть, куда и когда хотела. Дженис Хиллер, как частное лицо, вовсе никакая не суперженщина. Вот я и допустила ошибку, чтобы доказать это.

Джефф быстро закрыл свое сознание. Не стоило Дженис увидеть, что у него самого не хватило бы на такое храбрости.

XIII

Следующие несколько дней ничего не происходило, и Джефф с Дженис не форсировали события.

Несколько дней Дженис не участвовала в Спортивных Состязаниях, потом вернулась к ним. Правда, из-за перевязанного бока она не участвовала в напряженных Состязаниях, но это не помешало ей продолжить прохождение Лабиринта. Рисунок Лабиринтов время от времен менялся, но принципы оставались прежними. Однажды днем Дженис провела в Лабиринте шесть часов, на следующее утро – пять, а затем днем выиграла медаль.

Таким образом, она получила венок еще тогда, когда носила повязку на боку.

Потребовалось немного убеждений, чтобы Лесли держалась подальше от Мишени. Она и так была достаточно нервной, а при виде раненой Дженис решила, что есть Спортивные Состязания и полегче Мишени.

Джефф иногда сопровождал девушек к Спортплощадке, но не всегда. Молодые номанцы появились всего лишь еще раз и заставили его принять участие в Спортивных Состязаниях. Но поскольку им было уже ясно, что храбрости ему не занимать, – а изначально они искренне верили, что Джефф просто трус, – то они были склонны оставить его в покое.

– Мне кажется, я понял кроющуюся за этим цель, – сказал Джефф Дженис. – Спортивные Состязания въедаются в вашу кровь. Попробовав несколько раз, мне захочется их продолжить. Если бы я ничего не подозревал, то так бы и было. Люди, которым мы противостоим, должно быть, знают, что это должно произойти. А затем, когда у меня уже был бы неплохо наполненный медалями венок, со мной бы что-нибудь произошло.

– Выглядит вполне разумно, – кивнула Дженис. – Что же касается меня, мне кажется, что Состязания не окажутся для меня особо

опасными. Идея, вероятно, состоит в том, что я должна улететь и написать роман о Номе и Спортивных Состязаниях. Это привело бы к ним намного больше посетителей. Единственное, что меня беспокоит, так это Лесли.

Джефф кивнул.

– Что точно она знает о вас? – спросил он.

– Детали не имеют значения. Но если она скажет кому-нибудь, что знает меня по Меркурию, то этот кто-то, если достаточно умен, может догадаться, что я агент УСП, причем довольно высокопоставленный. Интересно, что мы не оставили подобных следов на Ное, а там было гораздо более серьезное дело, чем на Меркурии.

– Рад это слышать, – пробормотал Джефф. – А то я уже начал думать, что работа, в которой вы участвуете вместе со мной, является для вас чем-то вроде отдыха.

Дженис оценивающе посмотрела на него.

– Джефф, мы сотрудничаем, и, может быть, не в последний раз. Не составляйте неверное представление обо мне. А то в будущем вы можете поручить мне слишком трудное дело, и потом мы оба будем жалеть об этом. Может быть, я немного сильнее, немного умнее большинства других девушек, и у меня нервы немного покрепче, но всему есть предел. У меня были проколы в прошлом и, вероятно, будут в будущем. Я видела ваш отчет, но сама оцениваю свою работу на Ное не столь высоко.

Джефф что-то проворчал, явно не согласный с ней, но все же признал, что в чем-то Дженис права.

Однажды Джефф отправился на встречу с Офру, в то время как Дженис пыталась добавить к своему венку медаль за Спуск. За время встречи был лишь один полезный для Джеффа момент. Они курили, болтали и пили номанское бренди. Офру, как и прежде, казался хорошим другом. Вот только он спросил, не произошло ли чего на Спортплощадке, причем ни словом не обмолвился, что несколько дней назад видел там Джеффа. Джефф сам предоставил для этого ему возможность, сказав, когда он там был, но Офру притворился, что не заметил его. Значит, Офру, в лучшем случае, что-то скрывал.

Но Джефф не желал считать, что человек, с которым он встретился чисто случайно, мог оказаться одним из тех, кого он отчаянно искал. Джефф не верил в такие случайности. Но затем он понял, что не было никакой случайной встречи. Офру искал его и специально с ним столкнулся. Если бы Джефф не стал нарываться на драку, Офру притворился бы, что прощает его, и все равно бы предупредил о Спортплощадке – в такой форме, что намеренно послал его прямо туда.

Но у Джеффа было преимущество. У Офру не было причин пред-

полагать, что Джефф его видел. Ведь не мог же он знать, что Дженис послала Джеффу его мысленное изображение.

Через неделю после того, как Дженис была ранена, она повела его на одно из открытых мест на Спортплощадке, где их нельзя было подслушать. Джефф решил, что она хочет рассказать ему что-то, что обнаружила, и нетерпеливо повернулся к ней. Но Дженис внезапно сказала:

– Джефф, я думаю, было бы лучше, если бы мы поженились или, по крайней мере, были бы помолвлены.

У него отвисла челюсть.

– На основе своего шпионского опыта вам должно быть известно, – холодно продолжала она, – что гораздо лучше предупреждать подозрения прежде, чем они возникнут. Например, я специально получила ранение, чтобы доказать, что у меня нет сверхобычной координации движений. Скоро люди, с которыми мы боремся и которые все время должны наблюдать за вами, станут задаваться вопросом, почему вы проводите столько времени со мной. И им стукнет в головы, что мы можем сотрудничать, потому что люди – а особенно номанцы – не верят в платонические отношения. Тогда они станут следить и за мной, а это будет весьма неприятно.

Джефф поразмыслил, не кроется ли в ее предложении что-то еще, кроме военной хитрости, но согласился, что Дженис права.

– Номанские браки незаконны на Земле, – заметил он.

– Конечно, мне это известно... Неужели вы думаете, что иначе я сделала бы такое предложение? Конечно же, они незаконны. Земля признает множество форм брака, но не тех, в которых обе стороны не налагают на себя вообще никаких обязательств. Так что давайте об этом напрямик. Я предлагаю вам номанский брак – чисто во имя долга. Все равно он ничего не будет значить, когда мы покинем Ном. Вы согласны?

– Конечно, – кивнул Джефф.

– Номанский брак – лучший выход для нас. Тогда вы сможете переехать в этот отель и жить в моем номере. Я смогу это выдержать. А вы?

– Я сотрудник УСП, – пожал плечами Джефф. – Я желал и более странные вещи. Но вы думаете, это поможет?

– Не совсем. Они будут продолжать следить за вами и, может быть, некоторое время будет даже следить за мной. Но зато мы будем вместе, готовые к чему угодно. И у меня есть предчувствие, что скоро что-то произойдет.

– У меня тоже.

Они не тратили время даром, пошли к номанскому Спортмастеру – официальный титул которого не означал слишком много, – и были тотчас же женаты согласно обычаям Нома. Для этого требовался венок, и они использовали венок Дженис, поскольку у Джеффа не

было ни одного. Спортмастер предупредил их, что он считает этот брак неудачным решением.

– Мы рискнем, – сказал ему Джефф.

И лишь потом они вспомнили, что следовало бы пригласить Лесли присутствовать на этой церемонии.

На Номе нечего было делать, кроме Спортивных Состязаний. Дженис предстояло еще раз пройти Спуск, чтобы выиграть медаль – и дважды для медали за Прогулку. Ни то, ни другое не требовало особого проворства, да и рана ее уже не беспокоила.

– Даже если наш брак и фиктивный, – помотал головой Джефф, – я не хочу видеть, как моя невеста убьется через час после брачной церемонии. На сегодня никаких Состязаний.

Так что они отправились на Спортплощадку в качестве зрителей и увидели, как Лесли выполняет Спуск. Они оба нахмурились, поскольку это было особо опасное для нее Состязание. Но она снижалась достаточно аккуратно, и они пошли через толпу, чтобы встретить ее на финише. Но прежде чем добрались туда, услышали шипение сжатого воздуха.

– Она опять поднимается! – воскликнула Дженис. – Вот дурочка...

И они оба вдруг поняли, что сейчас произойдет. Телепатия не включала в себя дар пророчества, но иногда он все же проявлялся. Бывали случаи, когда телепаты точно знали, что случится в будущем, хотя не исключено, что они просто воспринимали эти знания из чьего-нибудь разума, просто подсознательно.

Дженис отвернулась. Джефф, как завороженный, продолжал смотреть. Ему хотелось, по примеру Дженис, отвернуться, но не было сил.

Луч одного из репульсоров оказался слишком слабым, и два других медленно развернули Лесли в воздухе. Она выглядела спокойной, постепенно увеличивая мощность слабого луча. Но та увеличилась вдруг скачком, и Лесли подскочила вверх, а затем завертелась в воздухе. А потом упала с высоты десяти футов прямо на голову, и во внезапно наступившей тишине был отчетливо слышен хруст сломанной шеи.

Ничего нельзя было сделать. Джефф и Дженис молча пошли дальше.

– В качестве тайного агента УСП мне бы следовало радоваться, – с горечью произнесла Дженис. – Мы теперь в безопасности. Никто не узнает, кто я. Но я была бы рада быть в опасности, только бы Лесли осталась жива.

– Она все равно обязательно бы погибла, – ответил на это Джефф. – И мы знаем это. Чем больше она входит во вкус Спортивных Состязаний, тем более бесспорно, что она будет продолжать до тех пор, пока не совершит ошибку. Не в одном Состязании, так в другом.

Ном должен быть закрыт для землян. Пусть номанцы убивают себя, если хотят, а земляне…

– Будут кончать с собой в других местах, – возразила Дженис. – Лесли могла бы погибнуть на занятиях альпинизмом или горными лыжами. Ей не обязательно было лететь для этого на Ном.

Ночью они проверили свою спальню. Джефф был озадачен, потому что они не нашли никаких жучков.

– Вот интересно, – безнадежно сказал он, – уж не навоображали ли мы себе все это? Нечто подобное было на Ойе. Мы не могли определить опасность, и вам пришлось рисковать своей жизнью, чтобы отыскать ответ на наши вопросы. Может ли подобное произойти здесь?

– Нет, – покачала головой Дженис. – В конце концов, а зачем им прослушивать нашу спальню? Мы ни к чему даже близко не подобрались. Единственное, что мы узнали, так это что Офру – лидер. Но пока что мы не можем даже следить за ним. Они могут позволить себе выждать, пока мы успокоимся, чтобы продолжить за нами слежку.

– Но что мы будем делать?

– Я, например, буду спать, – сказала Дженис. – Должна заметить, что люди, на которых мы охотимся, проявляют изрядный такт, не прослушивая спальню молодоженов. Что избавляет нас от больших проблем.

Джефф разделся в ванной, а когда вышел, Дженис уже лежала на одной из кроватей, и Джефф мог бы поклясться, что она уже спала.

XIV

Бездействие закончилось на следующий день, когда Дженис выполняла Прогулку. Джефф не сразу понял, что происходит. Он увидел, что Дженис опасно споткнулась, но, помня, что произошло на Мишени, не встревожился.

– Джефф, уходи. Смешайся с толпой. Я сама найду тебя, когда смогу.

Не тратя напрасно времени, чтобы осмотреться, Джефф тут же исполнил все, что ему велели. У соседнего Состязания – Пламя – всегда стояла густая толпа, и Джефф растворился в ней. Уходя, он оставил свое сознание чуть приоткрытым, чтобы Дженис могла вычислить, где он находится. Буквально через несколько секунд она присоединилась к нему.

– Спортивные Состязания подстроены, – спокойно сказала она. – Ветер прекратился на долю секунды. Вы понимаете, что это значит? Вы идете, согнувшись, опираясь на него, и если он прекратится, то непременно упадете. Меня спасло только то, что я почувствовала, что нечто должно произойти, за секунду до этого. Так что все это было не случайно, машиной, создающей ветер, кто-то управлял.

Джефф растерянно уставился на нее.

– Вы понимаете, что это значит? – снова спросила Дженис. – Лесли вчера не совершила ошибку. Она была убита – после того, как таинственные номанцы узнали от нее обо мне. Теперь они хотят убить меня, и если у них не получится на Спортивных Состязаниях, то они найдут другие способы.

– Что мы можем сделать?

– Есть только одно, что я могу сделать. Они знают, что я сотрудник УСП, но понятия не имеют, что я могу превратиться в номанку. Я могу стать Арминой.

– Но вы не можете вернуться в отель.

– Конечно же, нет. У меня есть тайник на случай, если Дженис Хиллер должна срочно исчезнуть. А затем, поскольку мне нужно спешить, я начну следить за Орфу.

– А что делать мне?

– Пока что ничего. Вернитесь в отель. Они не станут убивать вас, не подумав хорошенько. Земля может причинить им из-за этого много неприятностей. Я же здесь под прикрытием, а тайных агентов всегда устраняли без шума и пыли. Пока, Джефф. Я свяжусь с вами, когда вы понадобитесь.

И это было все. Несколько шагов – и Дженис затерялась в толпе. Джефф и не пытался пойти за ней. На споры не было времени.

Дженис старалась находиться в толпе как можно дольше. Из-за травмы она пользовалась привилегией и носила земную одежду, которая делала ее заметной, потому что здесь даже землянки старались одеваться в номанском стиле. Добравшись до глухой стены Лабиринта, Дженис покинула толпу и торопливо пошла, скрываясь за высокой стеной Прогулки. Прогулку как раз никто не проходил, поэтому в поле зрения никого не было видно. Ей пришло в голову, какой опасности она только что подверглась там, но на страхи не было времени.

Она стала шарить рукой по стене, ища невидимую веревку. Был момент, когда она уже подумала, что ее тайник обнаружен, но тут пальцы коснулись чего-то, и она схватила веревку. Стена Лабиринта была пятнадцать футов высотой, но Дженис при помощи веревки перемахнула ее за долю секунды. Внутри она почувствовала себя в большей безопасности. Возможность наткнуться на кого-то, блуждающего по внешнему проходу Лабиринта, была минимальной. И Дженис не собиралась быть здесь долго.

На некотором расстоянии от того места, где она оставила веревку, Дженис откинула кусок дерна у основания стены и достала пакет. Она не была такой темнокожей, как номанки, поэтому первым делом выкрасила себя в золотисто-коричневый цвет. Проблемой был лейко-

пластырь на боку. Покажет ли его Дженис или скроет, все равно будет нехорошо, потому что враги будут искать девушку с раной на боку.

Дженис осторожно сняла пластырь и осмотрела рану. Она хорошо заживала, но в шортах Армины он будет легко заметен. Дженис поняла, что может сделать лишь одно. Она оторвала от платья, которое только что сняла, полоску материи, соорудила из нее петлю и вложила в нее руку. Рука повисла над раной, скрывая ее и одновременно показывая, что у нее нет повязки на боку. Это было лучшее, что она могла сделать.

В тайнике было еще оружие, но Дженис пришлось оставить его. С оружием она стала бы более заметной, чем в земной одежде. Она положила его обратно вместе с бутылочкой краски, платьем и прочими вещами. Из Лабиринта она вышла в качестве Армины. Теперь на ней был поддельный Спортивный венок, носить который было опасно на Номе, но не более, чем ее собственный или обходиться вообще без венка. Венок был своего рода удостоверением личности. Номанцы могли опознавать людей по венкам лучше, чем по лицам.

Джефф дал ей адрес Офру, и Дженис направилась туда, пытаясь на ходу придумать план действий. Офру не узнает ее, но чем это поможет? Дойдя до дверей квартиры Офру, Дженис все еще не знала, что делать дальше.

В случае необходимости, она бы позвонила в звонок и встретилась с номанцем лицом к лицу. Но сначала Дженис толкнула дверь. Дверь оказалась незапертой. Она тихонько скользнула внутрь, прикрыла за собой дверь, замерла, прислушиваясь, и услышала ровное, мощное дыхание. В квартире кто-то был и, по-видимому, спал.

Тогда Дженис спокойно прошла в спальню. Конечно, там был Офру. Он не лежал, как положено, в постели, а выглядел так, будто рухнул на нее, слишком усталый, чтобы раздеться.

Дженис хотела было обыскать квартиру, но тут же отвергла эту мысль. Что она могла там найти? Все, что ей нужно, скрыто в голове спящего.

Что ж, у нее был опыт работы с чужим разумом. Не имело значения, является Офру телепатом или нет. Дженис нужна лишь секунда, чтобы узнать то, что нужно…

Но такой секунды у нее не оказалось. Не успел еще Офру открыть глаза, Дженис уже поняла, что происходит. Офру был не просто телепатом. Пока он спал, его разум непрерывно мысленно сканировал окружающее пространство. И первая же попытка проникнуть в него привела разум в действие, хотя спящий еще не осознал, что случилось.

Дженис прыгнула на него, пытаясь добраться до горла, пока он еще не пришел в себя. Но петля, в которой у нее находилась рука,

помешала, и, прежде чем она освободила обе руки, Офру вырвался из ее захвата.

Дженис никогда прежде не боролась с таким сильным мужчиной без оружия. Это была бы безнадежная схватка, если Дженис немедленно не отыщет преимущество. Во время драки с Джеффом Офру явно играл с ним в поддавки. Но теперь попытка ткнуть ее в глаз и ударить в живот доказала, что Офру настроен серьезно. Дженис удалось со всей силы ударить его в солнечное сплетение, но это лишь показало, насколько безнадежна ее задача. У нее что-то хрустнуло в запястье, а Офру только хрюкнул.

Несколько долгих секунд Дженис удавалось избегать его сокрушительных ударов и не давать ему встать. Одновременно она попробовала нанести Офру ментальный удар, но тот был отбит. Дженис попробовала перевести схватку из физической плоскости в ментальную, но Офру на это не повелся. На мгновение он почувствовал искушение побить эту телепатку на ее собственной почве, но он сразу же отмел его. В дуэли умов всегда была возможность потерпеть поражение, а в физической драке Офру считал, что не может потерпеть неудачу.

Офру удалось подняться на ноги, и у Дженис не хватило сил остановить его. Он уже поднял руки, чтобы сокрушить ее – и внезапно увидел, как она мгновенно переместилась на десять футов и подняла, точно оружие, электронные часики.

Это сработало лишь на секунду. Почти сразу же Офру понял, что Дженис не сдвинулась с места, а девушка, поднимающая часики, была всего лишь иллюзией. Когда нойянцы обманывали этой уловкой Джеффа и других землян, все играло в их пользу. И все теперь было против Дженис, особенно ее тяжелое дыхание совсем рядом с Офру.

Но эта уловка дала ей время добраться до глотки номанца.

Офру дрался так, что все, что было перед этим, показалось детской игрой. Он схватился за Дженис, бросился на пол, перекатился, подминая ее под себя и при всякой возможности пытаясь наносить удары. Но Дженис знала, что побеждает. Она спутала его мысли, заставив его думать, что он падает на нее, когда на самом деле было наоборот. Но прежде всего она не выпускала его горло, сжимая все крепче и крепче.

Дважды он притворялся мертвым, и всякий раз Дженис игнорировала его уловки. Но на третий раз это уже не было уловкой. Дженис оставила бы его живым, если б могла, но не из щепетильности, а чисто потому, что от живого могла узнать больше, чем от мертвого.

Не тратя время на то, чтобы встать или хотя бы снять руки с его горла, Дженис исследовала его мертвый мозг. Это походило на рисунки мелом, которые смывал дождь. Но разочаровало ее другое. Офру почти ничего не знал. Он состоял в организации, члены ко-

торой называли себя Строителями, и, как и прочие, принес клятву верности и послушно исполнял приказы. Он не знал никого из руководителей. Он не лгал, когда сказал Джеффу, будто не знает, что должно произойти на Спортплощадке. Единственно полезными сведениями было задание, которое он выполнял в настоящее время. Но оно не имело никакого отношения ни к Дженис, ни к Джеффу. Все действия Офру за последние дни были нацелены на поиски и ликвидацию номанца по имели Кон.

Офру был телепатом. И Кон, кем бы он ни являлся, то же был телепатом. И Офру знал еще много других телепатов, которые никогда не пользовались своими способностями, за исключением выполнения приказов Строителей – это и объясняло «красивую тишину», о которой упомянул Джефф, пытавшийся открыть свой разум на Номе. Очевидно, все Строители были телепатами, и все телепаты-номанцы – Строителями. Но они тщательно скрывали свои таланты, так тщательно, что Офру было запрещено использовать телепатию в поисках Кона.

Так что Дженис была очень осторожна, когда мысленно искала Джеффа, и еще более осторожна, когда сообщала ему место встречи. Телепатия не безопасна в мире, где живет столько скрытых телепатов. И если Дженис с Джеффом могли бы идентифицировать Строителей, по крайней мере, находясь неподалеку от них, то и Строители могли идентифицировать их всякий раз, кода они посылали мысленные сообщения.

Дженис с трудом поднялась и посмотрела на свои руки. Да, с такими руками ей было бы нечего делать на конкурсе красоты. Опухшие, исцарапанные, покрасневшие, со вздувшимися жилами. Остальные ее части были тоже не новенькие. Лицо и одежда избежали повреждений, но все тело было покрыто синяками и царапинами. Выглядела Дженис так, словно участвовала в незаконных боях. Она не была бы против иметь вид, словно получила травмы на Спортивных Состязаниях, но не могла вспомнить ни одно Состязание, на каком можно было бы получить такие различные повреждения.

И она ничего не могла с этим поделать. Но хотя бы не открылась рана в боку. Дженис промыла царапины и обработала их заморозкой, найденной в ванной, а затем ушла из квартиры Офру. Она не могла быть совершенно уверена, что Офру не успел послать телепатический призыв, но думала, что на это у него не было времени и сил.

Много людей видело, как она выходила из здания, и некоторые наверняка запомнят ее. Но Дженис заблаговременно убрала с лица маскировку, не желая, чтобы со смертью Офру связали Армину.

Теперь нужно действовать быстро, если они вообще хотели чего-то достигнуть. К Офру она пошла в одиночку, потому что Джеффа знали, и у него не было никакой удобной маскировки, в отличие от

нее. Но теперь, когда стало известно, что им противостоит целая организация, а собственной организации у них не было, нужно было действовать стремительно, надеясь на лучшее.

Джефф ждал ее в назначенном месте – в месте, где ни один из них никогда не был, в достаточном отдалении от Спортплощадки.

Джефф кивнул в ответ на ее незаданный вопрос.

– За мной следили, – сказал он, – но, кажется, я сбросил хвост. Но в любую секунду они могут снова найти меня. Дженис, вы понимаете положение, в каком мы находимся?

– Полностью, – кивнула она. – Но у нас мало времени.

И она рассказала ему все, что узнала.

– Вы убили его? – удивленно сказал Джефф. – И это после того, как вы сказали, чтобы я не ждал от вас слишком многого?

– Неважно. Единственное, что мы можем сделать, это найти Кона. Он телепат, так что мы можем отыскать его. Будет, конечно, опасно, но это единственное, что мы можем сделать. Я понятия не имею, что он знает, но он – единственная наша зацепка.

Джефф ждал, пока она сконцентрирует мысли. На это понадобилась всего лишь секунда.

– Приготовься, – сказала Дженис. – Я знаю, где он.

– Если Офру охотился за ним, – заметил Джефф, – то, возможно, Кон на нашей стороне.

– Возможно. Но сначала мы должны встретиться с ним. Нельзя засорять ментальный эфир разговорами, когда все Строители – телепаты.

В Ном-Сити не было никакого общественного транспорта. Если вы хотели пойти куда-нибудь, то шли туда пешком. Но так как город строился вокруг Спортплощадки, то редко возникала необходимость идти куда-либо далеко.

– Жаль, что мы не за городом, – сказал Джефф. – Я понимаю, что в этом мире мы будем в опасности где угодно, но все равно, самая большая опасность должна быть в городе.

– Похоже, ваше желание исполняется, – отозвалась Дженис, – потому что Кон как раз входит в подземку, ведущую на ночную сторону.

Они поспешили к большой станции подземки, где разделились, зная, что их уже ищут. Они не поддерживали друг с другом связь, а просто самостоятельно следовали за Коном. Дженис, доверяя своей маскировке, открыто села в электропоезд, следующий на ночную сторону. Она ничего не знала о Джеффе, пока тот не присоединился к ней в ста милях от Ном-Сити.

– Кажется, я вошел в поезд незамеченным, – сказал он. – Я просто стоял посреди толпы, и меня буквально внесли в поезд. Думаю, здесь много человек, которые едут недалеко. Внутри поезд представ-

лял собой ряд крошечных купе с длинными скамьями. Здесь не было нужды ни в каких удобствах, поскольку самый долгий маршрут занимал лишь пятнадцать минут.

– Кон на два поезда впереди, – сказала Дженис. – Это значит, что в Спурл он прибудет на двадцать минут раньше нас.

– На этот раз вы не правы, – усмехнулся Джефф. – Он передумал, как только уловил ваши мысли, и сейчас направляется в Карла.

– Ну, ладно. Я не утверждала, что никогда не ошибаюсь. Но это выглядит многообещающе. Похоже, что он просто бежит без всякой цели. Нам остается только следить за ним.

– Как вы думаете, – спросил Джефф, – мы можем рискнуть попытаться определить, есть ли еще в этом поезде какие-либо Строители?

Дженис задумалась.

– Мне кажется, рискнуть стоит, – сказала она, наконец. – Мы замели следы, покидая Ном-Сити, так что можем считать себя в относительной безопасности.

Они одновременно выбросили поисковые мыслелучи. Джефф взял на себя переднюю половину поезда, а Дженис – заднюю. Джефф ничего не нашел, да и Дженис притихла.

– Все в порядке? – спросил Джефф.

– Нет. Здесь двое мужчин осматривают все купе подряд, и они уже недалеко от нас.

– Что, если мы захватим их и поглядим, что им известно?

– Это не очень, чтобы очень. Кажется, они стоят в организации Строителей на более низком уровне, чем Офру. По крайней мере, я прикоснулась к их разумам и осталась незамеченной. Так что не похоже, что с ними будут проблемы. К тому же, они не знают обо мне. Они ищут вас.

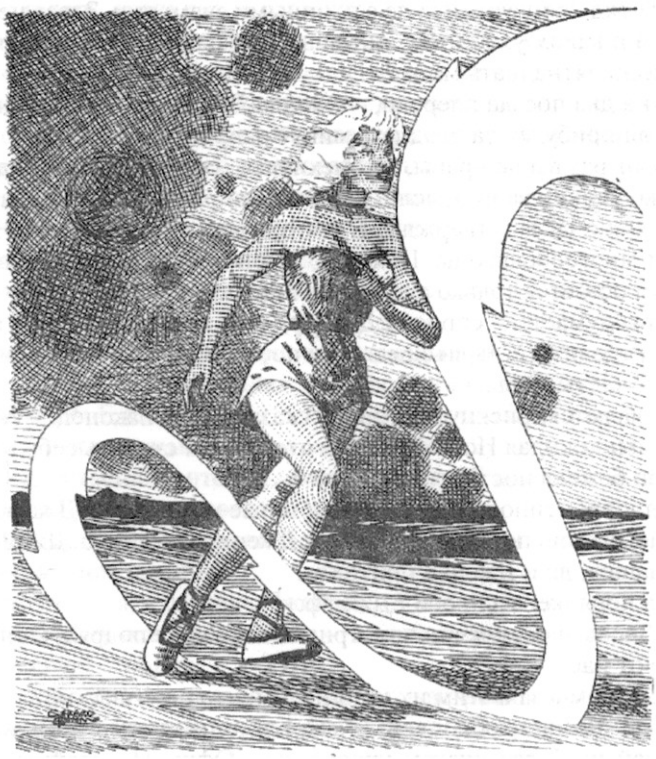
Джефф огляделся.

– Тогда нужно вот что сделать, – сказал он. – Я просто выйду наружу.

Между поездом и стеной туннеля было не более двух футов зазора. Джефф открыл дверь и выскользнул на подножку. Дженис содрогнулась, подумав о скорости воздуха, со свистом несущегося мимо обтекаемых вагонов. Но у нее оставалось времени лишь закрыть дверь и сесть на скамейку, когда двое заглянули в купе и пошли дальше.

Не успели они отойти и на один ярд, как в купе вошли мужчина и женщина и заняли пустые места. Дженис выругалась про себя. Если Джефф быстренько не вернется, то не сможет вернуться вообще. Она стала искать способ быстренько избавиться от мужчины и девушки, а затем бросила взгляд на их одежду.

Она мысленно передала Джеффу, что можно входить. А затем в купе внезапно возникло пять Дженис. И прежде, чем номанцы



успели издать хоть звук, их обоих ударили за ухом и бережно уложили на скамейки.

Джефф, задыхаясь, вошел в купе и уставился на них.

– Узнаю добрую старую Нойю! – воскликнул он. – Может, мне еще разок им врезать, прежде чем они сообразят, что их поразили тени?

– Они будут еще долго без сознания, – покачала головой Дженис. – Они же никогда не сталкивались с таким прежде.

– Как же это работает, если они – не телепаты?

– Как вы знаете, мы воздействуем напрямую на центры восприятия, не касаясь сознания. Но это нужно делать быстро, пока они не заметили разницы между изображениями и мной настоящей.

Джефф надел черные шорты номанца и его венок. Дженис тем временем позаимствовала блузку, юбку и венок девушки. Светло-коричневая одежда была прозрачной. Под юбкой Дженис оставила свои шорты с поясом для денег. Это был типичный костюм номанки.

– Очень удобная одежда, – сказала она. – Ни у кого не возникнут вопросы, и, одновременно, она достаточно непрозрачна, чтобы

скрыть синяки и ссадины. Венок, правда, заполнен не больше моего, но, по крайней мере, он настоящий.

Они одели номанцев в свою прежнюю одежду и затащили их под скамейки.

– По-хорошему, следовало бы убить их, – заметил Джефф. – Но я не способен на это.

– Нет нужды, – возразила Дженис. – Я знаю образ мыслей номанцев. Они не пойдут в полицию. Они станут искать меня, чтобы получить удовлетворение, и посчитают это делом чести.

XV

Им пришлось ехать дальше, потому что Кон не вышел в Карла, первой станции на маршруте, а отправился дальше в Ритон, в безнадежном усилии замести следы. Джефф и Дженис просто поймали обрывки его мыслей, и сэкономили на этом минут десять.

Поездка в Ритон, находившийся также на ночной стороне, заняла всего семь минут. Они вышли и почти бегом покинули вокзал.

– У бедняги нет никаких шансов, – заметил Джефф. – В его бегстве и так-то нет никакого смысла, но если он направится кружным путем, то мы, естественно, нагоним его еще в городе.

– Не думаю, что он хорошо знает систему подземок, – кивнула Дженис. – И я согласна, что у него нет шансов.

Ритон был небольшим городком, похожим больше на Луна-парк. На ночной стороне планеты не проводилось никаких Спортивных Состязаний, и здешние города, никогда не видевшие день, являлись просто центрами развлечений. Ритон предлагал танцульки, театры, кино, кабаре и все прочее, что на обеспеченной Земле предлагала ночная жизнь любого крупного города. Джефф и Дженис шли быстро по улицам, освещенным искусственным светом, в городе, построенном для удовольствий.

Но Кон избрал самый быстрый путь из города. На светлой стороне Нома было мало свободного места, а вот на темной, напротив, в избытке. Жизнь здесь была сконцентрирована лишь в городах, а вокруг лежали обширные пустые пространства.

Никто не поглядел вслед Джеффу и Дженис. В искусственном свете они походили на любую молодую парочку номанцев, ищущих удовольствий.

Вскоре они вышли из города и почти сразу же оказались в пустыне, какую, если судить по Ном-Сити, никак нельзя было ожидать и обнаружить на той же самой планете. Сюда никто не ездил. Парочки в поисках одиночества могли бы чуть отъехать от города, но

Кон был уже в пяти милях от него, и между ним и его преследователями оставалось еще около мили.

– Он что-то скрывает, – внезапно воскликнула Дженис. – Не могу получить ясную картинку. Он делает что-то привычное, так что не задумывается о своих действиях. Он собирается спрятаться?

Пройдя еще милю, они озадаченно замедлили шаг, зная, что Кон где-то совсем неподалеку, но не видели никакого укрытия. У Нома не было луны, но толстая атмосфера была всегда ясной, так что звезды на темной стороне хоть тускло, но все же светили.

– Он где-то под землей, – сказал Джефф. – Но я ничего тут не вижу, кроме черного мха.

Они стали обыскивать землю, шаря руками по сырому мху, но ничего не находили. Обрывки мыслей Кона, тем не менее, подтверждали, что он где-то под их ногами, но они не могли понять, как он туда попал. Судя по мыслям, Кон знал, что он в безопасности, если только не выдаст тайну своего убежища.

– Это какое-то хранилище, – пробормотал Джефф. – Должно быть, своего рода штаб или склад Строителей. Кон, вероятно, нам больше не нужен, если мы только сумеем проникнуть внутрь. Там мы наверняка найдем все, что хотим узнать.

– Мы проникнем внутрь, – мрачно сказала Дженис.

– Как? При помощи нояйнской телепортации?

– Она здесь не сработает. Кон держит знания о внутренностях хранилища в тайне от нас. Если бы я попыталась заставить его думать, что стою рядом с ним, то не сумела бы его обмануть ни на мгновение. Нет, мы должны работать над ним отсюда.

– Вы – главный телепат, вам и решать, – пожал плечами Джефф. – Могу я что-нибудь сделать?

– Да. Держите меня, чтобы я не упала. Мне нужно расслабиться.

– Тогда разве не лучше лечь?

– Прикосновения слизистого мха помешают мне сконцентрироваться, даже несмотря на ваш плащ.

– Тогда я возьму вас на руки, и можете забыть обо всем, кроме Кона.

Он поднял ее и перехватил поудобнее. Дженис замерла, рот ее раскрылся и даже дыхание почти что остановилось.

Джефф не вмешивался, но знал, что происходит. Дженис поймала разум Кона и держала его, постепенно обволакивая его своей волей, точно коконом. У Джеффа возникло посещающее любого наблюдателя чувство, будто он сам может сделать лучше то, что делает другой человек. Но Джефф знал, что этот не так, что Дженис справится с этим гораздо лучше него самого.

Наконец, Кон, вместо того, чтобы подчиниться этим двум существам, о которых он ничего не знал, попытался обратиться за помо-

щью к Строителям, жаждущим убить его. Но было слишком поздно. Дженис легко блокировала его мыслесвязь. Если бы какой-нибудь телепат где угодно на Номе попытался выйти на связь с Коном, он бы лишь сделал вывод, что Кон мертв.

Лобовое нападение закончилось неудачей, но Дженис применила окружение. Сначала она заключила ум Кона в кокон, а затем начала разъедать его. При этом она узнавала много совершенно бесполезного, но чем больше она брала от Кона, тем меньше он мог ей сопротивляться.

Но с благородной храбростью он до последнего не отдавал, что было ей нужно – тайну хранилища. Он был лишь крошечным винтиком в большом механизме. Очевидно, Строители решили убить его просто потому, что посчитали, что он знает чуть больше, чем следовало. Они отказались от него, но он не отказывался от них. И еще Дженис узнала, что любые ее действия, направленные против Строителей, лишали законной силы всю ее деятельность.

И тут Джефф понял, что в их поединке появился еще один фактор. Дженис пыталась заставить Кона открыть хранилище, а Кон пытался сделать что-то еще. Дженис мешало незнание цели Кона. А когда она поняла, что Кон пытается вызвать Строителей по рации, потому что не может использовать телепатию, то было уже слишком поздно. Ему удалось передать лишь кусочек сообщения, но и его должно хватить.

На это ушли последние силы Кона, больше он не мог сопротивляться. Джефф опасался вмешиваться в любом случае, потому что видел, что Кон был вынужден открыть хранилище сам. Дженис хватило бы просто информации, но она настолько завладела сознанием Кона, что превратила его в робота, тупо повинующегося ее командам.

Участок почвы бесшумно поднялся, и из открывшегося входа брызнул пучок света. Они увидели, как Кон, стоявший за потайной дверью, внезапно упал. Он сломался, точно рычаг, которым передвигали слишком тяжелый груз. Когда Джефф с Дженис на руках подошел к нему, Кон был уже мертв.

Но Дженис теперь знала тайну хранилища. Джефф опустил ее на землю, они вошли, и Дженис закрыла за ними вход. Оглядевшись, Джефф невольно присвистнул. Это была громадная, скрытая под землей библиотека. Только на полках стояли не книги, а папки. Джефф снял одну, затем остановился и повернулся к Дженис.

Дженис была немного бледна, отчего было отчетливо видно краску на ее лице. Она вопросительно взглянула на Джеффа.

– Дженис, уходите отсюда, – сказал Джефф. – Если поймают нас обоих, это не принесет пользы Земле и УСП. Там должны узнать обо всем, что происходит здесь.

– Да, но почему идти должна я?

– Потому что у вас это лучше получится. А кроме того, если Строители поймают меня, то они еще дважды подумают, стоит ли меня убивать. А насчет вас они колебаться не станут, и вы знаете это.

Дженис кивнула.

– Не хочу я это делать, но вы правы. Я ухожу, а вы будете мысленно посылать мне все, что узнаете, верно?

– Верно, верно. Не тратьте время впустую. Только не говорите мне, куда направляетесь, и не пытайтесь сообщить, где находитесь, пока мы будет в контакте. Ладно?

Они даже не стали обмениваться рукопожатием. Дженис открыла хранилище и через несколько секунд растворилась в темноте.

Джефф открыл первую папку и начал просматривать ее. И тут же нахмурился, увидев, что в ней находятся отчеты. Пятьсот отчетов в папке. Больше сотни папок на полке. Десять полок от пола до потолка. Сотни таких секций, простирающихся вглубь хранилища.

Джефф никогда не любил подвергаться опасности, если можно ее избежать, и надеялся, что за несколько минут узнает, что хочет, и покинет хранилище задолго до того, как сюда прибудут вызванные Коном Строители. Но пока что он лишь увидел отчеты о жизни номанцев, и понял, что ему понадобиться много времени, чтобы отыскать, ради чего вообще создаются эти отчеты.

Он вздохнул и принялся за работу. Все шло к тому, что это будет нелегкое дело.

В чистой атмосфере Нома огни Ритона были видны за много миль и казались обманчиво близки, если идти к ним в темноте. Уже не раз Дженис казалось, что она вот-вот придет, но перед ней был еще долгий путь.

Ей пришлось пойти в Ритон, хотя там у нее могли образоваться проблемы. Но следующий город был в двадцати пяти милях от хранилища, и если бы она пошла к нему, у Строителей было бы достаточно времени, чтобы организовать облаву. Единственной же ее надеждой было добраться до Ритона прежде, чем Строители начнут действовать.

И еще у Дженис было преимущество в том, что она знала, как опознать Строителей. Это оказалось легко, когда она узнала их тайну. Когда они с Джеффом не обнаружили на планете телепатов, это было отчасти потому, что они искали не самих телепатов, а телепатическую активность, а таковой здесь не велось. Но если настроиться на правильный поиск, то Строителей оказалось удивительно легко опознавать.

Они направлялись к хранилищу сотнями, если не тысячами, но Дженис уже достигла улиц Ритона, когда первые из них приехали в город. Она заставила себя идти к вокзалу небрежным, прогулочным

шагом, нашла ближайший игорный салон с большими зеркальными окнами и внимательно оглядела себя. Все оказалось так, как Дженис и представляла. Она походила на номанку больше самих номанок. Она тщательно собрала с сандалий и ног кусочки черного мха, затем похлопала себя по щекам, чтобы они порозовели, и слегка взъерошила волосы, затем пошла дальше.

Никто на вокзале не стал к ней присматриваться. В качестве Армины она была средней степени симпатичности, а маскировка распространялась даже на ее осанку – та была похуже, чем естественное изящество Дженис. Отъезжающие были уже под контролем, но наблюдатели

искали Джеффа Кронера и Дженис Хиллер, а не обычную номанскую девушку, которая села на поезд, направляющийся в Эксрон.

Когда поезд бесшумно тронулся с места, Дженис получила первое сообщение от Джеффа.

– Пока все спокойно, – передал он.

Она слышала его голос так отчетливо, словно Джефф сидел рядом с ней. Он не передавал ей мысли напрямую, а воздействовал на центры восприятия, потому что не хотел даже случайно прочесть ее мысли и узнать, куда она направляется. Она поняла это и закрыла весь разум, кроме той его части, связанной со слухом.

– Вроде бы я начинаю разбираться, – продолжал Джефф. – Все это план, хорошо продуманный и далеко идущий. Здесь собраны сведения не только о каждом ныне живущем номанце, но и обо всех, кто жил здесь последние пятьсот лет. И чем свежее записи, тем раньше подводится в них итог. В одном нет сомнения. Состязания используются, чтобы уничтожать отдельных людей и целые группы, если это диктует план. И еще я обнаружил, что мы далеко не первые, кто пытался вести расследование насчет Спортивных Состязаний. Большинство тех, кто был до нас. Это сами номанцы, но были и представители других рас. Из записей следует, что Строители готовы на все, чтобы держать свой план в секрете. Например, они уничтожили целую расу в соседней системе, которая проявляла слишком много интереса к Ному и его Спортивным Состязаниям. Это предупреждение, Дженис. Эти знания опасны, и они приложат все усилия, чтобы не выпустить вас с планеты живой. Возможно, они убили уже немало девушек, надеясь, что среди них окажетесь вы. В папках описаны подобные методы. Если кто-нибудь выстрелит вам в спину, это еще не означает, что вас раскрыли. Это будет всего лишь значить, что вы похожи на Дженис Хиллер, а потому подлежите уничтожению. Понятно? Берегите себя. Если есть путь быстрый и путь безопасный, выбирайте всегда безопасный.

Джефф замолчал, и Дженис поняла, что он не заговорит снова, пока не раскопает что-нибудь новенькое.

В некоторых мирах маскироваться легко, но что она может сделать на Номе? Что бы она здесь ни сделала, все равно она будет блондинкой высотой пять футов восемь дюймов, и с параметрами фигуры 37-24-38, с голубыми глазами, телепатом, с полузалеченной раной на боку и многочисленными синяками. Ей двадцать восемь лет, и она не может сделать себя моложе или старше. Если покрасить волосы, то через день они уже снова будут светлыми у корней. Она уже замаскировалась, как могла, без искусственных приспособлений. Но понимала, что этого мало.

XVI

Дженис доехала до Эксрона, но там тоже была проверка. Эксрон – небольшой городок в зоне сумерек, который посещали, в основном, художники из разных миров, пытающихся отобразить фантастическую красоту вечной встречи дня и ночи. Города Дженис не увидела, поскольку пересела на поезд в Ном-Сити, не покидая вокзала.

Она избегала бы Ном-Сити, если бы могла, но такой возможности просто не было. В столице был единственный на планете космодром. Больше им и не было нужно, поскольку Ном не занимался торговлей. Люди прилетали и улетали миллионами, но товары ввозились или покидали планету очень тонкой струйкой.

В Ном-Сити она сразу же попала в опасное положение, заметив, что за ней наблюдает какой-то человек. Дженис не нужно было читать его мысли, чтобы понять, что это Строитель, и что он заметил некоторое ее сходство с женщиной, которую ищет. Тогда она сама подошла к нему.

– Простите, – сказала она, – вы можете мне подсказать, где тут ближайший Спортмастер?

Ее чисто номанский выговор сделал свое дело. У этого человека мог быть приказ стрелять в любую девушку, похожую на Дженис Хиллер. Но он явно уже встречал землянок и понял, что это девушка не может быть ею, поскольку ни одна землянка не может говорить на номанском без акцента. Она видела, как рассеялись его подозрения, и он вежливо объяснил, где можно найти Спортмастера – того самого, отметила Дженис, который обручил их с Джеффом много столетий назад... или с тех пор прошло всего лишь два дня?

Было ранее утро. Последний раз в Ном-Сити она была в конце дня. Дженис с трудом поняла, как мало на самом деле прошло с тех пор времени. Все ее поездки на поезде заняли чуть больше часа. Но она прошла пешком десять миль, выдержала долгое телепатическое сражение и находилась теперь в смертельной опасности...

Ном-Сити еще спал. Было тепло и солнечно, как и всегда, но улицы были пустынны. Думая о том, что безопаснее находиться в толпе, Дженис вошла в спортивный зал возле вокзала, приняла горячую ванну, проспала несколько часов в отдельном номере, потом совершила спортивную разминку, завершив ее холодным душем. По утрам здесь не было опасности встретиться с кем-нибудь. Конечно, здесь были и другие посетители, но их было слишком мало, и спортзал казался пустым. Когда она вышла на улицу, то чувствовала себя, как новенькая.

От Джеффа все еще не было ни слова. Дженис была озадачена. Строителям хватило бы времени, чтобы добраться до хранилища. И она уже начала беспокоиться, когда голос Джеффа снова раздался в ее ушах.

– Это место – настоящая крепость, – бодро сказал он. – Держу пари, Строители и не думали, что кто-то запрется здесь от них. Они много часов просидели в засаде, ожидая, пока я выйду, но теперь уже должны понять, что я знаю об их присутствии. Дженис, я разобрался в записях и, – можешь мне поверить, – это самый адский и одновременно самый красивый план завоевания, с каким я когда-либо сталкивался! Да, именно завоевания! В конечном итоге, все началось пятьсот лет назад. У номанцев к тому времени уже давно были Спортивные Состязания. У них тогда еще не было космических полетов, поэтому им были необходимы войны или Состязания. Или то, или другое. Но затем появились Строители и незаметно изменили Состязания – так незаметно, что в исторических хрониках Нома не было ни малейших упоминаний об этом. План был готов у них с самого начала. Короче, они намереваются создать расу, которая завоюет Галактику. Все это выглядит достаточно эксцентричной идеей, но Строители подошли к этому с научной точки зрения и были очень, очень терпеливы. Они понимали, что на это уйдут сотни, возможно, даже тысячи лет. Не знаю, знакомы ли Строители с теорией эволюции Дарвина, но действуют они точно по ней. Спортивные Состязания – это замена естественного отбора, только отбор тут не естественный, а проходящий по схемам самих Строителей. Они собираются создать расу, которая, возникнув в условиях постоянной опасности, будет твердой, безжалостной и не совершающей ошибок. Впереди у них еще долгий путь и, черт побери, я не вижу способа остановить их! Я уже говорил, что Строители устроили Состязания так, чтобы любой, кого они захотят убить, погибал. Мы так и предполагали. Но мы не предполагали, что первыми в списках на уничтожение стоят все те, кто не вписывается в концепцию Строителей о расе господ. На самом деле ежемесячно на Номе погибает не пять миллионов человек, а около сорока. Но кто может знать без доступа к официальным документам, какова на Номе рождаемость? Так вот, в месяц здесь рождается примерно сорок миллионов человек. Значит, Строители могут позволить себе устранять сорок миллионов ежемесячно. И с каждым поколением близится появление новой прекрасной расы – с их точки зрения. Но не делай ошибочных выводов, Дженис, это работает. Из записей видно, что раса постепенно изменяется. Пятьсот лет назад у номанцев были плохо развиты боевые качества и сопутствующие им таланты. А теперь они гораздо выше наших, и мне кажется, мы можем столкнуться с тем, что во время войны с Номом эти их личные качества наряду с фактом, что они могут позволить себе терять ежемесячно сорок миллионов мужчин и женщин, склонят чашу весов в их пользу. И помните, у них все еще только начинается!

Наступила пауза, затем Джефф продолжал:

– Теперь я заканчиваю. Передайте то, что я вам рассказал, УСП

и оставьте все на их усмотрение. Меня не касается, что они будут с этим делать. Меня там не будет. Если я узнаю еще что-нибудь, то свяжусь с вами снова. Мне жаль, что я не подсказал вам какой-нибудь способ бороться с этим, но я такого не знаю. До свидания, Дженис... Да, еще одно. Я не советовал бы УСП использовать то, что, наверное, произойдет со мной, как повод начать войну. Боюсь, Земля может обнаружить, что Ном уже слишком силен для нее.

Джефф замолчал, и Дженис пришлось приложить дикое усилие, чтобы сдержать слезы. Причиной слез были не ее чувства к Джеффу, а безнадежность положения Джеффа с самого начала. Они были вдвоем против целого мира. Может, ей самой удастся уйти, а может, и нет, но кто-то должен был остаться в хранилище, попытаться узнать то, за чем они охотились и, кто бы там ни остался, у него не было ни малейшей надежды. Дженис знала это с самого начала.

Она вынудила себя оставаться холодной, зная, что рациональная мысль часто находит лазейку там, где пасуют эмоции. Она тоже не видела способ разрушить план Строителей. Но ей показалось, что она засекла что-то, что Джефф, кажется, пропустил.

Ей было отчаянно жаль, что она не могла установить мыслесвязь и направить дальнейшие поиски Джеффа. Это было бы слишком опасно. Она могла лишь надеяться, что он продолжит эти поиски, а Строители не сумеют ему помешать.

Она смотрела, как садится космический корабль. Сюда прилетали по три корабля ежедневно, привозя тысячи любителей острых развлечений из дюжины разных систем. Дженис видела, что это корабль под названием «Филиппа», и он подходил как нельзя лучше.

Она не видела иной способ попасть на его борт, кроме как применив способности, которые позволили ей победить Офру. Если бы все возле корабля увидели, как Дженис Хиллер бежит к нему, то это так отвлечет внимание всех Строителей, что у Армины будут хорошие шансы пробраться на борт.

Это была хорошая идея, и она почти наверняка бы сработала. Единственный ее недостаток, который видела Дженис, состоял в том, что это невозможно.

Она могла бы заставить увидеть это трех человек, от силы четырех-пяти. Но этого было недостаточно. Из своего укрытия Дженис видела, по меньшей мере, дюжину номанцев, которые тщательно осматривали любого, направляющегося в сторону корабля из Ном-Сити. На выходящих пассажиров, практически, не обращали внимания. Бесполезно было отвлекать внимание четырех Строителей, если восемь других начнут стрелять в любую девушку ее роста, идущую к кораблю.

И внезапно Дженис увидела выход. Она тщательно измерила взглядом расстояние и с холодным сожалением поняла, что несколько

невинных человек могут умереть, чтобы она могла добраться до космического корабля. Усилием воли она заставила себя не думать об этом. По кодексу УСП требовалось спасать как можно больше людей, и сейчас было не время для пересмотра этих этических ценностей. Или несколько человек умрут сейчас, или миллиарды – в ближайшем будущем. Таков был выбор.

Она тщательно выбрала несколько ближайших Строителей, понимая, что, если кого-то пропустит, то это будут последние секунды ее жизни.

При помощи Джефа она сможет накрыть всю дюжину. Он далеко и находится в опасности, не меньшей, чем она, но она без колебаний послала ему просьбу о помощи.

– Джефф! Да, я знаю, что это опасно, но сейчас это уже не имеет значение. Мне нужна ваша помощь!

Она показала ему сцену во всех подробностях, потому что он должен был точно знать, что делает, а затем в едином импульсе послала ему знания, что нужно делать, и велела: «Пора!»

Дженис, поразительно красивая в ярком алом платье, которое было на ней прежде, чем она скрылась от наблюдения Строителей, ворвалась на открытое поле, тянущееся от отеля Космопорта до самого корабля. Тут же взметнулась дюжина пистолетов, засверкали смертоносные лучи. Начали падать выходившие пассажиры, послышались крики боли и ужаса, резко обрывающиеся, когда лучи довершали свое кровавое дело. Это походило на бессмысленную бойню, потому что бегущую фигурку не видел никто, кроме Строителей. Но при помощи Джеффа Дженис сумела обмануть чувства всех двенадцати номанцев.

Фигурка в красном платье продолжала бежать, целая и невредимая. Лучи проходили сквозь нее, не причиняя вреда. Когда она добралась до корабля и исчезла внутри, то Строители, ошеломленные, перестали стрелять и только тогда заметили еще одну фигуру в прозрачном коричневом платье, которая уже добралась до корабля. Они вновь открыли стрельбу, уже понимая, что опоздали. Еще несколько пассажиров упали на землю, превращенные в пепел, но корпус «Филиппы» принял на себя остальные лучи.

Дженис влетела прямо в рубку управления, зная, что капитан находится там. По его серому лицу было ясно, что он видел эту бойню.

– Вы видите, что все очень серьезно!.. – задыхаясь, крикнула Дженис. – Немедленно начинайте взлет! Немедленно!

Капитан и другие офицеры, казалось, не могли шевельнуться, завороженные ужасным зрелищем снаружи. Дженис подскочила к пульту управления. Она ничего не знала об управлении космическим

кораблем, но то, что нужно, тут же почерпнула из памяти капитана. Когда она протянула руки к пульту, капитан пришел в себя.

– УСП? – кратко спросил он.

– Да, – бросила Дженис. – Кодовое слово в этом месяце – Иезавель. Так мы стартуем?

– Но пассажиры… Снаружи же люди…

– Если мы останемся, то умрем вместе с ними. Охота идет не за пассажирами, а за мной. Не тратьте напрасно время, когда уже ясно, что вы должны сделать!

XVII

Капитан любого космического корабля должен уметь принимать мгновенные решения. Этот капитан ясно понял одно: если он не стартует с Нома немедленно, то у него вообще больше не будет такой возможности. Он стал быстро отдавать приказы. То, что его решение было верным, тут же получило подтверждение. Когда корабль уже взлетал, по нему ударил тяжелый луч, но промахнулся, а в следующую секунду филиппинец уже покинул сектор обстрела.

– Что же это – восстание? – спросил капитан.

– Жаль, но это не так. Восстание решило бы для Земли все проблемы. Но погодите. Мне нужно еще кое-что сделать.

Она снова установила мыслесвязь с Джеффом.

– Со мной все в порядке, – сказала она. – У номанцев нет кораблей, по крайней мере, таких, о которых стоило бы волноваться. А как дела у вас?

– Снаружи, кажется, собралась уже целая армия. По-моему, вместо того, чтобы рисковать разрушить хранилище, они просто хотят уморить меня голодом.

– Отлично! Послушайте, Джефф, нужно найти то, что, возможно, вы пропустили. Номанцы – не телепаты, а все Строители – телепаты. Так и было предназначено. Это было частью их плана. Возможно, они специально вывели племя телепатов, как выводят племя воинов. Но это должно преследовать какую-то цель. Вы можете найти в хранилище что-нибудь об этом? Мне кажется, Строители должны быть лидерами, созданными, чтобы отдавать команды, а поскольку все они телепаты, то похоже, что они должны отдавать телепатические команды. Я…

– Я все понял! – воскликнул Джефф. – Вы хотите сказать, что должны существовать какие-то кодовые слова, которые Строители могут использовать в качестве команд. Или какие-то методы, какие мы только начали нащупывать, с помощью которых они могут

управлять человеческими массами. Вероятно, вы правы. Но об этом здесь ничего нет.

Дженис снова повернулась к капитану.

– Если вы пошаритесь в своем сейфе, – сказала она, – то найдете распоряжение УСП, требующее, чтобы, в случае необходимости, вы подчинялись его сотрудникам.

– Я знаю, – поспешно сказал капитан.

К этому моменту возле него собрались все его офицеры, некоторые с посеревшими лицами, потрясенные тем, что только что видели внизу. А другие, как с немалым удивлением заметила Дженис, даже при таких обстоятельствах бросали на нее похотливые взгляды. Она убрала с лица маскировку Армины, потому что необходимость в ней отпала.

– Там также указана, – продолжала Дженис, – степень власти, которуюмогут проявлять сотрудники разных рангов в подобных чрезвычайных ситуациях.

– Да, – по-прежнему нетерпеливо кивнул капитан. – Скажите номер… Ваш личный номер.

Дженис произнесла его. Все ждали, пока капитан сходит в свою каюту. Когда он вернулся, лицо его было ошеломленным.

– Полное подчинение, – пробормотал он. – Вы вправе распоряжаться кораблем, как захотите.

– Верно. Мне было нужно, чтобы это стало всем ясно. А теперь летим на темную сторону Нома. Кто из вас знает эту планету? Я хочу приземлиться в пяти милях к юго-западу от города Ритон.

– Вы оставили свой разум открытым, – приняла она мысль Джеффа. – Я все слышал. Это безумие.

– Я специально оставила разум открытым, – парировала Дженис. – Но я вовсе не сумасшедшая. Если вы думаете, что мы летим только для того, чтобы вытащить вас из той дыры, то вы ошибаетесь.

– За чем же еще?

– Нам нужны эти кодовые слова, или что там у них есть. Вы окружены Строителями. Но давайте работать. Для этого нам не обязательно там находиться. – Дженис оглянулась на офицеров в рубке управления корабля. – Есть среди вас телепаты? – спросила она.

Четверо вышли вперед.

– А среди остальной команды есть телепаты? Пошлите их сюда. Мне нужны все телепаты на корабле.

Через три минуты, когда «Филиппа» уже была нал теневой стороне Нома, возле Дженис стояли семь мужчин и три женщины, утверждавшие, что они телепаты.

– Вы можете считать, что хорошо разбираетесь в телепатии, – жестко сказала им она, – но поверьте мне, сейчас вы узнаете кое-что

новенькое. Не существует науки, занимающейся телепатией, есть только люди, пытающиеся ее изучать. Нас тут двенадцать…

– Одиннадцать, – заметил кто-то.

– Одиннадцать здесь и еще один в хранилище возле Ритона. Кто-нибудь из вас может знать его. Это Джефф Кронер.

– Джефф! – воскликнул лейтенант. – И он находится в каком-то хранилище?

– Да, и, вероятно, останется там навсегда, если мы не поможем. Но цель наша не в том, чтобы спасти одного человека. Я бы сказала, что вы должны спасти Землю, если бы вы не читали триллеры и не считали подобные высказывания выдумками авторов. Помните только, что это очень важно. Я не стану долго объяснять, что нам предстоит сделать, потому что действовать нужно быстро.

И они нанесли ментальный удар вниз, по собравшимся вокруг хранилища Строителям. Кончилось время для пряток и предосторожностей. Если бы Строители оказались лучшими телепатами, чем ее группа, это плохо бы кончилось для Земли. Но Дженис решила, что, опираясь на силы десяти телепатов, она и Джефф будут гораздо сильнее их.

Дженис нашла лидера Строителей и, не прикасаясь к его разуму, вернулась в рубку.

– Откройте свой разум, – сказала она, обращаясь к своей группе, – и, что бы я ни делала, просто помогайте мне. Это все, что мне нужно. Только сперва сядьте, потому что вам потребуется предельная концентрация.

Она села в свободное кресло в рубке и расслабилась. Потом она связалась с Джеффом и создала поток силы. Джефф, находившийся в сотнях миль внизу, являлся ее основой. Дженис усмехнулась, увидев, как застыли члены ее группы, которые наверняка считали себя крутыми телепатами, когда Джефф взял контроль над их разумами.

Она с Джеффом мгновенно распределила их функции. Джефф станет держать группу вместе и связывать ее с Дженис. А Дженис – направлять силу. И все это лишь для того, чтобы взломать одно сознание.

Было бы спортивно отправить сперва предупреждение противнику, но Дженис, находясь при исполнении, редко действовала по-спортивному. Она нанесла внезапный удар по лидеру Строителей, а когда остальные Строители поняли, что происходит, и попытались помочь своему вожаку, их попросту заблокировали.

Один телепатический разум всегда считается лучшим. Если объединяются два разума, то они оказываются ощутимо слабее, чем по одиночке. То есть сумма силы двух разумов меньше, чем их составляющие. Принцип «сила – в единстве» не работает, когда его пытаются применить к телепатии.

Но, несмотря на все это, двенадцать объединенных умов все же неизмеримо сильнее единственного. Поэтому группа, образованная Дженис, была слишком сильна для одного номанца. Это было значительно важнее, чем борьба, которую Дженис несколько часов назад вела с Коном, и – оказалась в десять раз легче.

Какое разочарование, подумала она. Большие дела частенько кончаются разочарованием. Уже через несколько секунд после того, как Дженис взломала разум лидера, она добралась до последней тайны Строителей.

Номанцев создавали, чтобы они подчинялись командам, телепатическим командам, а сами не могли использовать телепатию. Дже-

нис не знала и даже не предполагала, что так же, как она вошла в разум одной номанки, чтобы украсть ее знания о Номе, она может войти в разум любого номанца, любой группы номанцев и даже всех номанцев одновременно, если будет знать, как. Существовала система группировки сигналов, чтобы телепатические импульсы можно было поделить среди любого числа номанцев, так называемых нетелепатов.

Без этого ключа их сознания были заперты. Но теперь у Дженис был ключ.

И она не стала пытаться уничтожить эту систему. Вместо этого она использовала ее. Она вставила ключ и повернула его – но не в разуме лидера Строителей, а в сознании всех номанцев в мире.

Дженис не пользовалась словами. Но если перевести ее передачу в слова, то получится примерно так:

– Люди Нома! Вас обманывали в течение многих столетий. Вы рисковали жизнью на Спортивных Состязаниях, считая их опасными, но честными. Однако, они не были честными! Они были всего лишь средством исполнения воли Строителей. Вы никогда не слышали о Строителях? Это телепаты, живущие среди вас, и я научу вас сейчас, как распознавать телепатов. Когда ваш брат, ваша дочь или муж погибают на Спортивных Состязаниях, вы думаете, что они допустили какую-то ошибку. Может, иногда и случаются ошибки, но чаще их просто казнят, потому что они по каким-то причинам не подходят Строителям. И если на Состязаниях погибнете вы, то это произойдет не потому, что вы ошиблись, выполняя Спуск, или Мишень, Прогулку или Драйв. Это произойдет потому, что вы не вписываетесь в планы завоевания, придуманные Строителями. Представьте себе это! Вы начинаете Спуск, но один из ваших репульсоров станет работать слишком сильно или, напротив, слишком слабо, вы упадете и сломаете шею. Во время Прогулки внезапно прекратится ветер, буквально на несколько секунд, но этого будет достаточно, чтобы вы упали со стены. В Лабиринте, который вы проходили не раз, вдруг вообще не окажется выхода. Вы понимаете, люди Нома? Вам говорят, что ежемесячно погибает пять миллионов человек. Вы знаете, что плотность населенности Нома – сотни человек на квадратную милю, что существует миллион Спортплощадок, так что пять миллионов человек ежемесячно вполне могут ошибаться на Состязаниях. Но это число далеко от истины. Вас и тут обманывают. Погибают сорок миллионов. Сорок миллионов ежемесячно! А сколько времени пройдет, прежде чем вы окажетесь среди них – не потому, что допустили ошибку, а просто по воле Строителей? И само название Состязаний неправильное, номанцы! Это не Спортивные Состязания! Это – Убийство!

Это была страстная речь, и она измотала Дженис до последней степени. Кроме того, она неизбежно получила в ответ на свое сообщение гневную обратную реакцию. Так что она не смогла выполнить свое обещание показать номанцам, как выявлять телепатов, и за нее это проделал Джефф. Он показал людям всей этой планеты, которые всегда думали, что у них нет телепатических способностей, как посылать мысли за пределы своей головы, потому что человеческий разум не заключен в тюрьму собственного черепа, а может свободно выходить на волю. Разумеется, телепатические способности можно скрывать. Джефф и Дженис, например, будут на Номе в полной безопасности. Но и Офру, и Кон и сам лидер Строителей не умели это делать. Можно было безошибочно ставить на то, что никто из Строителей этого не мог. Зачем им было нужно это умение на планете, население которой было уверено, что оно лишено телепатических способностей? А сейчас у них уже не было времени научиться.

«Филиппа» села на пустой равнине. Ее прожекторы осветили одиноко лежащее тело лидера Строителей, которого бросили там, где он умер. Но умер он не из-за телепатического контакта с Дженис и ее группой – он не был слишком долгий для этого. Его убили собственные люди, как только поняли, что происходит. От остальных Строителей не осталось и следа. Все они убежали в поисках убежища. Но где на Номе они смогут отыскать для себя убежище?

Ритон был небольшим городком, а корабль приземлился в пяти милях от него, но и отсюда были слышны несущиеся оттуда крики. Дженис вздрогнула, выйдя из корабля. Даже она не смогла закрыться ото всех яростных вспышек мыслей, пробивавших ее защиту. И так происходило на всем Номе. Нельзя вечно дурачить людей. И когда они внезапно поняли, что их дурачили уже много столетий, распоряжаясь их жизнями, то их охватила ярость. Люди всегда скоры на расправу. Еще несколько часов назад любой, кто сказал бы хоть что-то против Спортивных Состязаний, напросился бы на неприятности. Теперь же любого, кто попытался бы остановить толпу, разносившую в щепы Спортивные Комплексы, сочли бы Строителем и убили на месте.

В этот день народ Нома понесет ужасные потери. К вечеру наверняка погибнут миллионы. Не все они будут Строителями, но большинство все же окажется ими. Номанцы отлично восприняли урок Джеффа, когда он наскоро показал им, как можно идентифицировать телепатов.

На борт корабля погрузили все содержимое хранилища. Джефф посчитал, что это пригодится в качестве доказательства, чтобы объяснить, зачем они с Дженис все это натворили.

Они встретились в комнате отдыха «Филиппы» и серьезно взглянули друг другу в глаза, понимая, что ответственны за самую боль-

шую чистку в истории Галактики. Строителям потребовалось пятьсот лет, чтобы добиться того, что они сделали. Но понадобилось лишь несколько часов, чтобы сорвать их планы.

– Еще через несколько лет это было бы уже невозможно, – сказал Джефф. – Строители научились бы скрывать свои телепатические способности, чтобы никто не смог их опознать. Или они могли посчитать, что добились своей цели, вывели расу воинов, и отдать приказ начать войну с Галактикой. И если бы тогда мы рассказали им, что происходит, население Нома поддержало бы не нас, а Строителей. Вы выступили с очень умным обращением, Дженис. Вы не дали номанцам возможности понять, что Строители, собственно, работали для пользы Нома.

Дженис устало пожала плечами.

– Проблемы Нома еще не решены, – сказала она. – Когда чистка завершится, перед номанцами встанет вопрос, куда девать сорок миллионов ежемесячного прироста населения. Но теперь за дело может взяться УСП, и Ном наверняка вступит в его содружество планет. Возможно, здесь снова начнутся Спортивные Состязания, как реакция на реакцию. Но на сей раз это будут честные Состязания. Вероятно, это лучшее решение. Но, по правде говоря, меня мало беспокоит, начнут ли номанцы снова убивать себя и что вообще здесь будет. С меня достаточно Нома.

– С меня тоже, – согласился Джефф. – Но разница в том, что вы можете улететь отсюда и больше не возвращаться, а мне еще предстоит здесь все налаживать. В этом и состоит неудобство быть рядовым сотрудником УСП, а не особым агентом.

Дженис с трудом скрыла улыбку.

– Но когда вы улетите отсюда, то окажетесь в каком-нибудь новом мире, где будут новые проблемы, – сказала она. – И когда в следующий раз вы вляпаетесь в неприятности – вы ведь не станете звать меня на помощь, не так ли? В конце концов, у меня лишь одна жизнь, и всякий раз, когда вы втягиваете меня во что-то, я чуть не теряю ее.

– Хорошо, обещаю.

– Ну да, – скептически хмыкнула Дженис. – Ну, а теперь я хочу пойти переодеться в какую-нибудь цивилизованную одежду.

– Какая жалость, – усмехнулся Джефф. – И это как раз тогда, когда я закончил свою работу, и у меня появилось кое-какое время, свободное для… – Он замолчал, забыв, о чем говорил, потому что ему пришла внезапная мысль. – Послушайте, вы же не собираетесь писать об этом роман?

– А как же иначе? Его с нетерпением ждут миллионы читателей.

– А вы не забыли, что я могу запретить это в качестве вашего мужа?

Глаза ее расширились.

– Разумеется, давно уж забыла. Слава богам, эта сделка была незаконна.

Долгую секунду Джефф смотрел на нее. Он дал бы ей сто очков за то, как она смотрится в своем неприлично-прозрачном номанском одеянии, и еще девяносто очков за то, как она справилась с проблемой на Номе, и еще сто за ее неколебимую невозмутимость. Итого, двести девяносто очков, подумал Джефф. Нет, это уж слишком для одной девушки…

– Слава богам, – повторил он без особой уверенности.

(New Worlds, 1952 №№ 7, 9, 11)

STRANGE ADVENTURES ON OTHER WORLDS—
PLANET
stories
TRADE MARK REG.
A.N.C.
SEPT.
25¢
The Ffanx had abducted Earth's womankind. A few escaped—to become beautiful, trampling, man-stealing monsters
The INCUBI of PARALLEL X
A Novel of Interlocking Worlds
by TED STURGEON

УБЕЖИЩА, О УЛЛА!

ЭЛ ГАННЕТ ВСЕГДА был умен.

– Я не хвастаюсь этим, – любил он поскромничать, – и не ставлю себе в заслуги. Это просто естественно для меня.

Другим его принципом было: «Некоторые ищут легких путей, но только не я. Иногда я предпочитаю трудный путь, чисто ради тренировки».

Он и выбрал трудный путь, когда занялся космическим пиратством и начал охотиться на корабли миллионеров вместо того, чтобы нападать на простых бродяг, из-за которых никто не стал бы волноваться... Возможно, путь оказался слишком трудным. Во всяком случае, ему пришлось бежать из Солнечной системы на крошечном корабле, лишившись всего награбленного и с половиной Галактического Патруля на хвосте. Возможно, кто-то сказал бы, что он не так уж и умен. Но Эл, летя по космосу в никуда, мыслил философски: «Возможно, я действительно откусил больше, чем сумел проглотить. Но, парни, вы только взгляните, что именно я откусил!»

В некотором смысле, это было умно. Эл также мог утешать себя – что с удовольствием и делал, – тем, что не каждого будет провожать половина Галактического Патруля. И, будучи самим собой, он начал строить планы даже прежде, чем сумел ускользнуть от боевых кораблей, несущихся за ним в кильватере.

В его положении мало что можно было придумать. Он был один, в его кораблике не было никаких припасов и оборудования, и, в качестве отправной точки, у него был лишь экземпляр Зеленой Книги. Так что он начал с нее.

Зеленая Книга была справочником по космосу, где летел сейчас Эл. Каждый год выходил ее новый выпуск, и Эл купил очередной всего лишь три недели назад. Он ежегодно покупал его и всегда читал, когда было время. А сейчас у него было много времени.

В Зеленой Книге не было ни слова о Солнечной системе, зато в ней содержалось все, что только известно людям, обо всех звездах, живых и мертвых, обо всех планетах и туманностях. Ключевым словом здесь было «известно». Не совсем достоверные сведения не имели ни малейших шансов попасть в Зеленую Книгу, даже если была весьма высока вероятность, что они верны. В книгу попадали лишь сведения, стопроцентно достоверные.

Эл раскрыл Книгу наугад и стал читать. Он всегда так делал и всегда находил то, что искал. Вот и сейчас, еще не успел он закончить читать статью об Улле, как у него родился план.

– Парень, – сказал он себе, – ну, теперь мы им покажем!

Улла была второй планетой маленькой звезды под названием Утро, невидимой с Земли, и даже в телескопы новой обсерватории на Марсе. Она была в двадцати световых годах от Земли, но такой маленькой, что ее свет полностью рассеивался по дороге. Однако, в качестве компенсации, Улла была всего лишь в четырнадцати миллионах километров от своего светила и удивительно походила на Землю. Она была того же геологического возраста, что и Земля, массой, равной массе Венеры, обладала атмосферой, идентичной земной, и была населена гуманоидной расой, возможно, даже людьми.

В Зеленой Книге было написано, что с Уллой была сначала установлена кое-какая связь, но затем контакты прекратились, потому что обитатели Уллы имели развитую разведку, чисто человеческую воинственность и могли оказаться опасными. Отношение улланцев к Земле, как прочитал Эл, может быть переведено так: «Руки прочь, а не то мы проткнем вам брюхо. Мы в своих правах. Возможно, вы сумеете разгромить нас, а может, и нет. Но мы готовы попробовать. Если хотя бы дернитесь, начнется война».

Прочитав все это, Эл подвел вслух итоги.

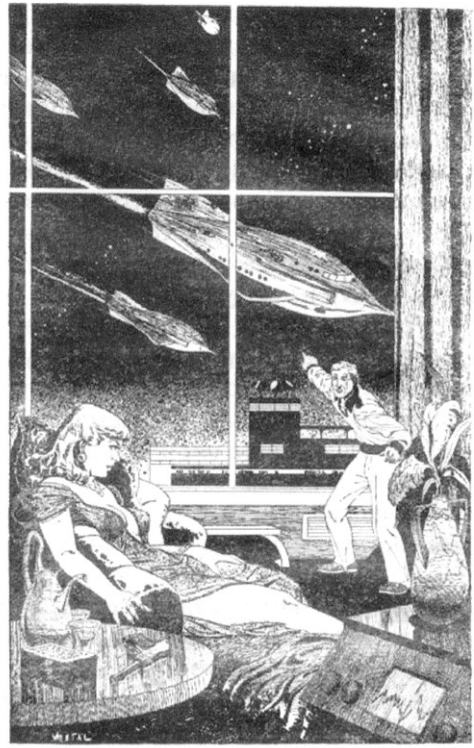
– Мы им явно не нравимся. С одной стороны, больше всего они хотели бы разгромить Галактический Патруль и остальную Солнечную систему. Но они думают, будто существует вероятность, что мы можем разгромить их самих. С другой стороны, – продолжал он, – ГП совершенно ни в чем не уверен. Земля всегда берет то, что может захапать. Но она не уверена, что может захапать Уллу. Так? Так. Значит, именно тут и должен вступить в игру Эл Ганнет.

И он направил свое суденышко к звезде под названием Утро. ГП, удостоверившись в этом, тут же прекратил преследование.

ДА, УЛЛА удивительно походила на Землю. Было больше суши, а суша на Улле, согласно Зеленой Книге, была перенаселена. Количество населения оценивалось в Книге порядка 7 000 000 000 000. Это было внушительно для планеты на одну пятую меньше Земли. Но это, подумал Эл, давало большое количество пушечного мяса. И он повел свой кораблик на снижение.

Первые впечатления у Эла были неоднозначные. Он приземлился возле громадного серого города и вышел наружу, где его уже ждала масса улланцев. Они не бросились ему на шею, но и не стали в него стрелять. Они были очень осторожны, эти улланцы.

Эл также отметил с удовлетворением, что они так походили на людей, что он не видел никаких различий. Улланские девушки были небезинтересны, если не сказать попросту, что красивы. Эл понимал, что работать ему предстояло с мужчинами, но его всегда тянуло больше к жизни, чем к работе.



Ведя себя нелогично, как и любая раса, приветствующая представителя другой, они заговорили с ним. Эл усмехнулся, качая головой. Затем попытался донести до них, что у него есть сообщение, но сначала ему нужно выучить их язык. Эл не знал, поняли ли они его, но все же сделал вторую попытку общения. Сперва они, похоже, решили, что неправильно понимают его, но Эл терпеливо долбил в одну точку, пока до них не дошло, что он хочет им сообщить. Он дарит им свой кораблик. Теперь корабль принадлежит им. Они могут уничтожить его, летать на нем или разобрать по частям, если сумеют.

Пока они удивлялись, он сумел рассмотреть их подробнее. Они – девушки, разумеется, почему он должен был пялиться на мужчин? – были немного меньше земных, со слегка искаженными пропорциями. Кожа у них была слегка желтой, как у чистокровных китайцев, но больше в них не было ничего восточного. Скулы у них были славянские, рот французский, глаза арабские. Волосы, правда, были черными, жирными и весьма неприятными, но встречались особы с прекрасными пушистыми волосами. Если выбрать какую-нибудь, сказал он себе, высокую для ее расы (пять футов три дюйма), блондинку или с каштановыми волосами, толстенькую по улланским меркам (талия 24), с длинными ногами, и пустить ее погулять, например, по Бродвею, то она вполне сойдет за землянку, причем за прекрасную землянку.

Эл знал, что он в безопасности. Хотя бы из любопытства, если не из чего другого, они должны были охранять его, по крайней мере, до тех пор, пока он не выучит их язык. Да, пусть он будет заключенным, это ему подходит. На Земле он тоже был бы заключенным, а то и похуже.

Вот только печально, подумал он, что у них такая одежда. Простая блуза, даже добротно сшитая и опрятная, никогда не сможет стать привлекательной. Это было даже не платье – просто кусок материи с круглыми дырами для рук и шеи, спадающий до колен, как короткая юбка.

Когда разросшаяся толпа уже почти скрыла из виду его кораблик, Эл заметил, что какой-то стоящий возле него человек стал показывать на предметы и произносить их названия. Черт побери, подумал Эл, это уж слишком! Он хотел выучить их язык, но они, по крайней мере, могли бы дать ему время осмотреться и найти себе жилье, прежде чем пойти в школу.

Настало время для самоутверждения. Человек, стоящий рядом, был на фут ниже Эла, так что Эл без труда отодвинул его в сторону и завертел головой. И почти сразу увидел ее – девушку, которая могла бы пройти по любой улице на Земле и иметь там успех.

– Отлично, – сказал он. – Если мне нужен учитель, то им будете вы. Можете начинать.

Им понадобился удивительно короткий промежуток времени, чтобы достигнуть взаимопонимания…

ПО МЕРЕ ТОГО, как проходили недели, Эл не уставал дивиться своей удаче. Он даже подумывал не доводить до конца свой план, поскольку все и так было прекрасно. Но все же план, сформулированный еще до того, как он увидел Уллу, стоило завершить.

Однажды днем, когда Эл лежал в прохладном солнечном свете – свет был теплый, но не жег, как Солнце на Земле или Венере, – он понял, что настало время для следующего шага. Он открыл рот, чтобы заговорить с Веллин, учительницей, которую он сам выбрал себе, но тут же закрыл его, с гордостью глядя на нее.

Он по-прежнему был заключенным, но не под постоянным присмотром. Пока он увил язык, ему предоставили относительную свободу и разумный комфорт.

Веллин сидела, одетая в платье, которое он сам спроектировал для нее – весьма привлекательное платье, – но она по-прежнему была его официальной учительницей, несмотря на все модификации, которые Эл пытался внести в их отношения. Веллин улыбалась, смеялась, считала его почти что братом, разговаривала о том, о чем он хотел говорить, и учила его языку, когда он был готов учиться, а также давала ему отдохнуть. Но…

Когда Эл выбрал ее, Веллин не была членом Улланской Безопасности. Она была работницей на заводе и вела тяжелую жизнь, от которой рада была отдохнуть. Но когда Эл выбрал ее своей учительницей, ее немедленно назначили офицером Безопасности – от него не стали это скрывать, и у нее началась еще более тяжелая жизнь:

большую часть дня она проводила с ним, а остальное время училась сама, чтобы преподавать ему язык профессионально. Из этого также не делали секрета. Она должна была узнать об языке намного больше, чем знала до сих пор, а также о таможне Уллы, ее ресурсах, психологии и о многом, многом другом. Она не должна была рассказывать все это Элу, но должна была знать сама. Потому что она должна была знать не только то, что Элу говорить, но и то, чего рассказывать ему нельзя.

Так что, в общем, она сменила трудную работу на еще более тяжелую. Но Веллин казалась счастливой. С одной стороны: все это совершенно изменило ее жизнь. А с другой: она работала не все время, пока была с Элом. И было еще одно: она испытывала то, чего никогда не знала раньше – ею восхищались. Среди своего народа она была простой девушкой – слишком высокой, слишком толстой, не уродливой, но просто не симпатичной. Но Эл… Ну, Эл никогда не притворялся, что ему безразличны женщины.

– Веллин, – сказал Эл, и она заметила по его глазам, что ему приятно глядеть на нее, – Веллин, теперь я могу говорить. Думаю, я овладел вашим языком. Это было не трудно, поскольку вы такая прекрасная учительница. Я не собирался начать говорить, пока не был уверен, что способен объясняться и понять то, что скажут мне. Но теперь я говорю также, как вы. А может, и лучше.

Веллин кивнула, улыбаясь.

– Вы можете языком дробить камни, – сказала она. Это был комплимент на непоэтическом языке Уллы.

– Тогда притащите сюда несколько валунов, – ответил Эл. – Важных персон. Больших шишек. Я не хочу говорить с каким-нибудь из офицеров охраны низшего ранга.

– Офицеры охраны никогда не бывают низших рангов, – тихо ответила Веллин. – Я сама теперь не низшего ранга, – с каким-то детским удивлением добавила она.

– Выходит, они чего-то ждут от меня, – парировал Эл. – И, вероятно, они правы.

– Я ХОЧУ, чтобы Веллин осталась, – решительно сказал Эл.

– Конечно, – кивнул Мабер, единственный офицер, кроме Веллин, которого Эл видел до сих пор. – Но не в этом… – Он с отвращением взглянул на нее.

Простолюдинка, разодетая, как павлин. Все равно остается простолюдинкой. А для Мабера, Веллин была лишь чуть красивее уродки.

– Ну, у нее есть форма, – сказал Эл. – И у меня тоже. Дайте нам десять минут.

Через десять минут учитель и ученик встретились возле конференц-зала – самом большом помещении в домике Эла. Эл с удовлетворением кивнул, а Веллин поглядела на него с открытым восхищением.

Эл был слишком умен, чтобы носить яркую, слишком пышную парадную форму. Они с Веллин вошли в комнату, одетые в простые туники с серебряными кнопками, серые брюки с острыми складками и черную обувь. В этих формах, которые спроектировал сам Эл, была лишь одна модификация, учитывающая различие в полах. Эл понимал, что для улланцев это было совершенно новой идеей, но даже он не сразу осознал, какое получил преимущество, когда рядом стояла Веллин в подобной форме. Это походило на то, словно он приобрел союзника.

Произошла формальная церемония представления. В Службе Безопасности, казалось, не существовало никаких званий. Все были просто офицерами. В комнате, кроме Эла и Веллин, оказались Мабер и двое мужчин, которых Эл раньше не видел – Холн и Адер.

Эл не стал тратить время впустую. Сначала он сказал то немногое, что узнал о них. В отличие от людей, они никогда не нарушают своего слова. Он может доверять им, сказал Эл (на самом деле, Эл никогда не доверял никому, но сейчас у него не было выбора). Поэтому, если бы они дали слово, что хотят, чтобы он, Эл, стал членом их общества, он бы с радостью согласился. Это все, что он хочет. Он вовсе не жаждет возвращаться в Солнечную систему.

– И вы дарите нам космический корабль, – сказал в ответ Мабер, – в качестве платы за то, что мы примем вас к себе.

– Нет, – ответил Эл. – Я могу дать вам гораздо больше, чем космический корабль. И взамен я хочу не больше, чем то, о чем уже попросил.

Все быстро взглянули на Веллин, словно пытаясь понять что-то по ее лицу, но оно ничего не выражало.

– Вы боитесь Земли, – осторожно сказал Эл: еще никто никогда не говорил улланцам, что они чего-то боятся. – Вы боитесь, – повторил Эл, – и одновременно завидуете. Вы бы напали, если бы имели полные сведения о Земле и были уверены в победе. Но таких сведений у вас нет, поэтому вы не знаете, сумеете ли победить. Ну, так я могу рассказать вам все, что вы хотите знать. Благодаря мне вы поймете, стоит ли нападать на Землю или лучше оставить ее в покое. И помните, что бы ни случилось, я – один из вас. Что бы ни случилось, я приму это, как любой улланец.

– Но, может, вас подослали, – сказал Холн, – чтобы заставить нас напасть первыми.

– А зачем? Преимущество всегда у нападающих. Если бы Земля хотела воевать, то напала бы первой. Но они сами боятся, как и вы.

– Но чем вы можете помочь нам, Эл, – спросила Веллин, выдавая свое невежество. – Вы же не техник.

– На это могу ответить я, – сказал Мабер. – Элганнет уже знает о нашей науке больше вас, Веллин. И может лучше применять свои знания. А по человеку мы можем вывести оптимальный уровень развития технологии его расы. Элганнет умен. Он – землянин. Благодаря ему, мы можем понять, с чем столкнемся, если нападем на Землю. Для этого нам нужен лишь он и его космический корабль. – Он пристально посмотрел на Эла. – Да, вы очень умны, Элганнет. Вы знали, что мы, так или иначе, придем к этому, и предложили нам сами, к тому же запросили слишком маленькую цену. Естественно, мы должны согласиться. Но тогда инициатива будет в ваших, а не в наших руках.

– Я хочу кое-что спросить, – сказал Холн. – Элганнет, почему вы предаете свою Систему?

– «Предательство» – не то слово, – быстро ответил Эл. – Возможно, мне не нравится Земля. Возможно, мне нравитесь вы. Возможно, я думаю, что было бы лучше, если бы вы оба вступили в конфликт.

– Ваша точка зрения вполне разумна, – признал Холн.

– И тогда?..

– Я уже ответил вам, – сказал Мабер. – Принимая вас в качестве оптимального землянина…

– Ну, я бы так не сказал, – скромно потупил глаза Эл. – На Земле есть парни и поумнее. Я сам встречал парочку таких.

– Принимая вас в качестве умного землянина, каким вы и являетесь, а ваш корабль как современный продукт вашей технологии, мы можем вычислить потенциальные возможности вашей расы и точку, какой она достигла. Технология у вас весьма высоко развита. Конечно, мы будет придерживаться вашего плана, Элганет. Вы готовы подвергнуться самой строгой умственной и физической проверке?

– Но я уже сказал это, разве не так?

– Нет, просто подразумевали. А затем в течение года мы будем готовиться к войне. И если у нас окажутся хорошие шансы, мы воспользуемся ими.

– Я знал, что вы так решите. Вы боитесь воевать с Землей, но и боитесь оставить ее в покое. А из-за этого страха вы будете воевать. Я знаю психологию улланцев, Мабер.

СТРАННО, но Веллин стали вынуждать вступить в брак с Элом. Она всегда восхищалась им – что для улланцев означало, что она любила его. Но такие нюансы Безопасность не интересовали. Ей

просто сказали, что было бы желательно удержать Элганнета всеми средствами, и что он выразил свою готовность жениться на ней. Было лишь необходимо, по их представлениям, приказать ей выйти за него замуж.

Веллин не протестовала, она и помыслить не могла о протестах. Она приняла приказ так, словно брак с Элом был частью ее работы.

Но Эл так не хотел.

– Никакая девушка не выйдет замуж за меня лишь потому, что ей приказали, – заявил он ей. – Если вам не нравится эта идея – прекрасно. Я скажу Безопасности, что передумал.

Веллин аж задохнулась.

– Пожалуйста, не делайте этого, – начала умолять она. – Тогда во всем обвинят меня. Подумают, что я…

– Они будут думать лишь то, что я велю им думать. Несомненно, я должен оставить у них неопределенное подозрение, что вы, должно быть, сделали что-то не так. Но если вы собираетесь жениться на мне лишь по обязанности, детка, то я отказываюсь.

Единственное, что могла сделать Веллина в ответ на первую в ее жизни серьезную умственную проблему, это разрыдаться. Эл задумчиво поглядел на ее. Пытаясь успокоить плачущую женщину, вы лишь глупо выглядите, подумал он. А Эл не привык выглядеть глупо и привыкать не собирался. Это была одна из многих вещей, которые не приносят никакой выгоды.

– Ладно, – сказал он, – вытрите глазки и прекратите рыдать. Потому что иначе мне придется говорить громче, а почему я должен тратить впустую свою энергию? Я скажу вам, что сделаю, Веллин. Я дам вам время подумать. Я всегда был терпеливым. Я скажу Безопасности, что не спешу с женитьбой. Если вы передумаете, то сообщите мне в любое время. Если же будете продолжать думать, что жениться на мне ваша обязанность, то через некоторое время я скажу Безопасности, что вы не мой тип.

Веллин прекратила плакать, но на лице ее все еще было сомнение.

– Но это действительно моя обязанность, – сказала она. – Я не понимаю, чего вы хотите? Я…

– Послушайте, детка, – спокойно ответил Эл. – Вы же слышали, что существует такая штука, как любовь, не так ли? Улланцы не говорят об этом так часто, как мы, но все же знают о ней. У меня было много женщин, но я не женился на них. И я уверен, что женюсь только на той девушке, которая полюбит меня. И поверьте, что если это с вами произойдет, то вы сразу поймете. – Эл вздохнул. – Наверное, я тоже должен полюбить вас, – признался он, – иначе я не стану уделять вам много внимания. Можете не поверить, но вы мне нравитесь. А этого я еще не говорил ни одной земной девушке.

Веллин взглянула на него, и что-то в ее глазах подсказало Элу, что ему не придется ждать долго.

НАСТУПИЛ ДЕНЬ, когда начали взлетать корабли по одному каждый тридцать секунд в течение тридцати пяти дней. Улла была единой индустриальной планетой. За год она могла бы построить корабли хоть для всего населения. Но она построила сто тысяч больших военных крейсеров, более медленных, чем корабли ГП, как описал их Эл, но тяжелее и вдвое смертоноснее. И когда этот громадный флот взлетел и построился в космосе, Эл почувствовал себя чуть ли не виноватым перед земной цивилизацией.

Наступило долгое ожидание. На Улле больше нечего было делать, кроме как сидеть и ждать. Но Эл привык ждать и строить планы на будущее. Ожидание часто венчалось успехом, богатством и роскошной жизнью на какое-то время, но во время его стоило поработать над подготовкой к спасению, так, на всякий случай.

Эл не считал нужным в спешке покидать Уллу, но это была просто привычка, так что он, как обычно, сделал все приготовления.

Он больше не был заключенным. Улланцы знали, что теперь он связал с ними свою судьбу и решили, что больше не нужно его охранять. Проверки, которые он прошел, они посчитали достаточными, чтобы убедиться в его искренности.

Его корабль не рассматривался, как средство спасения, однако первое, что сделали улланцы в качестве эксперимента, это продублировали его. И однажды ночью Эл совершил то, чего не делал уже долгое время – он сам сделал всю работу, причем сделал ее хорошо. Он не растерял своих талантов. На верфи возник пожар в результате дефекта плавкого предохранителя. Огонь нанес повреждения на ограниченной территории, так что никто не обнаружил исчезновение одного маленького экспериментального корабля.

Да, это была хорошая работа, с удовлетворением подумал Эл. Он никогда еще не делал лучшей работы. Теперь у него был свой корабль, о котором никто не знал, и даже не пришлось никого убивать.

Единственная проблема состояла в том, что делать с этим кораблем. Впрочем, это было очевидно. Корабль должен был находиться поблизости. Так что Эл поместил его в подвал и завалил вход. Теперь, чтобы добраться до него, нужно было взорвать стену. Но это не имеет значения, если придется спасаться бегством.

Все это на всякий случай, заверял себя Эл. Просто умный человек готовится ко всем случайностям.

Затем он вернулся к Веллин, чтобы дать ей возможность оценить его хорошие стороны. Поэтому, если для всей Уллы время тянулось медленно, то Эла это не напрягало.

Наконец, флот вернулся. Все на Улле вышли к космодромам встречать корабли. Все ожидали, что они будут ярко иллюминированы, но не было никаких огней. Корабли садились темные и мрачные.

Это означало поражение.

Эл, как и все остальные, был на космодроме рядом с Веллин. Машинально он посчитал корабли. Семнадцать. А здесь должно было сесть восемнадцать. Одного не хватало.

Вернулось семнадцать кораблей. Может, это означало, что никакого боя не было вообще? Но тогда были бы зажжены все прожектора, и корабли не спускались бы на площадку темные и мрачные.

– Понятно, – резко сказал Эл, повернувшись к Веллин. – Что бы там ни произошло, ответственность за это возложат на меня. Я не сказал им, что у Земли есть то или это. Я ввел их в заблуждение, высказавшись так, а не иначе. А кораблик мой, наверняка, устарел еще столетия назад. Вот что они скажут... В конце концов, вы поступили умно, – добавил он. – Вы не связали себя с предателем... Или с тем, кого ваши люди назовут предателем. Видите, от чего вы спаслись – от гнева целой планеты, которая должна на ком-нибудь отыграться.

Веллин ничего не ответила, но боль в ее глазах заставила Эла пожалеть о том, что он был так жесток.

ГОРДОСТЬ ИЛИ КАПРИЗ заставили Эла надеть форму. Он никогда не служил ни в какой армии, но форма помогала ему выглядеть внушительней.

Самым очевидным было то, что, по– хорошему, ему следовало бы спасаться. Но Элу было любопытно. Он не мог улететь, не узнав, что же произошло.

Кроме того, он не спешил решить, что все потеряно. Еще существовала возможность, что некий смелый ход – типичный маневр в духе Эла Ганнета – спасет все, что, казалось бы, он проиграл.

Веллин тоже была в мундире. Сперва Эл не понял, как это понимать, но когда осознал, то жаркая волна уверенности влилась в него. Она поддерживала его. Поражение потерпел ее мир, но не Элганнет. Он никогда не потерпит поражения.

И перед самым появлением Мабера Эл поцеловал ее. Веллин с удивлением отстранилась. Любовные ласки улланцев были жаркими, но без всякой нежности. Веллин никогда не сталкивалась с нежностью и, очевидно, не ожидала ее от Эла.

Мабер пришел в сопровождении двух незнакомых Элу офицеров. Вселяет надежду, подумал Эл, это церемониальное шествие. Такое высокопоставленное лицо, как Мабер, не появился бы со свидетелями, если бы хотел лично убить его.

– Холн и Адер мертвы, – холодно произнес Мабер. – И в их гибели виноваты вы.

– Так я и думал, – столь же холодно парировал Эл. – Все это моя вина, верно?

Мабер твердо взглянул на него.

– Мы не мстительны, Элганнет, – сказал он. – Мы знаем, что вы говорили правду. Но погибли тысячи наших людей…

– И вам нужен козел отпущения. Ничто не ново под луной. Но сначала расскажите, что же произошло?

– Нас встретил Патруль. Двадцать кораблей. Двадцать против ста тысяч. Мы использовали вибролучи. Ничего не произошло. Должно быть, у них была какая-то изоляция, гасящая вибрацию. Или экран. Тогда мы использовали энергетические лучи. Корабли Патруля просто поглотили их. Они приняли все, что мы могли дать им, но не ударили в ответ, словно хотели выяснить, на что мы еще способны. Тогда мы выпустили ракеты. Они перехватили радиоуправление и послали их обратно. Множество наших кораблей было уничтожено собственными ракетами. Мы использовали неуправляемые ракеты, но они просто изменили курс и пролетели мимо землян. Но почему они не отвечали? Они заставили нас продемонстрировать все оружие, которое у нас было. В этих кораблях были храбрые люди. Должно быть, они вылетели нам навстречу в надежде всего лишь задержать нас до подхода основных сил. И обнаружили, что могут противостоять нам при пропорции один их корабль к пяти тысячам наших. Больше у нас ничего не было, – с трудом продолжал Мабер. – Мы были безоружны. Они осторожничали в начале, но вскоре увидели, что мы не представляем проблемы. Тогда мы попытались пойти на таран. Мы думали, что сможем достичь успеха, при таком-то перевесе в численности, и ринулись к Земле. Когда земляне поняли, что мы делаем, то стали выбивать передовые корабли лучами толщиной с палец. Не знаю, были ли это высокотемпературные лучи или какие другие, но, едва коснувшись корабля, они проходили его насквозь, проделывая отверстие во всем, что попадалось им на пути. А когда земляне шевелили этими лучами, то перерезали корабли пополам, иногда по два-три одновременно. Мы продолжали лететь вперед, но вскоре поняли, что ни один наш корабль не сумеет добраться до Земли. Наши корабли уничтожались с такой быстротой, что весь флот исчезнет прежде, чем мы доберемся до внутренних планет.

– И даже тогда ничего бы не изменилось, – сказал Эл, – потому что планеты укреплены сильнее, чем целый флот, не говоря уже о двадцати кораблях.

– Когда мы развернулись, они оставили нас в покое, – с горечью сказал Мабер. – Просто потеряли к нам интерес, словно наш флот был всего лишь игрушкой.

МГНОВЕНИЕ все стояли молча. Возможно, это была церемония в память о погибшей мечте о завоевании Земли.

– Скоро земляне будут здесь, – сказал Эл. – Они не станут разрушать Уллу. Они будут очень вежливыми, но все равно останутся завоевателями. Они станут торговать, и Улла даже получит выгоду – но на условиях Земли.

– Но вы этого не увидите, – тихо сказал Мабер.

Эл рассмеялся. Он не был таким храбрым, как выглядел. А кто был бы храбрым на его месте? Он оказался в трудном положении, и самым разумным было бы бежать, пока можно. Вот только куда бежать?

– Угрожаете, Мабер? – усмехнулся Эл. – Я уже слышал угрозы на разных планетах на дюжине языков. Но я все еще жив.

– Пока еще жив, – сказал Мабер.

Движение было таким быстрым, что никто его не заметил. Один миг Эл стоял, холодно улыбаясь им, а в следующий уже держал направленный на них бластер.

– Признаю, что это слабый аргумент, – сказал Эл, – но он придаст вес тому, что я сейчас скажу.

– Вы сошли с ума, – сказал ему Мабер. – Вы что, думаете, что можете что-то сделать в мире, где все будут против вас?

Веллин стояла позади Эла. Напрягшись, он слышал за спиной ее взволнованное дыхание и постепенно перемещался так, чтобы она тоже оказалась на мушке.

Но Эл слишком много внимания уделял Веллин, которая не имела значения, и Маберу, просто отвлекавшему его внимание. Заметив краем глаза движение, он стал поворачиваться к одному из офицеров, который уже держал не церемониальное оружие, бывшее на поясе, а боевой бластер с плеча. И, поворачиваясь, Эл понимал, что опаздывает...

Раздалось слабое шипение, и офицер уставился на обугленный обрубок своей руки. Его бластер и кисть исчезли во вспышке синего пламени.

Эл слегка повернул голову. Лицо Веллин, все еще державшей бластер, было бледным, но решительным.

– Спасибо, Веллин, – сказал Эл. – Ты все же со мной?

Вся напряженная, Веллин не отвечала. Но это было и не нужно.

– Два предателя, – резко сказал Мабер. – Предатель Земли и предатель Уллы. Из вас получилась прекрасная парочка. И что дальше, предатели? Вы что, думаете, что сумеете убежать?

– Веллин, перевяжи этому человеку руку, пока он не истек кровью, – сказал Эл. – Он нам может еще понадобиться.

Он повернулся к Маберу и слабо усмехнулся. Он начал ощущать

кое-что, что ему не понравилось. Но Эл никогда не боялся считаться с фактами. Не слишком-то умно отрицать очевидные вещи.

– Кажется, вы рассказали мне не все, Мабер, – процедил он. – Почему обвиняют меня? Что я сделал не так?

Мабер тоже усмехнулся, и в его усмешке было не больше теплоты, чем у Эла.

– Согласно тем представлениям, что мы сложили о Земле, ничего подобного не могло произойти, – сказал он. – Земляне примерно нашего уровня, и мы считали, что некоторому их превосходству в технике и военном опыте мы можем противопоставить внезапность и численное превосходство. К такому выводу пришли наши ученые, изучавшие вас и ваш корабль. Но, – медленно продолжал он, – они сделали один неправильный вывод. С вашим кораблем все нормально. Но с вами… мы думали, что вы умный. Вы сами так считали, таким и казались нам. Но, Элганнет, мы оба оказались неправы. Наше поражение ясно показывает, что вы самый обычный землянин. Может быть, даже глупый землянин. Но сами вы верите в то, что очень умны, и тут и кроется наша ошибка. Если бы у нас было два землянина, то, вероятно, мы правильно оценили бы уровень вашей расы и поняли, что у нас нет ни малейшего шанса.

Эл почувствовал дикое желание кричать, что Мабер неправ, и что он умен и всегда был умен! Мабер всего лишь пытался скрыть ошибки улланских ученых. Они просто не поняли, насколько он умный.

Но вместо этого он спокойно сказал:

– Это не мое дело. Вы сказали, что мы не сможем убежать, Мабер. Но вы ошибаетесь. У меня хватило ума, чтобы спланировать даже побег. Мы могли бы убежать прямо сейчас – но не станем этого делать. Вы нуждаетесь во мне, Мабер. Нравится вам это или нет, но факт есть факт. Глупо, не так ли? А сейчас я покажу вам кое-что еще глупее.

И он убрал бластер в кобуру. Это был просто красивый жест. Эл успел бы выхватить бластер прежде, чем Мабер шевельнется. Но это был верный жест.

– Веллин, – сказал Эл через плечо, – убери свое оружие.

Она секунду поколебалась, затем медленно сунула бластер обратно за пояс.

– Продолжайте, Мабер, – сказал Эл. – Перед вами два предателя. Ну, и что вы собираетесь сделать с нами?

– Вы сказали… – Мабер поперхнулся. – Вы сказали, что мы нуждаемся в вас.

– И всегда будете нуждаться во мне, Мабер, – кивнул Эл. – Может, я не самый умный на Земле, но здесь я умен. Возможно, когда-нибудь мне придется убраться отсюда – когда здесь появится более

крупный ловкач. Но пока что, Мабер, я нужен вам, чтобы встретить посланников с Земли и вести с ними переговоры – и это лишь начало. Я добьюсь для вас лучших результатов переговоров, чем это сделали бы вы сами. Землянам я не нравился – и меня выгнали. Вам я тоже не нравлюсь. Но какое-то время и они, и вы будете нуждаться во мне, как в посреднике.

– Земля потребует выдать вас, как преступника, – возразил Мабер. – Кроме того, мы практически завоеваны. С нами не станут считаться, нам просто скажут, что они хотят.

Эл медленно покачал головой.

– Вы не разбираетесь в экономике. Улла – индустриальная планета, на которой живет 7 000 000 000 000 улланцев. Земля не может управлять Уллой, не забывайте об этом. Потребовалось бы слишком много сил и людей, чтобы держать Уллу в узде. Разве вы не понимаете этого? – Эл усмехнулся, заметив, как лицо Мабера стало проясняться. – Но Земля должна держать ваш обширный потенциал под контролем, – продолжал он, – и единственный для этого путь – торговля. Мы станем богаты, Мабер. Включите же свое воображение. Что же касается Земли, которая потребует моей выдачи, то они еще дважды подумают, когда за мной будет стоять 7 000 000 000 000 улланцев. Так ведь, Мабер?

Это был самый удачный ход Эла. Он сказал ровно столько, чтобы обрисовать блестящие перспективы и скрыть возможные трудности. Но вся жизнь состоит из трудностей, самодовольно подумал Эл. Веллин являлась трудностью, которая теперь разрешилась. Один брошенный на нее взгляд сообщил Элу, что она читает, будто такого, как Эл, нет больше во всей Галактике. И Эл не тот человек, который станет отрицать это.

– Но это всего лишь отсрочка, – сказал Мабер. – Она не может длиться вечно.

Эл усмехнулся, и усмешка его была на сей раз полностью самодовольной.

– Вся моя жизнь состоит из отсрочек, – сказал он. – Я живу на вулкане, Мабер, и мне это нравится, хотя не могу сказать, что это сплошное удовольствие. Но на сей раз я постараюсь протянуть эту отсрочку как можно дольше, – добавил он и обнял Веллин за талию. – Потому что теперь у меня появились обязанности, а это для меня что-то новенькое. Совершенно новенькое, – задумчиво добавил он.

(Planet Stories, 1951 № 9)

THE MAGAZINE OF
Fantasy and Science Fiction
EVERY STORY in this issue NEW
TIME PATROL
A NOVELET BY
Poul Anderson
35 ¢
MAY
J. T. McINTOSH
RICHARD MATHESON
MIRIAM ALLEN deFORD & ANTHONY BOUCHER

ОДИННАДЦАТАЯ ЗАПОВЕДЬ

I

– ХОЧУ ВАМ НАПОМНИТЬ еще раз, – извиняющимся тоном сказал учтивый диктор, – что голосование по поводу смешанных браков будет проведено одновременно по всей Галактике в пятницу…

– Кто же может забыть? – недоверчиво пробормотал Джерри, ждущий в гостиной Вин. – Интересно, кто-нибудь может об этом забыть?

– Что ты сказал, Джерри? – крикнула из спальни Вин.

– Ничего, милая.

– Ну, тогда не бормочи. Правильно надеть это платье – тонкая операция, требующая полной концентрации.

В другом приемнике диктор продолжал успокоительным тоном:

– Все, кому уже исполнился двадцать один год и кто не страдает психическими заболеваниями, имеют право на голосование. Воспользуйтесь этим правом...

– Вот тут сидит пара, которая уж точно воспользуется, – сказала Мойра, глядя в глаза Бобу. – Но в любом случае… Неужели они могут не позволить нам жениться, любимый, даже если?..

– Они – могут, – коротко ответил Боб.

– Я просто не могут в это поверить, – продолжала Мойра. – О, я знаю, что некоторые будут к нам плохо относиться – ты ведь ожидаешь того же, – но я представить себе не могу, что они в самом деле…

– Воспользуйтесь вашим правом участвовать в голосовании, – продолжал диктор в третьем приемнике, – *потому что этот вопрос, бесспорно, касается всех. Примите решение. Выслушайте аргументы АМАБ, точку зрения Реалистов, решите, которую сторону будете поддерживать, и в пятницу, не забудьте, в пятницу...*

Адам резко выключил приемник.

– Любимый, я же слушаю, – сказала Элис, отрывая глаза от зеркала, в которое критически разглядывала себя.

– Это все чепуха, – бросил Адам и нахмурился.

– Я догадываюсь, что за этим стоит, – сказала Элис. – Они всего лишь хотят узнать, как к этому относятся люди… Этот вопрос не может иметь никакого практического решения…

– У нас и без того хватает забот, – пробормотал Адам.

Элис повернулась и схватила его за запястье. Это был чисто мужской жест, словно она была доминирующим партнером.

– Не говори так, – резко сказала она. – Мы как-нибудь раздобудем деньги. Всегда так было, верно?

И она щелкнула выключателем.

Из всех приемников, в двухэтажной квартире Джерри и Вин, у Мойры и в спальне дешевого отеля, где жила Элис, как, вероятно, и в миллионах других, диктор сказал с мягким упреком:

– Это очень важный вопрос, и любому местному совету хотелось бы, чтобы явка на голосование приближалась к ста процентам. Истовер славится прогрессивным, хорошо осведомленным социальным сознанием населения, а Иордания особенно известна своими прогнозами...

– Ну, вот, – вздохнул Джерри, кивнув на окно, когда Вин подошла к нему в своей пелерине до самых лодыжек, – теперь уже можно не спешить, дорогая. Какое-то время мы все равно не сможем выйти.

II

В ИОРДАНИИ шел дождь.

Сказать так, все равно, что утверждать, будто трава зеленая, светлая или блестящая. Все это так, но, поскольку трава иногда не зеленая, а иногда не светлая или не блестящая, то в Иордании иногда не идет дождь.

Это был не бурный, яростный, шумный дождь Иордании, и не теплый, похожий на патоку ливень Иордании. Это был затяжной, не очень-то теплый дождик Иордании, который случается чаще, чем два предыдущих варианта и, кажется, мог моросить вечно.

Улицы были пустынны, хотя стоял еще ранний вечер. В расплывающемся свете уличных фонарей цифры голосования молча вопили с табло отдельным прохожим, которые старались поскорее убраться с мокрых, блестящих тротуаров.

Почти ничего на улицах не намекало на то, что Иордания находится на планете Истовера в системе Ротеля, а не на Земле. Днем свет был чуть более желтым, что уже давало достаточный ключ к разгадке. Но ночью, особенно когда небо хмурилось, почти все различия исчезали, и Иордания походила на любой современный земной город, в котором шел дождь.

Дождь прекратился резко, но, очевидно, не совсем неожиданно, потому что улицы немедленно наполнились людьми, спешащими во всех направлениях: люди, казалось, до секунды знали, когда прекратится дождь, так же, как и когда он пойдет снова. Даже на Истовере, даже в Иордании люди предпочитали не промокать до нитки, если могли этого избежать. И у них развилось чувство изменения погоды,

которое подсказывало, когда они могут пойти куда-нибудь посуху. Или, по крайней мере, могут попытаться.

Вин и Джерри оказались двумя частичками в толпе, проталкиваясь среди других с юго-востока. Через несколько улиц отсюда, с севера, спешили на юг Адам и Элис. Еще два стремительных броска, и эти частицы соединяться. С востока продвигались Боб и Мойра, идя то шагом, то бегом, пытаясь опередить дождь, который, как они знали, вот-вот начнется.

А с юга двигалась еще одна, одинокая частичка, спокойная, неторопливая. Он не спеша следовал среди толпы более низеньких, более толстеньких, более шумных и бегущих тысяч, потому что позаботился заблаговременно одеться в непромокаемую одежду. Он был высоким, худым, в обтягивающем одеянии. Цилиндра он не носил. Но в духовном смысле, он был в цилиндре.

Когда Вин и Джерри уже увидели огни «Савойи», дождь возобновился. Несколько секунд он побрызгал, а затем... перестал быть обычным дождем и превратился в теплый, липкий ливень.

Толпы на улицах тут же растаяли, как кусочки сахара в чае. Вин и Джерри метнулись в темный дверной проем. Они не знали и совершенно не волновались, что случилось со всеми остальными.

– Давай рискнем, – сказал Джерри, на глазок измеряя расстояние через залитую улицу до неоновой вывески «Савойи».

– Нет, нет, нет! – испуганно закричала Вин. – Мое платье не выдержит такого... Дождь должен скоро перестать!

– Потому что твое платье его не выдержит, – понимающе кивнув, добавил Джерри.

Было бесполезно пытаться понять Вин – он женился на ней из-за ее специфической женской логики, как и из-за всего остального.

Однако, ему пришлось не согласиться после того, как он огляделся, понюхал дождь, подставил ему лицо, на мгновение разжал губы и покатал на языке капельку влаги.

– Мне очень жаль, Вин, – сказал он. – Но я боюсь, что этот дождь надолго. Хочешь остаться здесь на всю ночь, милая?

Вин была милой даже в личном освещении, даже завернутая в бесформенный плащ. Милая не красотой, а... чем-то иным. В небольшом белом личике Вин была пикантность, живучесть, бесконечная способность к восхищению, и никаких классических правильных черт. Она выглядела смеющимся пострелом, но пострелом женского рода. В Вин не было ничего детского и кукольного.

Джерри же был просто мужчиной рядом с ней, большим защитником с громадным чувством юмора.

Они были истовераниками. Возможно, это тоже было важно.

– О, гляди, Вин! – воскликнул Джерри, глядя через ее плечо. – Там Маккензи.

Вин умела ворчать с удивительной свирепостью.

– Почему я должна стремиться посмотреть на Маккензи, сейчас или потом? – спросила она.

Но все равно посмотрела, совсем как маленькая девочка, которая заявляет: «Я не смотрю», и тут же подглядывает сквозь пальцы.

Он шел под дождем, невозмутимо, непреклонно, словно какой-то диккенсовский персонаж. Все, кто его видел, считали, что звать его должны Фенберг, Тикли или Марквелл. Но все же он не был забавным героем произведений Диккенса. Было в нем нечто угрожающее, невозмутимо угрожающее, словно он собирался пройти мимо вас, по вам или через вас, если вы окажетесь у него на пути. Так же он игнорировал дождь, как нечто, с чем не стоит считаться.

– Он идет в «Савойю»! – воскликнула Вин. – Ну и хладнокровие у него.

– Для него это часть предвыборной компании, – философски заметил Джерри. – Если Реалисты придут сегодня вечером, тем лучше.

Маккензи, вероятно, услышал их даже сквозь барабанную дробь дождя. Он повернулся, резко, как радиоуправляемый робот, и подошел к ним, хлюпая по лужам.

– А, восхитительные Янги! – сказал он, остановившись в трех шагах от них, по-прежнему стоя под дождем и по-прежнему игнорируя его. – Как жаль, что мы враги. Вы, действительно, очаровательная пара, и я был бы рад использовать вас в своей избирательной кампании.

Вин оказала ему холодный прием, невежливо отвернувшись и уставившись на замочную скважину запертой двери.

– Просто у нас различные методы, Маккензи, – вежливо ответил Джерри. – Я бы не стал использовать вас в своей кампании. Может, ваши методы и успешны, однако, я не хотел бы применять их.

Маккензи вздохнул.

– И по этой причине, сказал он, – я всегда буду победителем. Неужели же вам неохота даже попробовать?

Он фыркнул, сардонически поклонился отвернувшейся Вин, которая не могла его видеть, и пошел через улицу к «Савойе».

Вин с негодованием повернулась обратно.

– Видели вы это? – воскликнула она. – Это *наш* бал, а нас на нем нет… Зато *он* всегда тут как тут.

– Тогда побежали за ним, – усмехнулся Джерри, – и наплевать на дождь.

– Нет, не могу. Мое платье…

– Тогда давай побегу я и пошлю к тебе кого-нибудь с зонтом.

Но в этом уже не было необходимости. Дождь на мгновение прекратился, словно переключаясь с одного резервуара на другой, и, не теряя время на разговоры, зная, как кратковременны бывают такие отсрочки, Вин и Джерри побежали через вымытую дождем улицу. Запыхавшиеся, но торжествующие, они успели вбежать под навес как раз перед тем, как снова начался ливень.

– Мы еще промокнем на обратном пути, – предупредил жену Джерри.

– Кого волнует, что будет на обратном пути? – презрительно спросила Вин. – До чего же мужчины тупые!

В фойе они посмотрели афиши, пока восстанавливали дыхание. Одни просто гласили: «АМАБ». На других была нарисована танцующая пара и надпись «Великий бал АМАБ». Висели еще афиши, для тех, у кого было время прочитать их, и на них, большим шрифтом в две колонки обсуждались результаты голосования. Но ни у кого из мужчин и женщин, выскакивающих из дождя, явно не было на них времени. А может, они уже все и так знали.

По крайней мере, вокруг было много суетящихся людей.

– Дождь оказал нам хорошую услугу, милая, – торжественно заявил Джерри. – Он вовремя остановился, и все ринулись сюда. Поэтому здесь такая толпа.

Но Вин уже исчезла в дамской комнате. Она весьма интересовалась кампанией АМАБ, еще порой даже волновали различные перипетии, и, конечно же, она была лояльна. Но в настоящий момент она была девушкой, готовившейся танцевать с любимым. А раз уж так получилось, что ее любимый был по совместительству мужем, то тем лучше – тогда он останется с ней и после танцев. А АМАБ могла несколько часов подождать.

Джерри сдал плащ в мужскую раздевалку.

– Как все проходит, Эмили? – спросил он работающую там девушку.

Эмили была ярким примером девушек, которых выбирали только за внешность. Выглядела она хорошенькой, так и хотелось ее съесть, и у Джерри иногда мелькала причудливая мыслишка, что нужно изменить Галактическое Законодательство таким образом, чтобы съесть такую девушку не было преступлением, потому что умом она не блистала.

– О, у нас все в порядке, мистер Янг, – ослепительно улыбнулась она.

– И сколько уже проголосовало?

Но Эмили умела считать только до десяти, так что помощи от нее было не много. Джерри оставил ее и пошел искать Вин.

Ждать ему не пришлось. Она только сняла пальто, слегка привела

в порядок платье и волосы и тут же вышла и присоединилась к нему, словно часы их были синхронизированы.

– Да, милая, – с довольным видом сказал Джерри, осматривая ее. – Ты по-прежнему восхитительна.

Она знала, что это так и есть, но вспыхнула, потому что хотела услышать это от него. И стала еще красивее.

На ней было бледно-розовое платье от горла до середины икр, с длинными свободными рукавами. Больше всего платье напоминало полупрозрачную сеть с крупными красными драгоценностями, прикрепленными в стратегических точках.

И Джерри был рад понять, что, несмотря на то, что на любом конкурсе красоты первое место заняла бы Эмили, а Вин – только второе, и что, хотя он был женат на Вин уже четыре года, он не мог представить себе ничего, что предпочел бы сделать скорее с Эмили, нежели с Вин.

Они вошли и оказались сразу среди танцующих. И Джерри тоже закружил жену в вальсе еще до того, как он оглядел собравшихся.

– Неплохо, – пробормотал он, – учитывая, что еще слишком рано. Это не средства, которые мы хотели бы собрать, Вин, это настоящая поддержка. Мы собрали здесь людей не для того, чтобы содрать с них наличные, а чтобы добиться успеха. Нам нужен такой успех. Мы должны победить, но…

– Пожалуйста, Джерри, только не нынче вечером, – умоляюще прошептала Вин. – Сегодня я хочу танцевать с человеком, а не с политической кампанией.

– Тебе просто не нравятся политические кампании, милая, – спокойно сказал Джерри. – Но посмотри-ка на ту парочку…

Вин повернула голову. Элис Масто и Адам Бентли танцевали вместе. Они вцепились друг в друга так неистово, словно в любой момент может появиться кто-то или что-то и разлучить их. Была не видна, но вполне ощутима какая-то тень позади них.

– Им тоже не нравятся политические кампании, – пробормотал Джерри, – но если победят Реалисты, они… А вон еще двое.

Мойра Молин и Боб Дрэйк участвовали в кампании и были не в таком отчаянном положении. Боб являлся кузеном Джерри. Они с Мойрой были умными людьми и знали, что происходит в Галактике. Они давно привыкли к факту, что Мойра родилась на Гринсинге, а Боб на Вестовере, поэтому они постоянно встречались со всякими трудностями. Но они собирались и далее преодолевать их вместе, а не устранить, разойдясь в разные стороны.

– Подумай только, что было бы, если бы ты и я были уроженцами разных планет, милая? – спросил Джерри, потершись щекой о волосы Вин.

– Я все понимаю, но ведь это не так… и сегодня вечером я хочу

наслаждаться балом. У меня новое платье, я со своим любимым и… тьфу!

Она сплюнула с отвращением, увидев, что в тени балкона стоит Маккензи. Разумеется, он был один. Маккензи всегда был один.

– Ну и нервы у него, – пробормотала Вин. – Заявился на наш бал так, словно…

– На улице мы были грубы с ним, – раскаивающимся тоном сказал Джерри. – Давай подойдем и поговорим с ним. Только на этот раз вежливо.

Вин неохотно последовала за ним. Она была честной, открытой душой. И если ей кто-то не нравился, она не хотела быть вежливой с ним. А Маккензи был один из немногих, кого она по-настоящему не любила.

– Этот человек для меня хуже всех, – частенько повторяла она.

Джерри никогда с этим не спорил. Она становилась настоящей мегерой, как только разговор заходил о Маккензи. Она была не столько за АМАБ, сколько против Маккензи.

Джерри пошел к Маккензи, таща за собой Вин. Маккензи заметил их и спокойно поджидал.

Джон Маккензи был из тех людей, которые всегда все замечают и никогда ничего не забывают. Слегка голубоватый оттенок кожи намекал, что он уроженец Ринана. Его речь была почти стерильна, с едва заметными земными оттенками и совсем чуть-чуть с истоверскими. Когда-то Джерри ломал голову над его происхождением, пока не услышал, что Маккензи родился на Метапуре от родителей-землян.

Но, не считая происхождения, внешность его была еще более потрясающей. Нос был крошечным – единственное слабое место на сильном лице. Большой нос более соответствовал бы ему и, возможно, делал бы лицо более подходящим, если не приятным. Подбородок у него был тяжелым, рот широкий, с полными губами – типичный рот человека с сильным характером, который привык частенько сжиматься в тонкую линию. В отличие от носа, глаза составляли единый ансамбль с лицом, но по ним ничего нельзя было прочитать. Это были просто глаза, такие же бесстрастные, как стекло.

– Приятно встретить вас здесь, мистер Маккензи, – приветливо сказал Джерри. – Я и не знал, что вы танцуете.

– Вовсе нет, – отрезал в ответ Маккензи, – у вас неплохо поставлена разведка, так что вы прекрасно знаете, чего я не делаю.

– Типичный маккензиизм, – улыбаясь, ответствовал Джерри. – Ничего не спускать и всегда давать врагу отпор. Но тут вы не правы. Откуда мне знать, что вы не танцуете? Может, вы вообще экс-балерун.

– Вам известно, что у меня нет социальных добродетелей. В отличие от вас и вашей очаровательной жены, – и он поклонился Вин, не

неуклюже, совсем-совсем не неуклюже. – Так что я не могу противодействовать вашей кампании, пуская в ход свое личное очарование.

– Пожалуйста, не надо об этом, – нетерпеливо сказала Вин. – Предполагается, что люди собрались здесь, чтобы наслаждаться.

– А разве не для того, чтобы продемонстрировать, что Все Люди – Братья? – с деланым удивлением спросил Маккензи.

– Только не сейчас. Для всего есть свое место и время.

– Такая позиция будет весьма полезна для меня, – сухо ответил Маккензи.

– О, пойдем, Джерри, – воскликнула Вин, оттаскивая мужа за руку.

Они вернулись в танцевальный зал.

– Опять ты была груба, – укоризненно сказал Джерри.

– Он жулик, жулик и интриган, – горячо парировала Вин.

– Опять двадцать пять! – смеясь, пробормотал Джерри. – Я согласен с тобой, его не волнует, какими методами добиваться результатов, но он достаточно искренен. А знаешь, почему он не нравится тебе, Вин?

– Нет, и знать не хочу.

– Он не нравится тебе потому, что не считает тебя привлекательной.

– Но он считает меня привлекательной! – оскорбленно воскликнула Вин, прекратив танцевать.

– Нет, не считает. Ему не нравятся нормальные девушки. Комплименты, которые он сделал тебе, не искренны, и ты знаешь, что они неискренны. – Джерри помолчал, затем проницательно добавил: – Когда ты встречаешь человека, которому нравятся все женщины, то называешь его бабником. Но когда ты встречаешь человека, которому не нравятся все женщины, ты понимаешь, что он должен быть полной противоположностью первому…

– Но это же отвратительно! – воскликнула Вин.

– Ничуть, – сказал Джерри, но развивать эту тему не стал.

Джерри всегда придерживался принципа, что если двое могут начать ссориться, то кто-то из них должен замолчать. Поэтому он сменил тему.

– Интересно, чего Маккензи нужно от той пары?

Вин повернулась.

– Адам и Элис! Никогда бы не ожидала, что он станет говорить с такой парочкой. Я бы подумала…

– Любой бы подумал то же самое, – согласился Джерри. – Но гляди, он уже отходит от них. Вероятно, он просто болтал о пустяках.

– Когда? – со злостью спросила Вин. – Когда ты видел, что Маккензи с кем-то просто болтает о пустяках?

Джерри промолчал и на этот раз. Остальную часть вечера они были просто обычной молодой парой, наслаждающейся танцами. И

никаких агитационных речей. Джерри больше полагался на здравый смысл людей, чем на любые страстные призывы.

Он был слишком добродушен и знал об этом. Однако, когда его назначили возглавить филиал АМАБ на Истовере, и особенно в Иордании, заинтересованные люди знали, на что он способен. Так что он не пытался превратить себя в еще одну копию Маккензи. Он продолжал оставаться Джерри Янгом, искренним, но не фанатичным, компетентным, но звезд с неба не хватал, и работе отдавал не двадцать четыре часа в сутки, а не более шести, в общем, молодой человек, уверенный, что его дело правое, но не собирающийся предпринимать экстраординарные меры для гарантии.

Он боролся за людей, как его кузен Боб за принципы, ради идеала. Он не был озабоченным или предубежденным. Он был честен, разумен и неспособен на излишества, особенно в эмоциональном плане.

Сейчас это была просто очередная задача.

III

СИДЯ В НОЧНОМ кафе за чашкой кофе, Маккензи тоскливо глядел сквозь черный, мокрый квадрат окна на улицу.

Там, под дождем, вели тихий, бескровный, но отчаянный бой плакаты. Везде, где появлялся плакат Реалистов, тут же за ним возникала афиша АМАБ. А где надпись АМАБ находила себе убежище на одинокой афишной тумбе, тут же из мрака появлялся противоположный призыв Реалистов и хватал ее за глотку.

«ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДИН РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ!» – заявляла афиша АМАБ.

И рядом с ней плакат Реалистов вопил громадными буквами: «ВЫ ПРЕСТУПНИК», а дальше, шрифтом поменьше: «...если хотите ввергнуть своих детей в пожизненное несчастье».

На другом плакате АМАБ был известный уже всем лозунг: «ВСЕ ЛЮДИ – БРАТЬЯ».

Реалисты тут же умно парировали его: «БРАТЬЯ-ТО БРАТЬЯ, НО... СВОДНЫЕ».

В этом и была суть проблемы.

Была куча других проблем, связанных с братством, множество вопросов, которые улаживались в многочисленных населенных пунктах и больших городах по всей Галактике, но теперь настала очередь смешанных браков.

АМАБ поддерживала свободный брак между членами любых рас, а Реалисты выступали против него. Это был вопрос дня. Вопрос, на который должен ответить каждый житель Галактики, который считался психически здоровым, достиг двадцати одного года и имел

право голосовать. Это была кампания, которая проводилась в каждом колонизованном мире.

И, конечно же, обеими сторонами было много чего сказано. Иначе конфликт, возможно, не разросся бы настолько. Почти что накануне дня голосования никто не мог предугадать, чем дело кончится.

АМАБ стояла на том, что все расы, хотя и отличались теперь друг от друга, первоначально вели свой род с Земли. То есть, был лишь один Человеческий Род. Так что смешанные браки возможны и нигде не могут быть запрещены. Не должно быть никаких предубеждений, никаких расовых различий, никаких «мест для цветных». Все различия находились в рамках единого рода, поэтому люди должны просто считаться людьми, безотносительно их цвета, внешности, национальности или места рождения.

Реалисты возражали, что все это красиво звучит, но невыполнимо на практике.

Расовые различия являются фактом, и бесполезно притворяться, будто бы их не существует. Это же касается предубеждений относительно цвета кожи и различий во внешности. Считайте, если хотите, всех людей братьями, заявляли Реалисты, но не женитесь на девушке другой расы и не позволяйте своей сестре выскакивать замуж за инородца. Реалисты утверждали, что человечеству нужна одиннадцатая заповедь. Они хотели, чтобы браки заключались лишь между людьми одной расы.

И сразу же возникли осложнения, острые проблемы, особые случаи и бесконечные споры. АМАБ кричала, что Реалисты хотят разделить Галактику, уничтожить торговлю и всякое другое общение. Какая незамужняя женщина полетит в тот мир, где ни один мужчина не женится на ней? Какой мужчина захочет устроиться на работу в мире, где девушки будут с ним вежливы, но и только? И выходит, Земля, прародительница всех рас, должна прекратить колонизировать новые миры? И земляне тоже не могут вступать в браки ни с кем иным?

Реалисты парировали, что они обеспокоены сложившейся ситуацией, которой не было пятьсот лет назад и, кто знает, может не быть еще через пятьсот лет. Через пятьсот лет люди могут стать готовыми к идеям АМАБ, когда идеи АМАБ станут преобладать в Галактике. А пока что браки между явно различными расами, как, скажем, жители Скарисака и Ринана, должны быть запрещены. На сложном вопросе о Земле Реалисты сами раскололись на две группировки.

Некоторые не признавали различий. Другие считали, что Земля, материнский мир, всегда будет на особом положении и никакие запреты не могут стоять между Землей и любым другим миром.

Маккензи хмурился, пока его взгляд переходил с плаката на плакат. В лозунгах почти никогда не было ничего, кроме эмоциональ-

ного призыва, и было ясно, что лозунги АМАБ, плакаты АМАБ и, вообще, идеи АММАБ были эмоционально сильнее, чем доводы Реалистов. Реалисты предпочитали обсуждать и спорить. Маккензи, как первоклассный пропагандист, предпочитал вообще не спорить. Он знал, что пламенный призыв стоит больше сотни любых аргументов.

Например, все люди – братья. Его сторона, Реалисты, парировали это тем, что братья-то сводные, а не по крови. Первое было обращение к эмоциям, второе – аргументом в споре. Маккензи, как опытный, компетентный политический деятель, вообще не стал бы думать, какому обращению отдать должное, если бы у него был выбор…

Маккензи услышал позади шаги.

– Выпейте по чашечке кофе, – пригласил он.

Он подождал, пока двое его гостей согласятся и сядут. Пока что они еще могли отказаться и объяснить, что только что пришли и не хотели бы, чтобы их беспокоили. Но через несколько секунд было бы уже слишком поздно.

Когда стало слишком поздно, когда они уселись и им подали кофе, Маккензи негромко сказал:

– Вы пришли сюда… значит, вас интересует мое суждение. Может, вы расскажете мне немного больше о себе, прежде чем мы пойдем дальше.

Элис и Адам поглядели друг на друга. Их взгляды сказали Маккензи почти все, что он хотел бы знать, – то, что они очень любили друг друга, отчаянно нуждались в деньгах и уже решили согласиться на что угодно.

Элис было не больше девятнадцати. Янтарные глаза, осиная талия и явно сильные ноги безошибочно выдавали в ней мидинанку. Теоретически, различий почти не существовало. Не только у мидинанок были янтарные глаза, талия, на семнадцать дюймов меньше бедер и ноги тех же пропорций, что и у Элис. Но любой, кто побывал на Мидине, сразу бы идентифицировал ее.

Адам, в свою очередь, был явным факвистанином. Желтоватая, гладкая кожа, мощная, отрывистая походка и огромные ступни были характерны для уроженцев Факвистана.

– Что вы хотите знать, мистер Маккензи? – спросила Элис.

Она пыталась держать себя в руках, но все время нервно облизывала губы.

– Вы можете сыграть в спектакле? – спросил Маккензи. – Вы оба?

– Да, конечно. Мы как-то уже выступали на сцене в кабаре.

– Вы хотите жениться. А почему вы еще не женаты?

Молчание. Элис и Адам вновь обменялись взглядами.

– Не потому ли, случайно, что кого-то из вас разыскивает полиция. И вы боитесь…

– Нет! – резко прервала его Элис, она явно была в этой паре лидером. – Если уж так хотите узнать, мы просто не можем позволить себе жениться. Вот и все. Мы хотим денег, мы нуждаемся в деньгах, но мы не преступники, и вы ничего не можете использовать, чтобы шантажировать нас.

– А кто говорит о шантаже? – удивился Маккензи.

– Да, но мне кажется, вы были бы рады узнать что-то такое, что дало бы вам власть над нами. Так вот, ничего подобного не существует.

– Тем лучше, – спокойно ответил Маккензи. – Преступники были бы мне бесполезны. И еще одно… Естественно, вы – сторонники АМАБ?

Элис поколебалась, затем кивнула.

– Вы знаете, что я выступаю против АМАБ – и все равно продолжаете меня слушать?

Еще один решительный кивок.

– Какой же в этом смысл? – требовательно спросил Маккензи.

– Мы надеемся, что АМАБ все равно победит. То, что произойдет здесь, на одном из множества миров, никак не повлияет на все остальные.

Она попыталась взглянуть на него вызывающе, но невольно отвела глаза прежде, чем Маккензи успел шелохнуться.

– Если мы сделаем то, что вы хотите, – пробормотала она скорее Адаму и самой себе, чем Маккензи, – то вряд ли это будет иметь такой эффект, какого вы хотите добиться. А даже если и будет, то какое все это имеет значение… а мы так нуждаемся в деньгах…

Маккензи кивнул. Он был готов к подобному. Элис мыслила рационально, как и все, кому то, что было им трудно, предлагалось за счет чего-то, чего они не желали, но что все равно не смогло бы произойти. Люди продали бы собственную голову, если бы цена была достаточно великой, и при этом им кто-то авторитетный гарантировал, что они прекрасно смогут жить и без головы.

Элис и Адам отказывались считать, что все, что бы они ни сделали, может повлиять на большое, очень большое дело. Они думали, что смогут получить свой крохотный кусочек пирога и съесть его.

Конечно, они могли оказаться правы, но Маккензи так не думал. Маккензи редко делал что-либо, не имеющее смысла, и уж тем более не собирался выкидывать на ветер немалую сумму из фондов Реалистов.

Маккензи ушел, а Элис и Адам немного задержались в кафе.

– Он точно знал, сколько предложить, – с горечью сказал Адам. – Не слишком мало. Ровно столько, чтобы мы не могли отказаться… Мы ведь не могли отказаться, не так ли, Элис?

– Не могли, – кивнула Элис. – Реалистам это ничем не поможет,

а нас вытянет из трудностей, мы можем улететь и начать все сначала где-нибудь в другом месте... И вообще, какая разница, что мы скажем?

– Не знаю, – медленно произнес Адам. – Но ведь это действительно не будет иметь значения?..

– Может и нет, но что, если все так решат? – сказала Элис, находя новые аргументы против теперь, когда было уже поздно. – Все и повсюду, а не только в Иордании. Он взял с нас письменное обещание не вступать в брак... сказал, что это все испортит, если мы поженимся. Но, предположим, будет принят закон, который не разрешит нам жениться?

Адам резко рассмеялся.

– Черт, да это вообще не должно нас волновать. Мы немедленно поженимся, как только получим деньги. И тогда уж никакой закон не сможет затронуть нас. Я только волнуюсь по поводу того, что мы должны сделать. А мы в состоянии довести это до конца?

– Я – да, – заявила Элис. – Я волнуюсь только из-за тебя... хотя у тебя самая легкая часть.

– Легкая? – воскликнул Адам.

– А ты бы хотел, чтобы это сделала я?

– Это было бы еще хуже.

– Не надо спорить, любимый. Теперь мы должны довести все до конца. Мы обещали. А потом мы немедленно улетим туда, где тепло и много солнца.

– И женимся, – сказал Адам.

– До конца подсчета бюллетеней, – добавила Элис. – На всякий случай.

– Но ты ведь не думаешь...

– Теперь не над чем думать. Мы ведь хотим жениться, как только сможем, не правда ли?

В их объятиях сквозило отчаяние... но не восторг. А за спиной были тени. Тени были всегда у них за спиной, куда бы они ни пошли.

И они не понимали, что сами придумывают эти тени, потому что такие уж они люди.

IV

ДЖЕРРИ И ВИН видели, как все произошло.

Они почти никогда не ходили в ночные клубы, но Вин, которую тянуло к ярким огням и сладкой музыке, настояла на том, чтобы уравновесить тоскливый день, проведенный на встречах АМАБ и митингах. Поэтому, когда Элис, Адам и немногие другие начали отрабатывать свои деньги, им помогли любители, которые понятия не

имели, что тут выступают профессионалы. Джерри и Вин как раз оказались в самой гуще событий.

Иордания никогда не считалась горячей точкой Истовера. Напротив, у нее была репутация трезвомыслящего, солидного города, своего рода флюгера, указывающего всей планете, куда дует ветер. И если в Иордании что-то происходило, никакие другие города не стали бы возражать против этого.

Ночные клубы Иордании, включая «Космический прыжок», были учтивыми и изысканными без всякой лихорадочности. Любой, кто перебрал, был бы вежливо выставлен вон. На девушках из кабаре никогда не было слишком мало или слишком много одежды. Песни и представления были всегда приличными. Азартные игры строго законными, открытыми и проходили регулярные проверки.

– Можно мне поговорить об АМАБ, милая? – спросил Джерри, пока они потягивали «Кюрасао».

– Конечно, если хочешь, – усмехнулась Вин. – Прошлая ночь была особой. Тогда я хотела только тебя, чтобы между нами не всунулась АМАБ.

– Сегодня ты выглядишь еще прелестнее, чем вчера вечером.

– Это не совсем то, что я бы хотела, – пробормотала Вин, – но мне не на что жаловаться. А теперь можешь говорить все, что хочешь, об АМАБ, и я буду соглашаться с каждым твоим словом.

Джерри улыбнулся, затем нахмурился, потому что его мысли перескочили с Вин на развертывающуюся кампанию.

– Маккензи тоже вроде бы спокоен, – сказал он. – Естественно, он собирается что-то сделать, и я был бы счастлив, если бы узнал, что именно. Но я не знаю, а, значит, не могут принять никаких контрмер.

– Стоит ли действительно о чем-либо волноваться, Джерри? – спросила Вин. – Я хотела сказать, если ли у Реалистов шанс где-нибудь добиться победы?

– В принципе, есть. Особенно здесь, на Истовере, где операцией заправляет Маккензи.

– Но даже если проголосуют не в нашу пользу, разве можно принять закон против смешанных браков?

– Ну, да… Можно, конечно. Это будет своего рода одиннадцатая заповедь. На Земле Реалисты давно в большинстве. Им нужно лишь получить вотум доверия, чтобы продолжить свою программу. Если всеобщее голосование окажется в пользу Реалистов, новый закон будет принят автоматически, и не будет никаких задержек, чтобы начать им пользоваться.

Вин сделала нетерпеливый жест рукой, словно устала и хотела, чтобы от нее отвязались. Она уже забыла, что собиралась соглашаться с каждым словом мужа.

– Но нельзя же просто взять и запретить смешанные браки.

– Да можно! Реалистам нужно лишь решение большинства, тогда и поглядишь, как можно запретить смешанные браки.

– А что относительно тех браков, что уже заключены?

– Разумеется, их не аннулируют, – не очень-то весело ответил Джерри. – Но смешанным парам легче от этого не станет. На них станут показывать пальцами, над ними будут смеяться, какой-нибудь местный карикатурист поместит в газетку карикатуры…

Вин отрицательно покачала головой.

– Люди не такие уж плохие, – заявила она. – На самом деле, хороших людей очень много.

– В среднем, возможно. Но будет достаточно одного козла на город, чтобы все испортить.

Вин не смотрела на него.

– Погляди-ка, тут Боб с Мойрой, – сказала она и кивнула сидящим за столиком чуть ниже балкона, где был их столик.

Поймав ее взгляд, Мойра помахала рукой. То же самое сделал и Боб.

– Возьмем Мойру и Боба, – сказала Вин. – Мойра родилась на Гринсинге, а Боб – здесь. Они хорошие люди. Неужели ты думаешь, что они… они бы…

– Да, – спокойно сказал Джерри. – Предположим, Мойра и Боб вступят в брак – Реалисты победят и будет принят закон против смешанных браков. Хочешь знать, что произойдет тогда с Бобом и Мойрой? – Нахмурившись, он уставился на кузена и Мойру. – Я много думал об этом, – сказал он. – Говорил об этом с Бобом, и он соглашался со мной. Он знает, что тогда бы произошло, но… Джерри покачал головой. – Предположим, больше не станет смешанных браков. Тогда все смешанные пары, которые давно уже женаты, станут причудой. Люди станут шептаться и пялиться на них всякий раз, когда Боб и Мойра будут появляться где угодно…

– Я знаю, – воскликнула Вин. – Так всегда происходит, когда люди… когда кто-нибудь отличается от остальных. Но какой вред может это им причинить?

– Предположим, – вздохнул Джерри, – они пойдут вместе на танцы. Там будет толпа, и среди них мужчины, женщины, девушки, которые выпили слишком много. Всегда есть такие. Кто-то из них заметит Боба и Мойру, и у него возникнет великолепная, как ему покажется, идея. Он подойдет к ним сзади и станет кривляться. Люди станут смеяться. А те, кто смеяться не будет, не захотят вмешаться. Поощренный смехом, кривляка будет продолжать свою клоунаду. Мойра и Боб станут игнорировать его, пока это возможно. Он бросит монету в вырез платья Мойры, и она зазвенит на полу. Потом он повиснет у Боба на плече, и Боб все еще ничего не станет де-

лать. Кривляка наступит на подол платья Мойры, и оно порвется, и смех окружающих станет громче. После этого Бобу придется дать отпор. Но Боб с Мойрой, будучи разумными людьми, все еще не станут затевать драку. Они попробуют просто уйти. Но кто-нибудь, скорее всего, какая-нибудь девица, схватит Мойру за разорванное платье, и Боб кого-нибудь оттолкнет, или его оттолкнут. Это уже будет неважно. Боба с Мойрой изобьют – и так будет всегда. Бить будут всегда их, и никогда – кривляку с дружками.

– Но, – заспорила Вин, – Ведь Боб с Мойрой ни в чем не…

– Уже не будет иметь никакого значения, – перебил ее Джерри, – что сделают Боб и Мойра. Рано или поздно их вынудят принять ответные меры.

– Тогда им нужно будет просто держаться подальше от танцев и таких мест, где люди могут совершить подобное.

Джерри опять покачал головой.

– Если примут этот закон, не будет иметь значения, куда они пойдут. Предположим, они окажутся в уличной толпе. Их станут намеренно толкать – сначала в шутку. Они попытаются держаться вместе и идти своей дорогой, но окружающих это начнет раздражать. Они станут вести себя более грубо. Боба собьют с ног, наступят ему на руку, Мойре кинут в спину спелым помидором…

– Глупый какой-то у нас разговор, – нетерпеливо сказала Вин. – Мы воображаем, что может произойти, если произойдет кое-что другое…

– Да, конечно, – криво усмехнувшись, сказал Джерри. Но все, что когда-либо происходит, прежде могло бы произойти, если бы произошло что-то еще…

Раздался громкий грохот, за ним целая серия более тихих звуков. Собравшаяся группа людей заколыхалась, а затем, как всегда бывает в ночных клубах, всеобщий шум прорезал чей-то вопль.

Джерри и Вин поглядели с балкона вниз. Все смотрели в том же направлении. Столик там был перевернут, и ложки, вилки, тарелки разлетелись по полу.

– Там Адам Бентли… и Элис! – воскликнула Вин.

Адам и Элис стояли над опрокинутым столиком. Элис кричала что-то неразборчивое. Потом она резко наклонилась, схватила из хаоса на полу бутылку и одним движением запустила ее Адаму в голову. Адам пригнулся. Бутылка пролетела над ним, ударилась о столик ярусом ниже и раскололась с таким грохотом, что музыканты на эстраде перестали играть.

Адам бросился к Элис и одним движением разорвал на ней платье. Элис закричала, нагнулась и швырнула в него еще одну бутылку.

На этот раз она не промахнулась. Бутылка ударила Адама по голове, отлетела и разбилась об пол.

Элис представляла собой гротескную, полуобнаженную фигуру, причем отнюдь не привлекательно полуобнаженную. Скорее, она походила на проститутку самого низшего пошиба.

Неудивительно, что кто-то так и сказал. Но, вероятно, не стоило выражаться так громко, с таким количеством непристойностей и грязных словечек, и уж тем более не стоило обобщать это, говоря о вонючих мидинанках.

Кто-то в ответ закричал, что любой мидинанин стоит полсотни еще более вонючих факвистанинов.

Чтобы опровергнуть это утверждение, Адам нанес такой удар Элис, что она, пронзительно вопя, отлетела к ограждению балкона.

– Маккензи! – воскликнул Джерри.

Ему стало внезапно очевидно, что все это спектакль, за которым стоит Маккензи. Все это не походило на Адама. И совсем уж не походило на Элис. Когда они вопили, дрались и хватали друг друга, они были отвратительными и отталкивающими – потому что вся сцена была спланирована так, чтобы быть максимально отвратительной и отталкивающей.

Но к тому времени никто уже не глядел на Адама и Элис. Беспорядки распространялись. Начавшаяся на нижнем этаже драка докатилась до балконов. Боб Дрэйк вскочил на ноги, когда в спину ему прилетел стакан.

Джерри тоже вскочил.

– Не будьте дураками! – закричал он. – Вы что, не видите, что все это спланировано заранее. И все, кто примет в этом участие, просто будет играть на руку…

Но голос его утонул в реве, потому что кто-то бросил тарелку с горячим супом на платье Мойры, и она запрыгала, крича от боли. Мойра и Боб находились посреди зала и были ярко выраженной смешанной парой. Видя, как они мечутся, люди ринулись к ним, часть хотела их защищать, а другая – напротив.

Какой-то здоровяк, опустив голову, бросился на Боба, но Боб, хладнокровно и эффективно встретил его ударом колена в лицо. Здоровяк пошатнулся и замахал руками, задев при этом с десяток человек.

После этого стало уже непонятно, кто «за», а кто – «против».

Кто-то ударил Адама так, что тот рухнул без сознания, и никто не заметил, что Элис тут же перестала вопить и с тревогой склонилась над ним. Фокусом бунта стали безобидные Мойра и Боб. То, о чем говорил Джерри, осуществилось, не успел он досказать до конца. Однако он не был абсолютно прав. Они с Вин, беспомощные,

видели, что лишь немногие пытались напасть на Мойру или Боба, остальные хотели защитить их. Правда, эффект был почти таким же.

Человек, которому удалось добраться до Мойры неизвестно с какой целью, получил такой удар в почку, что далеко отлетел по полированному полу. Какая-то девушка плюнула в Боба, и на нее тут же налетели две женщины, которые стали рвать ее за волосы, исцарапали лицо и плечи.

Оружие не было пущено в ход, использовались лишь несколько бутылок. Не было ни паники, ни жажды крови. Но головы были окровавлены, лица расцарапаны, одежда порвана, а ноги в синяках от пинков. Женщинам тоже досталось под прикрытием всеобщей шумихи.

Даже Джерри и Вин пришлось вступить в драку. Джерри почувствовал себя обязанным сбить с ног человека, который напал на совершенно беззащитную пару за соседним столиком, хотя он отлично понимал, что это втянет его и Вин в неприятности. Так оно и случилось. В течение следующих нескольких минут ему пришлось защищать Вин. Вин была молода, но не сильна и не жестока.

Наконец, прибыла полиция, и постепенно все успокоилось.

У двух мужчин были сломаны руки, у троих – ребра, полдюжины сотрясений мозга и у десятков людей порезы и ушибы – таков был итог. Клубу были причинены значительные повреждения, к неудовольствию его владельцев.

Но «Космический прыжок» не стал выдвигать никаких обвинений. Адам, Элис и остальные первоначальные нарушители спокойствия благоразумно исчезли. Полиция, не желая портить себе отчетность, не стала увлекаться арестами, если их можно было избежать. А их можно было легко избежать. Большинство людей хотело всего лишь вернуться домой без дальнейших проблем. В полицию попали лишь те, кто жаждал продолжения праздника.

Одна пара упрямилась дольше остальных – Мойра и Боб. И у них были на то причины. Рубашка у Боба была порвана на спине, лицо расцарапано, ребра болели, а лодыжка распухла. Мойра плакала, больше от шока, чем от боли. Ее одежда была в еще более худшем состоянии, чем у Элис. Так что у них были права требовать справедливого разбирательства, и они не намеревались никому позволить спустить это дело на тормозах.

Но они взяли обратно свои заявления после нескольких слов Джерри Янга.

Джерри мог предугадать следующий ход Маккензи, он был очевиден, и так же очевидно было то, что АМАБ никак не может этому помешать. Если бы они с Вин заявили, что видели Маккензи с Элис и Адамом, то Маккензи мог бы полностью отрицать это, или заявить,

что нет никаких доказательств, будто у них существует какая-то договоренность. Нет, Маккензи наверняка замел за собой следы.

А Мойра и Боб, подав официальные жалобы, лишь сыграли бы на руку Маккензи. Чем больше огласки получит это дело, тем более рад будет Маккензи.

– Маккензи выиграл этот раунд, – сказал Джерри жене. – И все, что мы можем сделать, так этот выиграть следующий.

– Как это он выиграл его? – с негодованием спросила Вин.

– Увидишь в завтрашних газетах.

– Но даже если это и так, – с сердечной улыбкой заявила Вин, – я не думаю, что Маккензи сдался бы так же легко, как ты, Джерри. Он никогда не признал бы, что проиграл раунд.

– Нет. Он продолжал бы бороться и дальше, сильнее и грязнее, чем буду я.

– Но я не хочу, чтобы ты грязно боролся, – вспыхнула Вин. – Я не хочу, чтобы ты походил на Маккензи. Но я не хочу, чтобы он победил тебя, Джерри.

Джерри усмехнулся. Его проблема была в том, что он всегда умел встать на точку зрения собеседника.

– Мне кажется, Маккензи достаточно искренен, – сказал он. – Он может не особенно верить в этот закон, но он верит в партию Реалистов, а мы являемся их оппозицией. И Маккензи верит в то, что цель оправдывает средства.

– Ты хочешь сказать, – недоверчиво спросила Вин, – что он был прав, устроив вчерашнее побоище?

– О, нет, – спокойно ответил Джерри. – Я только имею в виду, что это не сказало мне ничего новенького о Маккензи. Я уже знал, что он сделает что-то, чтобы получить результат, которого добивается…

Зазвонил телефон. Джерри взял трубку. Вин видела, как лицо его напряглось.

– Мойра? Опять? Грязные свиньи! Как будто ей было еще не достаточно… Надеюсь, теперь она в безопасности? Ну, хоть что-то… Ты не можешь опознать никого из мужчин? – Длинная пауза, затем: – Нет, не думаю, что это наемники. Скорее всего, просто пьяницы, которых воодушевили вчерашние события. – Еще одна пауза, затем Джерри неуверенно сказал: – Я понимаю, что ты хочешь отомстить им, чем только сможешь, и АМАБ, конечно же, окажет посильную помощь. Конечно, приезжай завтра с утра, и если все, что ты говоришь…

Когда он повесил трубку, Вин быстро спросила:

– Что случилось с Мойрой?

Лоб Джерри, начавший вроде бы очищаться, опять нахмурился.

– Три хулигана напали на Боба и Мойру, когда он отвозил ее домой, – сказал он. – Бобу почти не причинили вреда, а Мойру ударили

по голове, сломали два ребра, а когда она упала, стали пинать ее ногами… Теперь она в больнице.

Вин побледнела от ярости.

– Наверное, ты опять скажешь, что нет никаких причин сердиться на Маккензи?

– Я уверен, что Маккензи не имеет никакого отношения ко всему этому. Он просто выпустил джинна из бутылки…

– Должна заметить, что он действительно выпустил джинна, да еще какого! – неистово парировала Вин. – Он направил толпу на Мойру и Боба, они избиты… по-моему, он должен нести за это ответственность, фактически, он спланировал это нападение, не так ли? Какая тут разница?.. – Она задохнулась от ярости и замолчала.

Джерри принялся было что-то говорить, Но Вин была уже в бешенстве и перебила его.

– Джерри, мы должны победить! Сначала меня все это не интересовало, но теперь мы просто не можем позволить этой скотине растоптать нас. Я не верила тому, что ты говорил сегодня вечером, но теперь верю. Подумать только… Мойра с Бобом всего лишь хотели приятно провести вечерок и никому не мешали! И лишь потому, что Меккензи хочет добиться политического успеха, Мойру и Боба преследуют, оскорбляют, избивают на глазах у людей. Это уже было плохо, но потом мы услышали, что Мойра в больнице, покалеченная тремя головорезами, которые хотели убить ее… – Вин была почти в истерике.

– Не стоит так переживать, милая, – Джерри был по-прежнему спокоен. – Я знаю, что это плохо. Я не собираюсь поздравлять с этим Маккензи. Я лишь говорю, что происходит все то, с чем мы начали бороться. Ничего, в общем-то, не изменилось.

– Мы должны получить на голосовании большинство, ради Боба и Мойры, – настаивала Вин.

– Да, ради Боба и Мойры, – согласился Джерри.

Но он думал не так, как жена. У него перед глазами стояла более широкая перспектива.

Если за АМАБ не проголосует подавляющее большинство, то, что случилось с Мойрой и Бобом, станет происходить повсеместно в любое время – потому что тогда это будет поддержано общественным мнением и законом.

V

УТРОМ ДЖЕРРИ встал рано, принес кучу документов и вывалил их на кровать.

– Ты меня больше не любишь! – завопила Вин.

– Не сейчас, – мрачно отозвался Джерри. – Мне надо подумать. Посмотри пока передачи.

Десять минут спустя Вин сказала:

– Джерри, я не хочу показаться тупой дурой, но я все равно не понимаю, что ты имел в виду вчера вечером, когда сказал, что газеты покажут, победит ли Маккензи. Вчера вечером была заварушка, но…

– Вот именно, – прервал ее Джерри. – Милая, ты сама там была, а заметки достаточно честны. Но, возможно, поэтому ты и не видишь полного значения всего этого. Вот если бы тебя там не было и ты не знала, что за всем стоит Маккензи, как бы это выглядело? Драка в ночном клубе из-за расовых проблем. Драка между смешанной парой разожгла расовые беспорядки. Она только искорка, которая воспламенила отрицательные эмоции по отношению к предложению, выставленному АМАБ на референдум. И вот на другую смешанную пару нападают, когда они едут домой – и девушка оказывается в больнице. Это ведь не похоже на то, что «Все люди – братья? Не так ли?

– Я понимаю… – протянула Вин. – И еще кое-что. Адам и Элис выглядели действительно отвратительными – как и было задумано. И глядя на их драку, окружающие почувствовали, что людям различных рас нельзя разрешать вступать в браки.

– Совершенно верно, – кивнул Джерри, – и можешь заметить, что газеты не упустили суть всего этого. Там написано, что подрались не мужчина и женщина, а мидинянка и факвистанин. Я не хочу сказать, что на газеты было оказано давление, просто некоторые принадлежат партии Реалистов. Я должен поздравить Маккензи – весь инцидент был тщательно спланирован и разыгран, чтобы сделать ясным для всех: утверждение, что «все люди – братья», всего лишь лакировка. А если ее стереть, то все мы готовы без колебаний пойти на любых членов иных рас.

– Какой шесток, такая и пташка, – злобно пробормотала Вин. – Какой грязный способ заполучить себе голоса!

Джерри пожал плечами. Для него все это было не столь важно, как для Вин.

– Маккензи не намного хуже любого адвоката по уголовному праву, – заметил он, – всеми способами, макая в грязь своих противников, хотя прекрасно знает, что клиент его грешен, как сам ад. Сейчас более важно: как нам вернуть потерянные позиции?

Джерри на полном серьезе задал этот вопрос Вин, поскольку, хотя никто не назовет ее великим мыслителем или выдающимся политиком, или компетентным психологом, но у нее был дар видеть правильный план действий, хотя частенько она сама не знала, как это у нее получается. Ей не нравилось, когда это называлось женской интуицией, но это именно она и была.

– Н-ну, что собирается сделать Боб Дрэйк нынче утром? – пробормотала Вин. – По-моему, что-то связанное с картиной?

Джерри задумчиво поглядел на нее.

– Думаешь, в этом что-то есть? Я пока что ничего не вижу. Боб хочет, чтобы мы запустили агитационные плакаты с картиной. У него есть картина, на которой он нарисовал Мойру, и Боб думает, что мы должны использовать ее для изложения идеи АМАБ: Мойра из Гринсинга, как символ красоты женщины иной расы.

Вин издала восхищенный возглас.

– Вот именно, Джерри! На картине Мойра – невеста художника, – которая лежит в больнице, избитая бандитами, явно Реалистами. Это та самая пропаганда, какая нам нужна! Если вы хорошо изложите эту историю…

– Я понял, что ты имеешь в виду, – с трезвым интересом сказал Джерри. – Но откуда нам знать, что картина Боба будет подходящей?

– Будет, будет, – нетерпеливо сказала Вин. – Это именно то, что нужно, Джерри! Расскажи историю Боба и Мойры – ты знаешь о них больше, чем я, – как они любят друг друга, как собираются пожениться, и как на них напали вчера вечером. В качестве иллюстрации используй картину, расскажи, как она была создана влюбленным художником… Ты можешь сделать это гораздо лучше меня.

– Да, но предложила это ты, – все еще не слишком уверенным голосом сказал Джерри. – Ну, раньше ты не раз оказывалась права, милая, когда мне казалось, что на это нет никаких шансов. Надеюсь, ты будешь права и на этот раз. Интересно, что за картину нарисовал Боб?

Им не пришлось долго ждать. Вин все еще думала о том, что пора вылезать из постели – на которой провалялась все утро, – когда приехал Боб. Вин быстренько вскочила с кровати, накинула пеньюар и прошла в гостиную следом за Джерри.

В дверях Джерри на секунду остановился.

– Это все, что ты собираешься надеть? – спросил он.

– Да.

– Но почему?

– О, я просто подумала, что не стоит шикарно наряжаться, в то время, как девушка Боба лежит в больнице, – пробормотала Вин и скользнула легким поцелуем по его губам.

Однако, Боб не обратил никакого внимания на одежду Вин. Он не любил отвлекаться. Он был оживленным и деловитым, несмотря на перевязанную голову. Гораздо больше он походил на продавца, нежели на художника.

– Прежде всего, – сказал он, – вам нужно увидеть картину, о какой я вам говорил. Я знаю, ты не считаешь это важной частью плана, Джерри, но…

– Но я так считаю, – вмешалась Вин. – Покажи мне ее.

Боб развернул лист, который держал в руках. Он всегда работал на бумаге цветными карандашами.

– Смотри, Джерри… Что я тебе говорила? – торжествующе воскликнула Вин.

И, глядя на картину, Джерри постепенно начал приходить в восторг от того хода, который придумала Вин.

Это была не просто очаровательная картина. Джерри видел гораздо более симпатичных девушек, более обольстительных девушек, более сексуальных девушек – но такой девушки он еще не видал. Она выступала из бумаги, молодая, теплая, живая и… экзотичная. Именно это тут же поразило Джерри, и он уже не мог оторвать от картины глаз. Это было именно то, чего хотела добиться АМАБ: девушка, которая была явно чуждой (для всех, кроме жителей Гринсинга), и одновременно сенсационно привлекательной, причем не только из-за секса. Взгляд на Вин показал ему, что она тоже поражена картиной. Мойра – в данном случае, Мойра глазами Боба, – была редким типом девушек, которые могут очаровать и мужчин, и женщин.

– Ты написал ее для АМАБ, Боб? – спросила Вин.

– Нет, я вообще не хотел показывать эту картину. Я написан Мойру для себя. Но вчера вечером… – Впервые в нем проявился гнев, тихая ярость, которую меньше всего можно было ожидать от художника. – Джерри, я видел, как они пинают Мойру. Я держался за стену, пытался подняться и не мог, но я все видел. Можешь представить, каково это, когда твоя девушка лежит на земле, и ее пинают мужчины? Представь, что это происходит с Вин, а ты все видишь и ничего не можешь сделать.

– Я могу себе это представить, – спокойно сказал Джерри.

– Ну, так вот, это, конечно, немного, но это все, что я могу сделать. Я подумал, что если бы люди увидели эту картину, то, может быть, они бы возненавидели тех, кто…

– Это сработает, Боб, – сказала Вин. – Должно сработать. У всех есть сентиментальные жилки, так что все, что мы должны сделать, это показать картину и объяснить, что Мойра лежит сейчас раненая в больнице…

– И они проголосуют за АМАБ, – закончил Джерри. – Действительно, в нашем случае апеллировать к здравому смыслу – слабый ход. Но обращаться к эмоциям – это то, что нам нужно, чтобы противодействовать удачному ходу Маккензи вчера вечером.

– Причем здесь Маккензи? – резко спросил Боб.

Джерри пришлось рассказать, что он знает и предполагает об участии Маккензи в беспорядках. Боб тут же вскипел.

– Значит, именно он ответственен за все это. Я должен ему каким-то образом отомстить.

– Это и будет твоя месть, – ответил Джерри, кивнув на картину. – Мы немедленно загрузим работой принтеры.

АМАБ РАССКАЗАЛ городу историю Мойры и показал картину. Еще до вечера везде появились красивые плакаты с картиной и подписью: «Эту девушку попытались убить Реалисты!» Картина появилась во всех поздних выпусках вечерних газет, по всей планете стали раздавать специальные брошюры.

Почти сразу же стало ясно, что этот ход пользуется именно таким успехом, как предсказала Вин. В больнице, штабе АМАБ и редакциях газет весь день не смолкали телефоны. Все хотели побольше узнать о Мойре и Бобе, и о том, как чувствует себя Мойра. Люди посылали подарки, деньги и обещания поддержки.

– Но это ведь трагедия, – философски вздохнул Джерри, – что такая большая, важная проблема должна быть решена с помощью пропаганды.

Вин сделала небрежное замечание, которое показывало, насколько она способна к анализу.

– А ты когда-нибудь слышал о большой, важной проблеме, которая была решена как-то по-другому?

Стало ясно, что история Мойры должна быть доведена до конца. Было достаточно легко найти девушку, которая могла бы прийти ей на смену. Мойра была интересной девушкой, но ведь не единственной же в Галактике. Труднее было с последующей картиной. Боб работал день и ночь, но не смог выдать ничего, что не оказалось бы разочарованием после чудесного портрета Мойры. Он сделал лучшую свою вещь, и теперь не мог ее превзойти.

Фотографироваться Мойра никогда не любила, и несколько ее снимков были признаны неподходящими. Наконец, у Вин возникла идея, и Джерри сам сфотографировал Мойру в больнице во время сна. Вместе со снимком была переиздана картина Боба. Вместе они создавали мрачный эффект.

– Мне кажется, – с довольным видом сказал Джерри, – мы вернули все позиции, которые потеряли, и даже с лихвой.

С сотен рекламных щитов умоляюще глядело лицо Мойры Молин, нанося удар в сердце каждому мужчине и каждой женщине, которые были хоть как– то виновны в расовой дискриминации, всем тем, кто отказывался считать, что все люди – братья. Это было приглашение подумать всем тем, кто проповедовал, что брак с подобным созданием должен считаться незаконным.

Но все равно, Джерри, который редко был беспечным, предложил Бобу в отсутствие Вин:

– На твоем месте, Боб, я бы женился на Мойре сразу же, как только она выйдет из больницы, еще до референдума.

– Ты думаешь, что даже теперь смешанные браки могут признать незаконными? – удивленно спросил Боб.

– Я думаю, что бессмысленно ждать и рисковать. Если, конечно, вы с Мойрой уже решили, что хотите жить вместе, что бы ни случилось. Возможно, мне следовало бы посоветовать вам противоположное. Потому что, если победят Реалисты, то для вас настанут трудные дни... Ты ведь это понимаешь, не так ли?

– Могу себе представить, но... Черт, что бы ни случилось, мы с Мойрой должны быть вместе. Ты в самом деле думаешь?..

– Я в самом деле думаю, что ты можешь потерять ее, если не женишься на ней прямо сейчас.

Боб, без сомнения, испытывал сильные чувства к Мойре. Он побледнел от этих слов.

– Я сейчас же поеду к Мойре, – сказал он. – Если она согласиться...

Она согласилась. Но свадьбу было решено сохранить в тайне. Романтичная любовь всегда лучшая пропаганда, чем брак. А кроме того, факт, что Боб и Мойра женятся, не ожидая результатов референдума, не принес бы пользу АМАБ.

VI

ГОЛОСОВАНИЕ планировалось провести одновременно по всей Галактике. Кампания АМАБ против Реалистов продолжалась повсюду и была близка к завершению. Результаты опросов общественного мнения менялись так часто, что им стали верить не больше, чем прогнозам погоды. Но судя по всему, соперники шли ноздря в ноздрю, потому что опросы, проводимые АМАБ, показывали на его преимущество, а проводимые Реалистами – на их.

Комментаторы предсказывали победу то одной, то другой стороне, но этого и следовало ожидать. Точно не знал никто. Даже самые богатые люди могли потратить хоть все свои средства, и все равно не были бы уверены, что узнали результаты. Это еще было возможно на одной планете. Но разнообразие миров, разнообразие мотивов, побуждений, всего, вплоть до окружающей среды, лишали возможности кого угодно вычислить общий результат.

Джерри и Вин не были уверены. Боб и Мойра не были уверены. Маккензи не был уверен.

В самых отчаянных сомнениях находились Элис и Адам Бентли.

Как и Боб с Мойрой, они уже поженились – на всякий случай. Но, в отличие от Мойры и Боба, они чувствовали не только тревогу, но и вину.

Лежа на залитом солнцем пляже в Фарге, на другом полушарии Истовера, Элис и Адам поняли, что есть решения, которые невозможно принять, а потом забыть о них. Есть решения, о которых думаешь по сотне раз на дню.

Не совсем правильно было бы сказать, что они чувствовали за собой вину. Просто они постоянно взвешивали все приятное, что появилось в их жизни, и противопоставляли это тому, что сделали, и что в их жизни было до этого. Например, Солнце против дождя… Вы замечаете его и наслаждаетесь им, только когда о нем помните, но большую часть дня оно является чем-то обыденным. Какое-то время им не нужно беспокоиться о деньгах… прекрасно, только они обменяли одно беспокойство на другое. И, наконец, стать женатыми – тоже отлично, вот только не пришлось бы потом всю жизнь оглядываться и озираться…

Лишь раз в жизни они сделали что-то, о чем могли по-настоящему сожалеть… до сих пор. Но они подозревали, что, независимо от их желания, это будет не в последний раз. Скоро у них кончатся деньги, и не будет никакого честного способа заработать.

Они смутно, неопределенно, почти подсознательно начинали понимать, что они не были и никогда не будут успешными в этом мире, потому что они просто два, по большому счету, никчемных человека.

Из-под полосатого зонтика, с одного конца которого торчали две голые ноги, а с другого – две голые руки, послышался голос Элис:

– После референдума для нас все кончится, Адам.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, мы узнаем… Я хочу сказать, что если АМАБ получит большинство голосов, тогда то, что мы сделали, не будет иметь никакого проклятого значения, и мы сможем просто все забыть.

– Да, – согласился Адам. – А оно не будет иметь?

Элис молчала. АМАБ должно добиться большинства голосов, чтобы они почувствовали себя освобожденными. Потому что они были предателями, самыми худшими из них. Они были смешанной парой и предали смешанные браки. Вместо того, чтобы сделать все, что должны делать все смешанные пары, потратить жизнь на борьбу с предубеждениями, которые, несомненно, где-то существовали, они все предали и немного затруднили жизнь всех смешанных пар в Галактике.

И всех метисов. Это было другой, возможно, самой важной частью проблемы. Их собственные дети столкнуться с ней так или иначе, потому что не будут ни чистокровными мидинанами, ни чистокров-

ными факвистанами. Каждая смешанная пара должна подумать над этим прежде, чем вступить в брак.

Но любая смешанная пара не может быть предубеждена против себя и своих собственных детей.

В Иордании проходили две последние предвыборные манифестации. Тут были митинги, базары, надувные шары, праздники, варьете и почти любые формы социальных «предприятий для сбора средств». Но сколько бы их ни было, скоро должно все закончиться для обеих сторон.

По молчаливому соглашению, они проводились одновременно и в других частях города. А также, разумеется, и в других городах на Истовере. Но здесь были сосредоточены главные усилия.

Джерри запланировал свой митинг, как чистое развлечение. Было бы не слишком правильно завершить кампанию АМАБ просто и обыденно, нужно было шоу, зрелище, праздник, вместо надоевшей всеми пропаганде.

Вначале сводный оркестр играл музыку различных планет. Когда все собрались, начался парад, в котором мужчины и женщины из тридцати главных миров в национальных костюмах перемешались демократично, без всякой дискриминации. Они ничего не пропагандировали, просто являли собой красочное зрелище. Руководил всем спикер Малькольм Флинт, экс-губернатор, известный всем не столько своим правлением, сколь остроумием. Продемонстрировались несколько фильмов АМАБ, с хорошо скрытой, завуалированной пропагандой. Джерри и Вин показали выглядевшую экспромтом, но на самом деле тщательно задуманную и отрепетированную сценку, в которую вовлекли несколько известных личностей.

Кульминационный момент обеспечил Боб Дрэйк. Он стал рисовать небольшой набросок на мольберте, и каждое движение его карандаша демонстрировалось на громадных экранах. Все это имело чрезвычайный успех.

Ловкими, быстрыми движениями карандаша Боб делал наброски из своей собственной жизни, свою встречу с Мойрой, их первое свидание. Затем, более резкими штрихами он показал драку в «Космическом прыжке». Аудитория замерла, отдавшись полностью в его власть. Люди и сценки, казалось, оживали и двигались под его пальцами: быстрота и живость этой драматической иллюстрации заткнули за пояс любые цветные, трехмерные фильмы.

У Боба был дар художника, а также громадный стимул, чтобы поддерживать интерес зрителей так, что мелкие недостатки не имели значения. Вначале он представил своей аудитории себя и Мойру. Он изобразил Мойру дерзкую, бегущую в плаще под дождем, и в скромном дневном платье, потом в купальнике и под конец в вечернем

наряде. Теперь зрители видели Мойру и могли понять Боба. Их интересовало, что будет дальше.

– Он великий художник! – торжествующе прошептала Вин. – Боб сделал для АМАБ намного больше, чем мы с тобой, Джерри.

Джерри кивнул и пожал ей руку, не сводя глаз с экрана, по которому летал карандаш Боба.

Они увидели драку, а потом нападение на Боба и Мойру. Карандаш Боба зверски изобразил головорезов, которых на самом деле Боб как следует и не разглядел, Мойру, падающую на асфальт, и мужские ботинки, бьющие ее под ребра. Боб сумел карандашом, точно копьем, пригвоздить садизм, расовую дискриминацию и Реалистов так, что аудитория зарычала от гнева. Без сомнения, душой все были с ним.

Единственная проблема состояла в том, что такое не могло длиться долго, вскоре все кончилось, последовало постепенное снижение накала чувств и все вернулось в норму.

И в тишине, прежде чем аудитория опомнилась и начала аплодировать, раздался громкий голос:

– Могу я задать вопрос?

Джерри был председателем, но забыл об этом в такой напряженный момент. Боб, к которому явно обратился спрашивающий, повернулся и вопросительно посмотрел на Джерри, ожидая, что он решит. Аудитория, готовая уже взорваться громом аплодисментов, пораженно замерла.

Но вопрошающий и не ждал ответа. После театральной паузы, не больше пары секунд, он снова заговорил.

– Правда ли то, что вы с Мойрой вчера заключили брак? – спросил громкий голос.

Боб снова заколебался, глядя на Джерри. В конце концов, кампанией АМАБ заправлял не Боб, а Джерри. Боб знал свое дело, которое только что блестяще проделал, но не более того. Он не знал, что делать с вопросом, которого они тщательно избегали.

Возможен лишь один ответ, решил Джерри. Нельзя было лгать, особенно если можно было легко разоблачить эту ложь. Нельзя было отказаться отвечать в самый канун голосования.

– Да, – сказал он, – это правда.

Он тут же постарался аннулировать отрицательное действие своего ответа:

– Как вы видели из истории Боба, они с Мойрой очень любят друг друга, и когда произошло…

– Спасибо, – прервал его громкий голос.

Во всем зале люди зашевелились, словно разбуженные. Попытка продолжать говорить только выставила бы Джерри в смешном свете.

Это был очередной изящный ход Маккензи. Каким-то образом он

узнал о тайном заключении брака в больнице и использовал эти сведения на всю катушку. Видя, что Мойра, Боб и Джерри не собираются объявлять о нем, он подождал, пока не станет очевидным, что они пытаются скрыть этот факт, а затем заставил их обнародовать его.

– Это действительно так уж важно? – спросила Вин по пути домой, озадаченная необычным отчаянием Джерри.

– Боюсь, что так. Если бы рассказала об этом в нужный момент, то, возможно, не было бы ничего плохого – только я предпочел вообще не говорить об этом, так как это было опасно, могло произвести впечатление, что мы боимся результатов референдума, ожидаем проигрыша и советуем смешанным парами вступать в брак. Пока не будет слишком поздно. Маккензи сумел найти худший момент, чтобы заставит нас сказать правду, после того, как мы косвенно почти что отрицали этот брак.

Вин не разбиралась в таких тонкостях.

– Конечно, это не может иметь такое уж важное значение, – возразила она. – У нас было хорошее выступление и…

– О чем я волнуюсь, – пробормотал Джерри, – так это о выступлении Маккензи.

Как только они вернулись домой, Джерри позвонил своему сотруднику и послал его на собрание Реалистов. Там было почти все, как он и ожидал.

До самого конца митинга не было никаких упоминаний о Бобе и Мойре – Маккензи не хотел, чтобы Джерри получил какие-либо предупреждения, пока не стало слишком поздно. В самом конце Маккензи лично рассмотрел историю Мойры и Боба, описал их брак и сделал упор на все пункты, которых опасался Джерри.

– Я не должен был позволить им жениться, – с сожалением сказал Джерри.

– Но ведь ты сам предложил это! – запротестовала Вин.

– Да, в их интересах. А в наших интересах, я должен был сделать все, чтобы этого не произошло. Маккензи бы так и сделал на моем месте.

– Если бы на твоем месте был Маккензи, то твою жену не звали бы Вин!

– Но я был бы более успешным с политической точки зрения.

– Ну, если ты предпочитаешь политический успех семейному счастью… – пожала плечами Вин.

Джерри рассмеялся и постарался не показать, что он все еще переживает из-за последнего удара, который нанес Маккензи.

VII

К СОЖАЛЕНИЮ, с точки зрения АМАБ, во всех газетах, вышедших ранним утром дня референдума, не было ничего, что послужило бы АМАБ на пользу, но много такого, что принесло большой вред.

Прежде чем лечь спать, Джерри сделал, что мог, в заявлении для прессы, чтобы поддержать Боба и Мойру. Они вступили в брак вовсе не потому, что мы не уверены в результатах референдума, заявил он. Но разве Боб и Мойра не имеют права жениться, как и все остальные, не оповещая об этом весь мир? И совершенно естественно, что влюбленный Боб предложил руку и сердце Мойре, пока та была еще в больнице.

Но ход Джерри был бледным и слабым по сравнению с ходом Реалистов, и Джерри сам понимал это.

– В любом случае, – философски сказал он Вин, – уже слишком поздно придумывать что-нибудь новенькое. Есть митинги, парады, речи по радио, но все это уже задействовано. Нам больше ничего не остается, кроме как ждать.

– А как собираются посчитывать голоса? – спросила Вин, не разбиравшаяся в математике.

– Каждый мир пошлет сводку, только и всего, – в который уж раз терпеливо объяснил Джерри. – Предположим, на Гринсинг отдадут шестьдесят девять миллионов голосов на АМАБ и тридцать три миллиона за Реалистов. Гринсинг пошлет 23:11, тоже самое сделают все остальные миры…

– А скажи-ка мне, Джерри, – прервала его Вин, – меня всегда интересовало, как вы все это объединяете?

Джерри даже не попытался ничего объяснить.

И хотя они сделали все, что могли, но провели запланированные публичные выступления, с уверенным, дружелюбным и счастливым видом. Дважды они встречали Маккензи, занятого тем же самым, но не вступали с ним в беседу. Будь Джерри один, он бы поговорил с ним. Но из-за Вин он избегал Маккензи, зная, что ей это не понравится.

Весь день было еще ничего не ясно. Иногда казалось, что все голосуют за Реалистов, а иногда все выглядело так, словно АМАБ одерживает легкую победу.

В пунктах голосования не возникало никаких проблем. Не сообщалось ни о каких беспорядках, хотя пару раз люди пытались затеять драку. Нигде не собирались многочисленные толпы на спонтанные демонстрации. Как и опасались, оба парада цветов были отменены из-за дождя. Джерри попытался организовать его как можно более водонепроницаемым, но дождь был слишком сильный, и не прекращался весь день.

Дождь приглушил всю кампанию. Многое из того, что было бы наверняка сделано в более сухом городе, не было возможно в Иордании. Все должно было происходить внутри зданий. Бесполезно устраивать уличные шоу, если люди не выйдут наружу, чтобы увидеть их. За исключением драки в «Космическом прыжке», больше не было никаких серьезных инцидентов – сильный дождь охладил большинство характеров.

В восемь вечера Маккензи и чета Янгов не могли избежать встречи. Джерри с удивлением увидел, каким усталым и взволнованным выглядит Маккензи.

– Остался последний час голосования, – любезно сказал Джерри.

– А затем пять часов до поступления первых сведений, – менее доброжелательно добавила Вин.

– Да вы рассматриваете это как игру! – почти сердито воскликнул Маккензи.

– Я бы сказал, что это вы рассматриваете все, как игру, – возразил Джерри. – Игру в шахматы – и вы очень хотите выиграть…

– Вы что, ничего не понимаете? – требовательно спросил Маккензи, и оба Янга удивленно вставились на него. – Вы хотите одержать победу, чтобы все люди стали братьями. Вы думаете, что ваша победа сделает Галактику открытой, свободной от предубеждений, счастливой – как по мановению волшебной палочки, да? Я же хочу победить, потому что Галактика вовсе не открытая и свободная от предубеждений. Я хочу остановить этот глупый фарс, это притворство, что различие рас не имеет никакого значения, тогда как на самом деле…

– Вы озлоблены, – набросилась на него Вин, – и думаете, никому не заметно, что происходит с вами? Когда-то вы полюбили девушку иной расы, а она вас отвергла. Она плюнула вам в душу. И теперь вы получили возможность обрушить свою странную, извращенную месть на нее и на таких, как она. Вы думаете, что раз вас отвергли, так всем смешанным парам нужно запретить вступать в брак…

Маккензи выругался, неистово, горько и непристойно.

Вин же, казалась, наслаждалась этим. Она выразительно посмотрела на Джерри, словно говоря: «Вот видишь, какой он на самом деле человек?». Маккензи тут же опомнился и перестал обращать внимания на Вин.

– Я думаю, вы хотите ударить меня за то, что я оскорбил вашу жену? – прямо спросил он Джерри.

Джерри покачал головой.

– Ни капельки, – ответил он. – Она пыталась рассердить вас. Вы ей не нравитесь. И случайно она угадала правду, не так ли?

Он не ожидал ответа, но все же получил его.

– Да, – со спокойным отчаянием сказал Маккензи. – Не то, что я

пытаюсь отомстить за то, что произошло – это бы не имело смысла. Но верно, что когда-то, хотя я знал, что это будет неправильно, и понимал, что мы оба пожалеем об этом, я хотел жениться на девушке, которая…

– Это бы не было неправильно, – с силой прервала его Вин. – Это было бы правильно. Это была бы единственная правильная вещь в вашей жизни, и с тех пор вы идете неверной дорогой.

– Я сказал больше, чем хотел, – тихим, но жестким голосом ответил Маккензи. – И, как обычно, я уже сожалею об этом. Доброй ночи.

Он резко повернулся и ушел.

– Вин, – мягко сказал Джерри, – прости, но я должен сказать это. Сейчас ты вела себя так, как те люди, с которыми мы боремся. Это нелогичность, предвзятое мнение, предубеждение, ненависть, с которыми мы пытаемся бороться, и ты…

Внезапно Вин разрыдалась. Джерри помолчал несколько секунд, затем принялся извиняться.

В девять вечера начался период напряженного ожидания. Референдум закончился, повсюду шел подсчет голосов.

Потом лавиной хлынут результаты. Предполагается, что с помощью мгновенного ультрарадио сводки поступят отовсюду одновременно.

Джерри и Вин легли спать и сразу же уснули. Это была их общая способность – спать где угодно, в любое время. Перед тем, как окончательно погрузиться в сон, Вин вяло пробормотала:

– Конечно же, теперь наша совесть чиста, Джерри…

Джерри, уже тоже совсем сонный, неопределенно ответил:

– Я не чувствую себя виноватым за то, что я сделал. Может, только за то, чего не сделал…

Проспав четыре часа, они вернулись в штаб АМАБ, находящийся в ожидании.

Около десятка человек терпеливо сидели в большой, хорошо проветриваемой комнате.

– Я только что получил сведения из муниципалитета, – сказал кто-то. – Истовер не будет в числе первых. Один из ящиков для голосования задерживается в пути.

Первой была Земля. Население там было самым большим, но этот мир привык иметь дело с бюллетенями для голосования. Сводка с Земли гласила:

ЗЕМЛЯ. АМАБ 21 : РЕАЛИСТЫ 62.

Джерри пожал плечами.

– Мы знали, что этого и следовало ожидать, – заметил он. – Землю подобные вопросы не очень-то интересуют. Давайте подождем, что сообщат другие планеты.

У всех присутствующих была примерно та же точка зрения, и все с нетерпением ждали следующих результатов. Земля была одним из миров, находившихся на особом положении. Для остальных же референдум означал нечто иное.

Большой экран был настроен так, чтобы сообщения, приходящие по ультрарадио, тут же возникали на нем в виде черно-белых строчек. Одновременно они появлялись и на уличных экранах, перед которыми ждали собравшиеся толпы. Они слабо приветствовали первое сообщение, не из-за результата, а из-за того, что, значит, вот-вот появятся и другие.

И тут без предупреждения на экране вспыхнула строчка:

СКАРИСАК. АМАБ 314 : РЕАЛИСТЫ 193.

На этот раз послышались радостные крики.

Вин в восторге схватила Джерри за руку.

– Великолепно, Джерри! – закричала она. – Три к одному!

Джерри не стал поправлять ее расчеты. Волна облегчения пронеслась по нему.

Насколько он знал, АМАБ не имел такое уж сильное влияние на Скарисаке.

– Надеюсь, – пробормотал он, – что на Скарисаке не было особенно хорошей предвыборной кампании АМАБ или особенно плохой Реалистов.

– Но почему? – спросила Вин, не блиставшая в осмыслении подобных выводов.

– Потому что, если то или другое верно, то этот результат может быть единственным…

На экране вспыхнула новая строчка.

РИНАН. АМАБ 97 : РЕАЛИСТЫ 60.

– Это не так хорошо, – сказала Вин.

– Не так хорошо? – закричал Джерри. – Да ведь это почти такое же соотношение, дорогая. Что означает…

Снаружи снова раздались радостные крики. Джерри повернулся к экрану.

ФАКВИСТА. АМАБ 1631: РЕАЛИСТЫ 101.

– Здорово! – опять закричал он и с энтузиазмом поцеловал Вин. – Мы победили, Вин!

У Вин был счастливый, но одновременно озадаченный вид.

– Что, значит, мы победили? Это всего лишь четвертый результат…

– Да, но разве ты не видишь?.. – Джерри от волнения не мог говорить связно. – Соотношение каждый раз почти одинаковое. Оно и дальше будет таким. Это же одна из основных проблем, о которых у людей, живущих практически повсюду, примерно одно и то же

мнение. Не может быть совпадением, что все три результата, кроме Земли, почти совпадают.

Но он замолчал, когда появился очередной результат.

МОРНЕН. АМАБ 82 : РЕАЛИСТЫ 71.

– Но, может, это не так, – очень спокойно сказал он, но на его лицо легла тень.

– В чем дело? – воскликнула Вин. – Мы ведь и там победили.

– Да, но не с тем же соотношением. Возможно, я поторопился с выводами. Я уже начал надеяться, что люди повсюду пришли к одинаковым выводам. Конечно, я заранее не ожидал такого, но результаты…

Экран снова осветился.

МЕТАПУР. АМАБ 241 : РЕАЛИСТЫ 153.

Тень исчезла, и на лицо Джерри вернулась широкая улыбка.

– Опять такое же соотношение, – сказал он.

– Ничего не понимаю, – озадаченно пробормотала Вин.

Джерри и не думал, что она поймет. Было бы долго и трудно объяснить Вин, что соотношения 241:153, 163:101, 97:60 и 314:193 примерно одни и те же.

– Можно не волноваться о Бобе и Мойре, – сказал Джерри, когда крики снаружи замерли. – Не будет запрета смешанных браков. Не будет усиления расовой дискриминации. Люди будут продолжать жениться на тех, кого любят, и если мы с тобой когда-нибудь разведемся. Я женюсь на метапуринанке и…

Вин попыталась пнуть его в голень, но промахнулась.

– Теперь можно отправляться домой, дорогая, – экспансивно сказал Джерри.

– Но мы еще не знаем результатов Истовера, – возразила Вин.

– Я знаю. Здесь мы тоже победили. Не думаю, что вообще было реальное противоборство. Мы с Маккензи устроили шоу, а люди просто поглядели наше выступление, потом пошли и проголосовали так, как всю жизнь считали правильным.

– Но ты же не можешь утверждать… – начала Вин и замолчала, чтобы снова взглянуть на экран.

ГРИНСИНГ. АМАБ 133 : РЕАЛИСТЫ 81.

– Но ты же не можешь утверждать, – упрямо повторила Вин, – что все результаты будут такими же. Мы можем проиграть на некоторых мирах. А может, даже и здесь.

Крики и возгласы снаружи не усиливались, и не стихали. Приветствия раздавались всякий раз, как появлялся очередной результат. Большинство людей были так же осторожны, как Вин, и не уверены до конца ни в своей победе, ни в поражении.

Но внезапно возгласы слились в единый крик. Джерри и Вин посмотрели на экран.

ИСТОВЕР. АМАБ 407 : РЕАЛИСТЫ 251.

Джерри удовлетворенно вздохнул.

– По крайней мере, у нас не хуже, чем в других местах, – сказал он. – Бедный Маккензи. У него не было ни единого шанса, несмотря на все его трюки.

– Вот уж действительно, бедный Маккензи! – с негодованием передразнила его Вин. – Он – последний человек в Галактике, которого я бы пожалела. Могу поставить…

Ее перебила подошедшая девушка.

– Мистер Янг, мистер Маккензи просит вас к телефону.

– Чего ему может быть нужно? – удивленно спросила Вин.

– Наверное, сказать вежливое поздравление, – ответил Джерри. – Обычная процедура. Извини, я на минутку.

Он поспешил к телефону.

– Приветствую вас, Маккензи, – сказал он. – Ну, похоже, нам обоим не стоило охотиться за голосами, не так ли?

– Да, – раздался в трубке сухой голос Маккензи. – Результаты самые неудовлетворительные.

– Разумеется, для вас, – позволил себе смешок Джерри.

– И для вас тоже. Я надеялся на один из двух результатов этого референдума, Янг. Вторым было бы то, что Реалисты победят с незначительным преимуществом.

– Вторым? – эхом отозвался Джерри.

– Правильно. А первым был бы результат, в котором ваша партия победила бы с колоссальным отрывом.

– Что?

– Могу я приехать и встретиться с вами?

– Конечно. И вы объясните ваше последнее замечание?

– Ждите. – И Маккензи повесил трубку.

– Он что, хотел, чтобы мы победили? – спросила Вин, когда услышала все это. – Но зачем ему это?

– Не знаю, дорогая, – сказал Джерри. – Давай подождем и посмотрим, что будет.

Раздались добродушные приветствия, когда приехал и был узнан Маккензи. Никто не ругался и не шипел на него, а если кто и был, то был заглушен толпой.

Маккензи прошел в штаб АМАБ с таким видом, словно это были его владения. В этом не было ничего необычного. Он всегда вел себя так.

Однако, Вин не смогла удержаться от едкого замечания:

– Вы уже заказали себе мешковину и пепел?

– Я всегда ношу их, – невозмутимо сказал Маккензи.

Джерри указал на дверь в соседнюю комнату. Когда Маккензи прошел внутрь, Джерри с сомнением поглядел на Вин. Конечно, беседа прошла бы гораздо спокойнее, если бы Вин на ней не присутствовала.

Но у Вин было иное мнение. Джерри только вздохнул, когда она проследовала за ним.

– Значит, вы хотели, чтобы мы победили? – с ходу спросила Вин. – Выходит, так было бы лучше для вас. Тогда почему же вы не вступили в партию АМАБ?

– Потому что это не изменило бы ситуацию, – ответил Маккензи. – По галактическим меркам, я просто не существую. Я – всего лишь статическая единица, а статические единицы существуют только во множественном числе. Вы не возражаете, миссис Янг, если я побеседую с вашим мужем?

– Не возражаю, – сказала Вин. – Вот он, сидит рядом. И он умеет говорить по-английски.

Маккензи опустился на самый жесткий стул, какой смог найти. Это было в его характере. Без сомнения, он увидел самый удобный стул, но выбрал самый жесткий.

– Если бы Реалисты победили, – резко сказал он, – это положило бы конец глупому фарсу, будто мы живем в свободной Галактике, этакой Утопии, где у всех равные возможности, и цвет кожи человека, а также его внешность не имеют никакого значения.

– Фарс? – пробормотал Джерри. – Но ведь мы только что доказали, что это не фарс?

Маккензи бесстрастно уставился на него.

– Вы еще не поняли, Янг, что означает этот референдум?

– Разумеется, понял. Не будет принято никакого закона, запрещающего смешанные браки.

– О, да. Верно. Но, значит, не было и никакой нужды в таком законе, не так ли?

Вин была растеряна, но полна подозрений.

– Что вы сейчас затеваете? – спросила она.

– Пожалуйста, миссис Янг, – сказал Маккензи, – не считайте все, что я говорю, ложью, направленной против свободы и благопристойности. Говорю вам, я хочу того же, что и вы. Но, в отличие от вас, не считаю, что это существует лишь потому, что мне хотелось бы, чтобы это существовало. – Он оглянулся на Джерри. – Вероятно, никогда не будет фактического запрета смешанных браков. В конце концов, формой правления в Галактике всегда была демократия, а в демократических государствах половина населения никогда не навязывает свою волю второй половине. Иногда это выглядит так, но в подобных социальных вопросах невозможно принимать никаких юридических законов. Это

не законы. Скорее, это походит на древние выборы между либералами и тори. Либералы победили и вынудили всех тори стать либералами.

– Но Реалисты всегда утверждали… – возразила было Вин.

– Я знаю, что мы утверждали. Приходится ясно очерчивать проблемы, когда призываете население всей Галактики голосовать за что-то. Например, за смешанный брак или против. Но если бы мы победили, то не было бы принято никакого конкретного закона. Этот опрос должен был показать, на чью сторону склоняется баланс мнений в Галактике – и закончить, тем самым, фарс.

– Вы продолжаете твердить о фарсе, – сказал Джерри. – Но вы так и не объяснили. Что же имеете в виду.

– Сейчас объясню, – сказал Маккензи. – По-видимому, поскольку я был вашим противником, вы узнали обо мне все, что могли. Думаю, вы узнали, что я родился на Метапуре от родителей-землян. Но это ложь, тщательно придуманная ложь. Это было единственное приличное происхождение, которое я мог придумать, учитывая, как я выгляжу. Единственное, что было бы принято. На самом деле во мне смесь крови Метапура, Ринана, Гринсинга и Скари… Я квартерон. Помесь, если вы предпочитаете это слово.

– Тогда было бы гораздо разумнее, – сказал Джерри, – если бы вы были на нашей стороне, а не сражались за Реалистов.

– Это ошибка, которую допускаете вы все, люди, ничего не знающие об этой проблеме. Реалисты, Янг, это люди, которые видят вещи такими, какие они есть, а не такими, какими они хотели бы их увидеть. Ваша партия – это собрание мечтательных идеалистов и молодежи, таких людей, как Боб и его Мойра, которые отказываются видеть существующую проблему. Послушайте, я жил на Ринане, Гринсинге и Скарсаке как с родителями, так и один. У меня было много возможностей узнать, что такое быть метисом, когда на тебя глядят, как на метиса. Постепенно я спрятался в защитный панцирь. Мне не легко причинить боль. Но сама жизнь заставила меня попытаться решить эту проблему с политической точки зрения. Рассказать о том, что подобные предубеждения существуют, а не притворяться, будто их вовсе нет, и попытаться выработать нормальные отношения между различными расами. Поверьте мне, такие люди, как вы, просто не имеют достаточной квалификации в этих вопросах… вас даже нельзя допускать к голосованию.

Вин снова ощетинилась.

– Вот уж не думала, что вы можете быть таким узколобым, – начала было она, но Джерри жестом велел ей замолчать.

– Я хотел сказать, – проговорил Маккензи с таким теплом в голосе, какое Джерри никак не мог от него ожидать, – кто может знать лучше, что такое быть метисом, кроме самого метиса? Это гораздо

сильнее и глубже, чем разный цвет кожи когда-то на Земле. Там люди одной расы порой имели кожу разного цвета. Теперь же каждая планета заставляет людей, которые живут и размножаются на ней, приспосабливаться и постепенно изменяться. В третьем поколении они – уже другая раса, и их рассматривают, как таковых.

– Это... Ну, это просто преувеличение, – скривил губы Джерри.

– Нет, это не преувеличение. Я не утверждаю, что расы различаются кардинальным образом. Иногда различия вообще почти незаметны. Но это все равно разные расы, и, хотя межрасовое скрещивание, вероятно, будет всегда возможно между людьми, из-за этого ринане, например, еще не становятся скарисакианами. И люди знают об этом. Но не все относятся к этому одинаково. Вот вы двое, например, притворяетесь, что не знаете об этом вообще ничего.

– Но это не так, – пробормотала Вин.

– Т-с-с, – нежно сказал ей Джерри. – Разве высказывания Маккензи когда-либо имели смысл? Мне кажется. Мы должны позволить ему пойти и хорошенько подумать, если он еще способен думать вообще.

Маккензи криво усмехнулся.

-Я рад, Янг, – сказал он. – Я надеялся, что вы поверите, но не был в этом уверен.

– Я вообще верю тому, что мне говорят.

– Но если вы хотите понять, то должны поверить. Вы должны принять это на веру, потому что это никогда не произойдет с вами.

– И это плохо, не так ли?

– Нет, на самом деле, это не плохо. Это объясняет, почему я говорю вам о доверии. Потому что, если бы я все свел к отдельным случаям и инцидентам, которые происходили со мной, то вообще ничего бы не добился. Девушка, о которой я вам сказал... Возможно, она отвергла меня по той же причине, как отвергает любая девушка нелюбимого мужчину. Но мы говорим совсем о других вещах. Есть реальное предубеждение и реальная расовая ненависть – именно они заставили бандитов напасть на Дрэйка и мисс Мойру, повалить ее на землю и пинать.

– Мы все знаем об этом, – сказал Джерри. – И мы пытаемся с этим бороться.

– Притворяясь, будто этого не существует. Как я уже говорил, я хотел, чтобы вы победили с огромным преимуществом. Естественно, я должен был этого хотеть. Но я чувствовал, что не будет большого разрыва в голосах. Не будет, потому что предубеждение было, есть и всегда будет. И со временем оно будет становиться все сильнее.

– Нет! – воскликнула Вин.

Маккензи не обратил на нее внимания.

– Вы этого не понимаете, но мы должны открыто сказать, что между расами есть различия, и научиться управлять ими. Только так

мы можем создать относительное спокойствие, безопасность и сотрудничество между различными расами.

– Все люди должны быть братьями, – пробормотал Джерри, – хотя на самом деле они не братья. Это вы хотите сказать?

Вин переводила взгляд с одного на другого.

– Пожалуйста, скажите мне кто-нибудь, – отчетливо произнесла она, – кто фактически победил на этом референдуме – АМАБ или Реалисты?

Ей никто не ответил.

VIII

ВМЕСТО ТОГО, чтобы вернуться домой, Вин и Джерри отправились в один безлюдный уголок, который имел громадное значение для них двоих. Он был на холме, с которого открывался великолепный вид на Иорданию, и всегда был пустынным и безлюдным по одной простой причине: к нему шла едва заметная тропинка через болото, и мало кто знал о ней.

Это было место, где Вин и Джерри стали помолвленными.

На этот раз дождь не шел. А во всей Галактике нет более дружелюбного города, чем Иордания, когда в нем не идет дождь. Джерри и Вин сняли ставшие ненужными плащи, расстелили и сели на них, уютно прижавшись друг к другу.

– Совсем недавно, – сказала Вин, – я сказала, что Маккензи последний человек в Галактике, к которому я почувствую жалость. Я была не права. На самом деле, он не плохой человек. Конечно, я его не понимаю, но… Мне кажется, когда-нибудь его жизнь наладится.

Джерри нежно погладил ее волосы.

– Все меняется, если ты знаешь, что кто-то тоже раним, не так ли?

– Да, наверное, именно это я и хотела сказать. Ты жалеешь любого, кому можно причинить боль, если сделала это. Но я делала это, когда считала Маккензи бесчувственным…

Они долго молчали. Им и не нужно было говорить, достаточно находиться рядом. В течение кампании АМАБ они беседовали больше, чем считали нужным за последние годы. Когда-то, давным-давно, они должны были разговаривать, чтобы лучше узнать друг друга, чтобы между ними не висел вакуум тишины.

Но с тех пор они поняли, что тишина не должна быть вакуумом. В ней было столько всего, любое слово могло разрушить золотую тишину, которая являлась еще одним доказательством, что они принадлежали друг другу.

Они смотрели, как медленно занимается рассвет, растекаясь дым-

кой над городом, желтый рассвет Истовера. И они не ощущали необходимости говорить об этом.

И когда Вин все же заговорила, это оказалось продолжением тех слов, что она произнесла до этого.

– Он где-то бродит там один, – сказала она. – Всегда один. Конечно, ощущая себя успешным. Он всегда считает себя успешным, даже нынешним утром… – Она резко повернулась к Джерри, разрушая очарование последних тридцати минут. – Джерри, я все равно не понимаю! Ты можешь мне объяснить? Почему вы оба с Маккензи не удовлетворены результатами референдума?

– Я попытаюсь, – вздохнул Джерри. – Маккензи, как все метисы, как Мойра с Бобом, как все люди, заинтересованные в этом, хотели бы, чтобы АМАБ набрало подавляющее большинство голосов, что показало бы, что не существует никакого предубеждения, никакой расовой ненависти. Но Маккензи знал, что этого не произойдет. Он хорошо знал, что не стоит даже мечтать об этом, но это стояло для него на втором месте. Рационально и реалистично было уладить расовые вопросы при помощи закона. Да, нужно согласиться, что существуют предубеждение и ненависть, и попытаться управлять ими. Нужно сотрудничать, если невозможно просто доверять. Понятно?

– Идею я понимаю. Не знаю, правильно или нет, но я понимаю, как это могло бы быть.

– Ну, значит, ты понимаешь, что было бы, если бы в референдуме победили Реалисты, и у них в руках оказался закон. Они могли бы пойти дальше. Но что произошло на самом деле? Победили мы – победила АМАБ. Примерно, три к двум. – Он снова вздохнул. – В случае с Бобом и Мойрой этой означает, что из каждых пятидесяти человек тридцать будет так или иначе плевать на них, а двадцать будут считать, что им вообще нельзя позволить вступить в брак. Голосование за АМАБ вовсе не означает, что вы любите все смешанные пары. Это всего лишь означает, что, по вашему мнению, они имеют право вступать в брак, если захотят. А голосуя за Реалистов, вы показываете, что выступаете против всех рас, кроме собственной, что вы не признаете смешанные браки и считаете, что их нужно запретить…

– Я понимаю, – сказала Вин. – Теперь все стало ясно. По твоим словам, Боба с Мойрой ждет много трудностей?

– И не только Боба с Мойрой, – добавил Джерри.

Когда они вернулись в Иорданию, снова шел дождь, но это была всего лишь мелкая морось, которую в Иордании вообще игнорировали. В любом другом месте сказали бы, что идет дождь, а в Иордании просто заметили, что нынче сыро.

Иордания просыпалась. Вспыхивали рекламные плакаты, хотя еще никто не обращал на них внимание.

На зеленом транспаранте была надпись: АМАБ ВЫИГРАЛА ГАЛАКТИКУ, РЕАЛИСТАМ ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО ЗЕМЛЯ.

Напротив него красные буквы кричали: РЕАЛИСТЫ ПОВЕРЖЕНЫ, АМАБ СНЕСЛА ВСЕ ПРЕГРАДЫ!

Изображение Солнца нахально высовывало язык – кто мог бы подумать, что у Солнца тоже есть язык, и заявляло: ТЕПЕРЬ ТЫ МОЖЕШЬ ЖЕНИТЬСЯ НА ГРИНСИНГИНЕ!

Из звезд была составлена не очень ловкая фраза: ВСЕ ЛЮДИ МОГУТ БЫТЬ БРАТЬЯМИ – ХОТЯ БЫ НАЗВАННЫМИ.

– Мы думали, будто все уладим, – сказал Джерри, – но это не так. Когда люди начали колонизировать другие планеты, планеты заставляли их физически приспосабливаться под себя, и началось то, что никогда не будет улажено до конца.

– Тогда бесполезно волноваться об этом, – отмахнулась от него Вин. – Давай вернемся домой и немного поспим.

Больше они не сказали ни слова, пока не оказались в своей спальне. Тогда Вин нерешительно произнесла:

– Джерри… Я знаю, что не слишком умна. Вы с Маккензи обсуждали в моем присутствии то, чего я не могла понять – и, вероятно, было правы. Но ты же знаешь, что иногда я вижу то, чего не видишь ты… как в случае с картиной Боба, и…

– Ты снова что-то увидела, милая? – с интересом спросил Джерри.

– Да, насчет референдума. Вы с Маккензи, кажется, согласились, что, хотя большинство отдало голоса за АМАБ, референдум показал, что существует большая скрытая межрасовая ненависть, и теперь, когда Боб и Мойра поженились, на них обрушится масса неприязни…

– Но это так и есть, Вин.

Она скользнула в постель и села, обняв руками колени и нахмурившись от усилий попытаться объяснить то, что она просто видела.

– Но разве ты не понимаешь, – спросила она, – что произойдет теперь? Мне кажется, что люди, которые голосовали за Реалистов, теперь увидят, что большинство думают по-иному, и, возможно, попытаются изменить свою точку зрения, чтобы не навлечь на себя неприятности. Я хочу сказать, они теперь знают, что находятся в меньшинстве. Некоторые из них подумают и, возможно, в конце концов, поймут, что идеи АМАБ правильные.

Джерри уставился на нее, пытаясь сообразить, неужели она опять оказалась права, теперь, когда он решил, что все уже кончено.

– Мне кажется, если бы сейчас провели еще одно голосование, – продолжала Вин, – то все, кто в прошлый раз голосовал за АМАБ, так и останутся за АМАБ. Но многие из тех, кто голосовал за Реалистов, теперь проголосовали бы за АМАБ. Джерри, людям не нра-

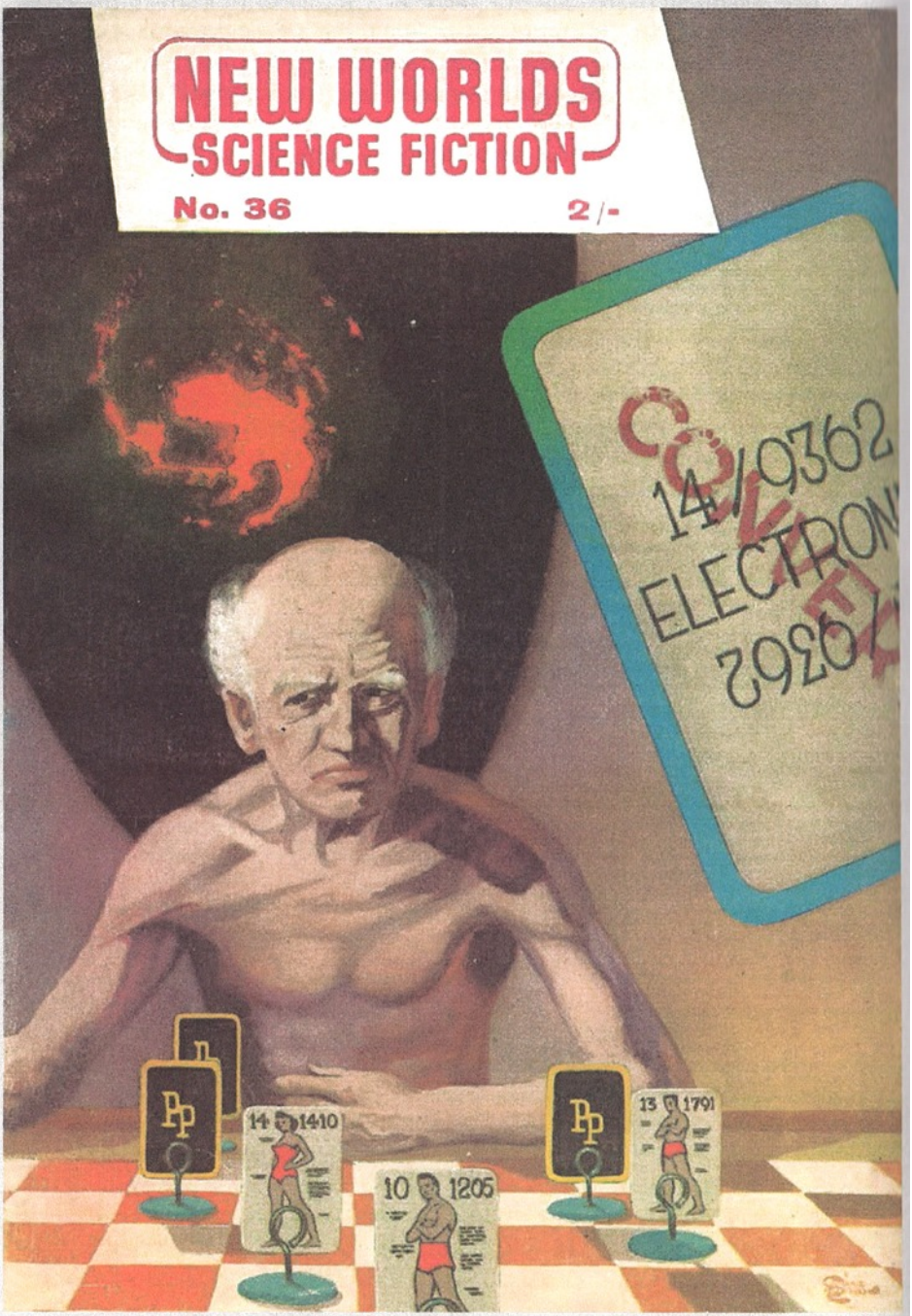
вится отбиваться от стада. Я… Я знаю, что частенько не права, что говорю всякие глупости, но я так вижу. Если бы мы были Реалистами, и Боб с Мойрой приехали и стали жить по соседству, неужели мы бы стали бороться с ними, зная, что большинство окружающих будет на их стороне? Не думаю…

– Милая, – сказал Джерри, – мне хочется тебя поцеловать.

Хмурый взгляд Джерри прояснился.

– Ну, на это есть только один ответ, – сказала она.

(Fantasy & Science Fiction, 1955 № 5)


NEW WORLDS
SCIENCE FICTION
No. 36
2/-
14 1410
10 1205
13 1791

МИР СИНЕЙ ПТИЦЫ

1

Две девушки, стоявшие в тени высоких елей, были весьма похожи друг на друга. Обе высокие, обе брюнетки, обеим где-то по двадцать четыре года, и обе одеты в прозрачные пластиковые комбинезоны для полетов с белым бельем под ними.

Но между ними было весьма заметное различие, более важное, чем то, что Сил была гораздо симпатичнее Бэбс.

Но Бэбс была счастлива. А Сил – нет.

Обе они находились посреди Высокогорного Заповедника, и до ближайшего жилья было не меньше ста миль.

– Но зачем? – смеясь, спрашивала Бэбс. – Конечно, я могу сделать это, если есть какая-то причина, Сил, но ведь это просто безумие. Ты хочешь, чтобы я притворилась, будто ты пытаешься убить меня? Но зачем это, Сил? Какая может быть причина…

– Я хочу посмотреть, что произойдет, – ответила Сил.

Бэбс в замешательстве наморщила лобик.

– Но ничего не произойдет. Что вообще может произойти?

– А я вот не думаю, что ничего не произойдет, – сердито бросила Сил.

Бэбс уставилась на нее.

– Выходит, ты полагаешь, будто что-то…

– Я не знаю.

– Но…

– Говорю тебе, я не знаю! Но что-то должно быть. Иначе что не даст мне убить кого-то, кто мне не понравится?

Бэбс рассмеялась и положила руку на плечи Сил.

– Что должно остановить тебя? – спросила она. – Это то же самое, что не даст тебе отрезать себе руки и ноги – ты просто не захочешь этого сделать.

Сил стряхнула с плеч руку Бэбс.

– Я не сказала, что хочу убивать людей, – заявила она. – Я сказала, что могу. Эта особенность есть только у меня. Ты или Грег, или кто-то еще просто не способен на убийство. А я способна.

Бэбс перестала улыбаться.

– Я тоже так думаю, Сил, – серьезно сказала она. – Может, из-за этого Грег и любит тебя.

Сил нахмурилась. Ей не хотелось говорить о Греге.

– К делу, – нетерпеливо сказала она. – Ты сделаешь это?

– Нет, – ответила Бэбс. – Сил, даже если бы я согласилась, все

равно бы ничего не вышло. Люди просто не поверили бы, что ты в самом деле хотела меня убить.

Сил уставилась на нее.

– Разумеется, они бы… что ты имеешь в виду?

– Они бы поверили мне, если бы я сказала правду. Но я не думаю, что сумею солгать, Сил. Даже если бы я попробовала, то не была бы убедительна. Прости…

Сил стиснула ее руки так, что ногтями чуть не прорвала кожу. Она могла заставить Бэбс сыграть свою роль. Она почувствовала дикое желание сбить Бэбс с ног, рвать ее за волосы, исцарапать ей лицо.

Но это не принесло бы пользы, потому что, если бы Бэбс рассказала кому-либо об этом, то она рассказала бы все, и стало бы ясно, что Сил только экспериментировала и не хотела причинить Бэбс серьезный вред. Как сказала Бэбс, ничего не произойдет. Власть, контроль, силы закона и правопорядка, которые должны где-то существовать в этом безмятежном, довольном всем мире, проигнорировали бы инцидент, и Сил ничего бы не узнала.

– Могу только посоветовать, – сказала Бэбс, глядя на нее, – что если ты хочешь что-то узнать, то должна пойти к Специалистам.

– Специалисты – это люди, которые пишут книги, – капризно возразила Сил. – Читала я эти книги. В них нет того, что я ищу.

– А что ты ищешь, Сил?

– Откуда я знаю? – вспыхнула Сил. – Ладно, – тут же успокоилась она. – Не будешь, значит, не будешь. Давай тогда возвращаться.

– Сил, – настойчиво сказала Бэбс, – а как между тобой и Грегом?..

– Мы все еще вместе, – уныло ответила Сил. – Как мне кажется.

Бэбс кивнула. Бэбс просто не могла быть несчастной, в отличие от Сил, и Сил она не понимала. Самое худшее, что произошло в ее жизни, было чувство, что Сил не заботилась и на десятую долю так, как могла бы она, Бэбс, с первоначальным Грегом, который принадлежал бы ей в прошлом, настоящем и будущем.

Две девушки, стоявшие в тени высоких елей, на этот раз были совсем не похожи. Это были соперницы во всем, начиная с внешности: крепкая, стройная, царственная брюнетка Сил и низенькая, мягкая, приятная во всех отношениях блондиночка Дороти.

Однако, у Дороти было нечто общее с Бэбс. Дороти тоже была безмятежно счастлива. А Сил… Ну, это была та же Сил.

– Ты знаешь мое имя? – резко спросила Сил. – И где я живу?

– Да, ты – Сил Дуглас, – удивленно ответила Дороти. – И живешь где-то в Кенте.

Они стояли на том же месте, куда Сил приводила Бэбс, в речной долине посреди гор северной Шотландии – единственный дикий

заповедник в Великобритании, население которой перевалило уже за двести миллионов.

– Возле Мэстона, – кивнула Сил. – Сил – это, разумеется, сокращенно от Сильвии, Сильвии Эданы Дуглас. Запомни это, Дороти.

– Но зачем? – спросила Дороти.

– Я не хочу, чтобы впоследствии возникли хоть какие-то сомнения.

Сил сделала шаг вперед и заколебалась. На мгновение она подумала, что не способна довести дело до конца. Без сомнения, это безумие, как и сказала Бэбс. Сил ничего не имела против Дороти, как и против Бэбс. Но она понимала, что если станет исполнять свою роль нехотя, спустя рукава, то ничего не получится.

Поборов себя, Сил жестоко ударила Дороти в область сердца. Дороти ответила ей вскриком боли и чистого недоверия.

Сил бросилась к ней, сорвала с нее пояс для полетов и стала бить им о камни до тех пор, пока не разбила вдребезги. Потом сорвала у нее с запястья радиобраслет и зашвырнула его куда-то в кусты. Дороти не могла противостоять ей, она только бессвязно кричала и пыталась оттолкнуть Сил руками.

Затем включила свой пояс и взлетела. Дороти кричала ей вслед:

– Ты не можешь улететь без меня, Сил! Сил!.. А как же я?

Сил взлетела, даже не обернувшись.

В конечном счете, Дороти должна найти свой радиобраслет, хотя на это потребуется много времени. Все будет выглядеть так, будто Сил не хотела, чтобы та нашла его, будто она оставила Дороти одну, без полетного пояса, без радиобраслета, без карты, без любых средств, которые помогли бы девушке выбраться из громадного,

дикого, нехоженого Заповедника. Все будет выглядеть настоящим убийством.

Некоторые люди могли бы выбраться из Заповедника прежде, чем умрут с голоду, но Дороти не из таких.

Фактически, никого не убивая, Сил сумела организовать весьма убедительное покушение на убийство.

Подавляя приступы раскаяния из-за того, что она сделала с Дороти, которую едва знала и которая не сделала ей ничего плохого, Сил позволила, чтобы ею завладело жестокое удовлетворение. Если есть в мире какой-то закон, какое-то правило, какой-то порядок, то он не сможет остаться бездействующим. Скоро она узнает то, что пыталась узнать уже много лет.

Текли дни. Прошла неделя. Другая.

Сил ждала, что что-то случится, но ничего не происходило. Ничто нигде не происходило. Неужели действительно нет ничего – ничего, что могло бы остановить ее от захвата всего мира, если бы ей этого захотелось?

Нападение на Дороти было само по себе не лучшим поступком, но выглядело гораздо хуже. И все же явно никто и не почесался. Никому не было интересно.

Правда, больше никто в мире не хотел совершать преступления. И, казалось, никто не был способен на них.

Грег и все, кого знала Сил, никогда не испытывали дикие желания, которые порой возникали в ней самой. Она это знала. Грег иногда говорил, что хотел бы свернуть ей шею, но это было просто безобидное выражение, фигура речи.

Никакие законы, никакой контроль не нужен таким людям, как Грег и Бэбс. Но существовала еще и она. Она, Сил Дуглас, жила в этом мире, со своим гневом, внезапными желаниями причинить кому-то боль, со своим эгоизмом, жадностью, припадками депрессии и иррациональной, непредсказуемой неприязнью. Так что должно быть что-то такое, что могло бы совладать с ней.

А раз существовала она, значит, могут существовать и другие, такие, как она, вероятно, они и появлялись не раз за последние десять столетий цивилизации.

Почему же они не стали убивать направо и налево, и не пробили себе дорогу к высшей власти?

Были некоторые, очень слабые, намеки на то, что такие люди действительно существовали. Иногда, в той или другой книге, она сталкивалась с краткой ссылкой на какого-то нарушителя спокойствия. Но из него никогда ничего не выходило, и не было никаких последствий.

Значит, что-то должно контролировать людей, что-то или кто-то, кто останавливал бы их. Должен быть какой-то закон, а значит, и те, кто его приводил в исполнение.

Сил хотела найти этот Закон, этот контроль, эту проверку, наказание, предупреждение – неважно, что именно. Она хотела увидеть своего гипотетического преследователя, стоявшего, словно тень, за спиной.

И она попыталась еще раз обнаружить его.

Она не могла принести себя в жертву, совершив самое отвратительное преступление, какое только могла придумать, только для того, чтобы узнать, что должно остановить ее от его исполнения. Она не хотела кого-то убивать, уничтожать великие произведения искусств или отравить водоснабжение. Напав на Дороти, она зашла так далеко, как могла себе позволить, и из этого ничего не вышло.

Тогда она пошла в известную картинную галерею и украла дюжину мировых шедевров. Она тщательно вырезала картины из рамок, свернула, сунула под мышку и ушла вместе с ними. На месте преступления она оставила записку, в которой написала свое имя и призналась, что это она украла картины.

Неделю спустя ей позвонил человек и попросил о встречи. Он представился Норманом Грэссиком. Это был высокий, худощавый мужчина спортивной внешности, но с бледной кожей, говорившей о том, что большую часть времени он проводил в закрытом помещении.

– Я приглядываю за галереей Янгсон, мисс Дуглас, – сказал он. – Я хотел бы узнать, закончили ли вы работать с картинами, которые взяли на днях? Я могу вернуть их обратно?

– Нет, – ответила Сил.

– Но они, я полагаю, не находятся далеко, мисс Дуглас, – продолжал Грэссик. – Мы действительно хотели бы вернуть их в галерею. Если бы вы сказали нам…

Он был явно в растерянности и не знал, что сказать ей еще.

– Я не собираюсь отдавать их, – сказала Сил. – Это ясно обрисовывает ситуацию?

– Нет, – изумленно промолвил Грэссик. – Но почему? Картины – собственность всего мира. Они принадлежат всем.

– Теперь они принадлежат мне.

– Я не понимаю… Я просто не… Это такая шутка, да? Или вы собираетесь написать книгу? Или…

– Я просто хочу посмотреть, что вы станете делать. Как вы вернете картины.

– Но как же я могу их вернуть, если вы не отдаете? – воскликнул Грэссик.

– Предположим, я уничтожу их.

Она ожидала, что он разволнуется, но он стал просто еще более изумленным.

– Вы не выглядите художницей, мисс Дуглас, – сказал он. – Но я полагаю, что вы с кем-нибудь проконсультировались, с тем, кто разбирается в искусстве. С тем, кто знает ценность картин, которые вы взяли.

– Я знаю их ценность. Поэтому и взяла.

– И вы говорите об их уничтожении? – озадаченно спросил он.

Сил сдалась. Она могла и дальше продолжать этот эксперимент, но уже поняла, что никто не собирался забирать у нее картины. Просто начали бы звонить другие люди и просить отдать их. Люди стали бы терпеливо объяснять ей, какими великими произведениями искусства являются эти картины, поэтому они должны быть выставлены так, чтобы любой мог полюбоваться ими. Наконец, кто-нибудь бы наверняка внес предложение, чтобы, если она их не отдаст, то повесила бы на стенах своей квартиры, чтобы народ мог приходить и глядеть на них.

Не было здесь никакого Закона, никакого контроля. Она не нашла то, что искала.

Так что она отдала картины Грэссику. Тот ушел с ними, все еще недоумевающий, но, очевидно, про себя он решил, что Сил собирает материал для книги, когда-нибудь он прочитает ее, и все станет ясным.

Сил небрежно опустилась на тротуар перед библиотекой. Люди повернулись поглядеть на нее. Сил не обратила на это внимания, потому что на нее вечно пялились. Что-то в ней было такое, что привлекало внимание, даже когда она была ребенком.

Возможно, это как раз было в ней тем, что, по словам Бэбс, любил Грег. Сил неохотно думала о Греге, пока поднималась по лестнице и вступила в полумрак библиотеки. Она думала о Греге много и всегда неохотно.

Ей удалось избавиться от мыслей о Греге, пообещав себе, что скоро она навестит его.

Бэбс Ропер была библиотекаршей. Только очень сильная любовь к книгам заставила бы кого-нибудь добровольно работать в библиотеке, но Бэбс это сделала. Всегда находился кто-то, чтобы исполнять такие обязанности, как работать библиотекаршей, делать текущие записи и показывать людям, как тут все работает.

– Привет, Сил, – с улыбкой сказала Бэбс. – Что я могу сделать для тебя… только не притворяться, что ты пытаешься меня убить?

– Я уже попробовала это с другой, – проворчала Сил. – Полный

провал. Допустим, я пойду поговорить со специалистами. А как вообще становятся специалистами?

– Специалисты, – опять улыбнулась Бэбс, – это умные люди, которые чем-то интересуются. Например, ты заинтересовалась антропологией, изучила массу того, что уже известно, откопала целую кучу материалов, придумала новую теорию эволюции и написала об этом книгу. Если выводы из твоей книги станут работать, то люди начнут называть тебя специалистом. Только и всего.

– Именно так я и думала. Выходит, нет никаких шансов узнать у специалистов больше того, что я могу найти в книгах.

– Ну, они всегда знают больше того, что уже написали. Скажем, кто-то интересуется обычаями индийцев. Он читает все, что уже написали другие, затем изучает индийские обычаи из первых рук, приехав в Индию. Какие-то вещи интересуют его особенно, и он решает написать о них свою книгу. Для этого он собирает громадное количество материала, но использует только лучшее из собранного или то, что вписывается в его теорию…

– Начинаю понимать, – заинтересованно сказала Сил. – Значит, он знает об этом больше, чем написал. И может быть, то, о чем он не написал, как раз и есть то, что я ищу.

Бэбс просто кивнула, воздержавшись от замечания, что она с самого начала твердила об этом Сил.

– А существует ли кто-то, кто знает об истории больше, чем есть во всех книгах? – спросила Сил.

– Сомневаюсь, – ответила Бэбс. – Но у специалистов есть еще одно преимущество. Он, конечно, не знает всего, зато знает, где найти то, что ему еще неизвестно.

– Если бы ты рассказала мне это раньше, – резко заметила Сил, – возможно, я сэкономила бы кучу времени.

Бэбс опять воздержалась от замечания, что Сил сама не давала ей такой возможности.

Большинство людей, посещавших библиотеку – не так уж много на самом деле, примерно три человека из пяти, – приходили сюда в поисках развлекательного чтива, книг с картинками или пособий типа «Сделай сам». Остальные, специалисты, брали книги только по своей тематике. И почти никто не походил на Сил, которая читала много, на разнообразные темы, и ей никогда не казалось, что она знает достаточно много.

Бэбс встала, пошарила в выдвижном ящике и вернулась с записной книжкой.

– Я заношу сюда некоторые адреса, – сказала она, – для того, чтобы, если появятся какие-то новые сведения из определенной области, я

сообщила о них заинтересованным специалистам. О каком периоде истории ты хочешь узнать?

– Обо всех. Но, в основном, о первой сотне лет.

– И не больше? О новой истории, а не о доисторической эпохе?

– Об обеих. А разве они не связаны?

– Ты об этом должна знать больше, чем я, – усмехнулась Бэбс. – Новая история описывает лишь последнее столетие, а доисторический период тянется на миллионы лет в прошлое. Есть Эдвин Рейсон, специалист по новой истории. Я напишу тебе его адрес. И так же адрес Джона Сейерса… Наверное, его можно назвать специалистом по доисторических эпохах. Я могла бы дать тебе больше адресов, Сил, но специалисты сами направят тебя, к кому нужно. Так что повстречайся с Рейсоном. Вряд ли он тебе понравится, но, по крайней мере, он знает, к кому тебя направить.

Сил встала.

– Спасибо, Бэбс, – сказала она.

– Удачи, – тихонько ответила вслед ей Бэбс.

2

Прежде чем отправиться к Рейсону, Сил вызвала по радиобраслету Грега. Все, что ей нужно было для этого сделать, просто включить браслет и назвать его имя. В случае, если у кого-то было то же самое имя, существовало несколько вариантов. Например, Грег был просто Грег Колдер. Но если бы она сказала «Грегори Колдер» или «Г. Колдер», или «Грег Х. Колдер», то связалась бы с тремя различными людьми, среди которых не было бы нужного ей.

Сил вызвала Грега из чувства долга. Возможно, она никогда не скажет, что собирается за него замуж, потому что у нее не было намерения выйти замуж за кого бы то ни было – по крайней мере, пока она не узнает побольше о себе и не устроится получше в этой жизни.

Грег всегда был в высшей степени спокойным, разумным, невозмутимым и абсолютно правильным. Но Сил не раздражало то, что он вечно прав – иногда она даже рассчитывала на него.

Однако, это было еще не все. Они с Грегом никогда не поняли бы друг друга до конца. Возможно, когда-нибудь Сил встретит кого-то такого же, как она сама, с такими же проблемами, которыми он сможет поделиться с ней. И на этот случай она хотела оставаться свободной. А Грега она оставляла в качестве запасного варианта.

По радио они поговорили не долго. Грег, как всегда, был рад услышать ее, но никогда не навязывался. Он знал, что она знает, что он будет ждать, когда она будет готова.

Поговорив, Сил поднялась в воздух и повернула на юг. Рейсон жил в Белхеме.

Она могла бы приземлиться прямо на балкон Рейсона на сорок третьем этаже, но посчитала, что это будет неудобно, поскольку они незнакомы. Поэтому она опустилась перед домом и вошла в вестибюль.

Имя Рейсона было в списке жильцов. Сил нажала кнопку, думая о том, как он встречает нежданных гостей.

Карточка, выскользнувшая из щели под именем, показала, что Рейсон не был суетлив. На ней был вопрос лишь об имени посетительницы и о цели ее прихода. Сил мимоходом отметила, что он принял ее визит, как и, вероятно, любой желающий мог с ним встретиться.

Она быстро написала «Сил Дуглас», а на вопрос о цели появления коротко черкнула: «Годы 1 – 100». Карточку она сунула обратно в щель и снова нажала кнопку. Меньше чем через минуту пришел ответ: «Поднимайтесь».

Сил легко преодолела пешком четыре лестничных пролета. Ей нравилось чувствовать себя более сильной и тренированной, чем большинство окружающих. Но относилась она к этому без фанатизма, так что на пятой площадке шагнула в специальный колодец и нажала кнопку на полетном поясе.

Рейсон принял ее к комнате, где были лишь стенды с микрофильмами, считывающее устройство и два кресла. Выглядел он не старым, однако, Сил предположила, что ему лет семьдесят или даже больше.

– Чем я могу помочь вам, мисс Дуглас? – вежливо спросил он.

– Сил, – машинально сказала она. – Как я понимаю, вы специалист по новой истории?

– Оказывается, я просто узнал все, что мог, о первом столетии, – улыбнулся он.

– Зачем? – быстро спросила Сил.

Рейсон внимательно поглядел на нее.

– Думаю, что могу вам помочь, Сил, – медленно проговорил он, – если вы скажете мне, что вам нужно. Скажите, почему вы хотите узнать, а не что именно.

Сил, в свою очередь, проницательно взглянула на него. Вначале он явно принял ее просто за симпатичную девочку, которую привлек его предмет, потому что кто-то упрекнул ее в невежестве. Но теперь он пересмотрел свое мнение. Он был умным, наблюдательным человеком. И, возможно, она не зря потратила время, приехав к нему.

– Я хочу узнать о себе, – ответила Сил.

– Вполне естественно, – кивнул Рейсон. – И вы думаете найти эту информацию в первом столетии?

Она тоже могла быть саркастичной.

– Да, методом исключения, – сказала она. – Потому что, мне кажется, эта информация не находится в девяти столетиях до этого, или даже больше.

Рейсон рассмеялся.

– Безупречная логика, – признал он. – Ладно, Сил, рассказывайте.

– Детство мое было обычным, – начала она, – пока мне не исполнилось примерно лет десять. Тогда я начала замечать, что я более дикая, гораздо более эгоистичная, жестокая и невнимательная, чем любые из моих друзей. Естественно, я сама не казалась странной себе. Все остальные казались мне странными. Я не задавалась вопросом, почему я брала все, что хотела. Меня интересовало, почему никто больше не делал так.

– Я уже начинаю понимать, – неожиданно печально сказал Рейсон, и Сил быстро взглянула на него. – Продолжайте, пожалуйста. Вы же не хотели бы услышать от меня безосновательные предположения.

– Никто никогда не останавливал меня, – продолжала Сил, – хотя я чувствовала, что это должны были сделать. Частенько я совершала нехорошие поступки и ожидала, что меня станут за них ругать, и меня ругали, но слишком уж мягко. Мне объясняли, что нельзя делать такие вещи, явно считая, что я делала их лишь по незнанию. Люди не могли понять, что я намеренно хотела раздражать окружающих, ломать или красть их вещи. Затем, когда мне исполнилось четырнадцать лет, появилось кое-что новенькое. Я не могла видеть мальчиков с любыми другими девочками. Я отбивала мальчишек, которые были мне не нужны, только затем, чтобы они не были ни с кем другим. А тех, кого не могла отбить, потому что их подружки были красивее или умнее меня… Ну, я просто забирала их силой.

Рейсон кивнул. Казалось, он уже все понял.

– Когда мне исполнилось семнадцать, – продолжала Сил, – у меня появились новые мысли об этом. Остальные не походили на меня, но они почему-то были гораздо счастливее меня. Они не брали все, что хотели, а потому не получали всего того, что хотели. Они были тактичны и услужливы, а не жестоки. Но все же они были счастливы. О, я не утверждаю, что я была несчастна. Вовсе нет. Но мне казалось, что все остальные гораздо счастливее. Года два я пыталась походить на окружающих. Я встретила человека, которого полюбила больше остальных, и сказала, что выйду за него. Мы до сих пор обручены. И когда я встретила его, то попыталась узнать, почему же я отличаюсь от всех остальных. Также я попыталась найти какую-то власть, правительство, закон, о котором известно всем, кроме меня. Я пыталась найти нечто более сильное, чем я. Я также пыталась найти других таких же, как я. И так ничего и не нашла

Она замолчала и сидела, ожидая ответа.

– Не удивительно, что вы ничего не нашли. Сил, – мягко ответил Рейсон. – Но вы уже нашли некоторые ответы. Есть те, кого вы ищите.

Сил во все глаза уставилась на него.

– Я не могу рассказать вам о них. Но я знаю того, кто сумеет это сделать. Генри Уаймен из Липула. Пойдите к нему и расскажите то, что сказали мне.

Сил была вне себя от радости, но внезапно почувствовала страх пополам с гневом.

– Но вы же все знаете! – воскликнула она. – Так расскажите мне!

Рейсон покачал головой.

– Я могла бы вытрясти из вас эти сведения, – отчаянно воскликнула Сил.

– Нет, не могли бы. Я бы остановил вас.

Сил задохнулась.

– Что бы вы сделали?.. – пораженно прошептала она.

– Я бы сопротивлялся. И не думайте, что не успешно.

– Вы тот, кого я искала! – воскликнула Сил. – Кого-то, кто может сопротивляться. Вы понятия не имеете, как часто я совершала жестокие, дикие поступки только чтобы посмотреть, не остановит ли меня кто-нибудь…

– Вам повезло, – небрежно заметил Рейсон. – Вас могли бы и убить.

Сил вскочила на ноги.

– Значит, есть правительство, есть закон. Есть организация. Специалисты… Да-да, именно специалисты – закон и правители…

– Нет, вы опять ошибаетесь, Сил. Нет никаких правителей. Когда-то они были, но больше мы в них не нуждаемся.

– Но вы же сказали… что кто-то мог убить меня.

Рейсон проигнорировал ее слова.

– Я дам вам записку к Генри, – сказал он. – Отдайте ему ее, и это сэкономит вам подробные объяснения. Вот, держите…

– Вы просите его быть осторожным, потому что я опасна?

– Да, – вежливо сказал Рейсон.

Это был 1027 год. Тогда, тысячу лет назад, кое-что произошло. Никто не знал, что. Это еще не было началом истории, потому что история не начиналась до 100 года.

История практически не существовала в первом столетии, была очень скудной и неполной в начала второго, и лишь с середины второго столетия стала подробной и точной.

Было известно, что еще до первого столетия существовали цивилизации, развитые цивилизации. Некоторые критики высказывались, что искусство и литература, судя по тому, что дошло до нынешних времен, были на несравненно более высоком уровне, чем позже. Другие считали, что доисторическое искусство, литература и музыка были хуже, чем современные.

Осталось немного стихов от человека по имени Шекспир, столь театральных, что все соглашались, что это были отрывки из несохранившихся пьес. Была музыка Бетховена в таком объеме, что все пришли к заключению, что сохранились все его произведения. Музыка, вообще, сохранилась неплохо.

По сравнению с музыкой, с литературой было похуже. Ни у одного автора не сохранились, судя по величине, полностью его произведения. Были отрывки романов, пьес, поэм. Были тысячи стихотворений, но все короче сотни строк.

Помимо музыки и литературы, о доисторическом периоде была собрана масса знаний. Но все это было каплей в море. Предыдущие цивилизации были большими, развитыми, накопившими громадные знания. Были сведения о могучих правителях. Было нечто, называемое законом – свод правил, которым все должны были подчиняться. Существовали газеты – ежедневные отчеты о событиях во всем мире. Все соглашались, что это была превосходная идея, но как у них получалось заставить столько людей делать такую громадную работу?

Еще одной превосходной идеей в доисторические времена был транспорт и связь. Правда, функцию связи полностью выполняли

радиобраслеты. Однако если вы хотели что-нибудь передать, например, из Лондона в Париж, проще было бы отправить это через Почтовое отделение, чем везти на самолете самому или просить привезти друга.

Однако, наверняка, были серьезные основания для того, почему все это больше не существовало. Мир 2027 года не волновался по этому поводу. Мир 2027 года вообще не волновался не из-за чего. Может, это был не самый прекрасный мир, но он явно был самым счастливым.

Да, совершенно счастливым. Сил Дуглас, единственная среди миллионов, являлась простым статистическим отклонением.

Статистически, Сил Дуглас просто не существовало.

3

Сил попыталась не волноваться по дороге к Генри Уаймену, потом поняла, что это невозможно, и бросила все попытки. Он, несомненно, уже ждал ее. Рейсон дал ей записку, которая должна была ее представить, но если Рейсон действительно считал Сил опасной, как очевидно и было, то он наверняка связался с Уайменом по радиобраслету и предупредил, что она летит к нему.

Липул был слишком далеко для полетного пояса, так что Сил полетела в самолете. Во время полета она снова вспомнила Грега, который подарил ей этот самолет.

Слишком часто я думаю о Греге, отчаянно заметила она. Но все равно она не любила его. Она не нуждалась в Греге.

Поэтому она выбросила все мысли о Греге из головы.

Она была еще в тридцати милях от Липуля, когда загудел радиобраслет. Она нажала кнопку и сказала:

– Сил Дуглас.

– Генри Уаймен. Вы летите ко мне, мисс Дуглас?

– Меня зовут Сил. Да. А откуда вы знаете?

– Я слышу, что вы находитесь в самолете. Вы знаете дорогу?

– Вы имеете в виду, когда я приземлюсь? Да. Буду у вас через несколько минут. Вы уже приготовили оружие?

– Что?

– Для самозащиты. Разве Рейсон не сказал вам, что я опасна?

– Нет, напротив, он сообщил мне, что вы не опасны. Но, со всем уважением к Рейсону, я не уверен, что он не ошибается. Я жду вас. До встречи, Сил.

И он отключился.

Сил не знала, как к этому отнестись.

– Я думаю, что смогу помочь вам, Сил, – сказал Уаймен, – если вы расскажете мне о самых плохих поступках, которые совершали в жизни.

Сил была поражена, но тут же собралась.

– Чтобы вы узнали, насколько я опасна?

– Не совсем так. Чтобы я знал, какое место вы занимаете среди людей, к которым не применимы обычные правила.

– Выходит, есть и другие, похожие на меня? – взволнованно спросила Сил.

– Конечно. С одной стороны, в природе все уникально. С другой – нет ничего в единственном экземпляре. Сделав что-то однажды, природа склонна повторять это – хотя, возможно, не часто и не в точности то же самое.

– И вы можете помочь мне встретить кого-то такого же, как я?

– Давайте пока что оставим этот вопрос, Сил. Расскажите мне о себе. И, пожалуйста, будьте честны. Я могу многое рассказать вам, но если вы что-то скроете от меня, то из-за этого я стану говорить не совсем правильные вещи.

Сил сразу же поверила ему. Он понравился ей с первого взгляда, отчасти потому, что, казалось, понимал ее лучше большинства людей. Он был таким же резким, как и она, и одновременно по-отцовски дружелюбным. И она почувствовала, что ничто, что она сделала, его не удивит.

Он слушал внимательно, изредка задавая вопросы. Когда она рассказала ему все важное о себе, он на мгновение задумался, затем улыбнулся.

– Рейсон прав, – сказал он. – Вы действительно не опасны, Сил. Вы хотите услышать о других людях, таких же, как вы. Ну, все, что есть у них общего, это то, что они не так счастливы, как остальные люди, не могут владеть собой, как все мы, они эгоистичны и невнимательны. Но все это проявляется в разной степени. Некоторые из этих людей просто как дикие звери. Убийцы и потенциальные диктаторы. Другие, как и вы, просто необузданные, своевольные люди, которые хотят идти своим путем и не понимают, почему не всегда могут делать это.

– Но почему? – спросила Сил. – Почему мы отличаемся ото всех?

– Не знаю. Но должен сказать, что вы – атависты.

– Мы кто?

– Атависты. В ранней предыстории люди были самыми дикими, самыми жестокими, самыми опасными убийцами во всем живом мире. Но постепенно люди научились сосуществовать относительно мирно. Тогда началась цивилизация. И в конечном итоге, хотя мы ничего не знаем об этом, должны были произойти какие-то эволюци-

онные изменения. Страсти смягчились, апатия, тоска и тяжкое горе улеглись, страх и гнев снизились до уровня умеренного негодования, скука появлялась лишь от чрезвычайно монотонной жизни.

Сил чувствовала себя сбитой с толку и расстроенной, но не из-за того, что он сказал, а потому, что говорил он небрежно и одновременно уверенно о том, что озадачивало ее всю жизнь.

– Как жаль, что я не слышала об этом прежде! – воскликнула она. – Я ведь боялась, действительно боялась узнать о ком-то подобном. Я знаю, что такое горе, и знаю, что оно походит на гнев. Я и сейчас сержусь, когда слышу все это после стольких лет бесплодных поисков. Почему никто не сказал мне это раньше?

– Люди не говорили вам это, Сил, потому что сами не знали. Я знаю это лишь потому, что изучал атавистов и встречался с некоторыми из них.

– С другими такими, как я? Живыми? И сколько их?

– Вероятно, десятка два во всем мире в настоящий момент.

– Тогда почему же я никогда не слышала о них?

– Простая математика, Сил. Двадцать атавистов во всем мире означают, что один в Европе, один в Соединенных Штатах, один в Южной Америке, один в Канаде, двое в Китае, один в…

– Я поняла. И мало шансов, что я когда-либо встречу хотя бы одного.

– Верно.

– У меня это наследственное? – спросила Сил. – Вы считаете, что люди эмоционально эволюционировали в другой подвид, а я – один из редких случаев человека старого образца?

– Да. Именно так я объясняю появление атавистов, Сил. Вы могли бы сказать, что их эмоциональная шкала глубже нашей. Когда нам интересно, им скучно. Когда мы чем-то возмущаемся, они приходят в ярость. Когда нам чего-то жаль, они испытывают глубокое горе. А если мы недовольны, они впадают в глубокую апатию.

– Прекрасная для меня перспектива, не так ли? – уныло спросила Сил.

– Все зависит от того, как вы на это посмотрите. Если я прав, то когда-то все походили на вас, Сил. И, без сомнения, они думали, что они счастливы. Они бы вообще не поняли нас. Они бы решили, что мы безумны, или ленивы, или находимся в упадочническом настроении, или что-то подобное.

Сил кивнула. Ей это было знакомо.

– Это типично для большинства атавистов, – не торопясь продолжал Уаймен. – С одной стороны, они глядят на нас свысока и считают нас низшими существами. С другой, завидуют нам и сердятся, видя наше вечное довольство.

Сил покраснела. Она думала так всю свою жизнь.

Внезапно она почувствовала, что больше не хочет ничего слышать.

Она встала.

– Ну, спасибо, – сухо сказала она. – В любом случае, я рада. Очевидно, я пещерная женщина и если бы родилась в правильной эпохе, то моей судьбой было бы бегать с дубинкой и растрепанными волосами. Наверное, я должна быть рада жить вместо этого в такой просвещенной эпохе.

– Сядьте, Сил. Есть еще пара вещей, которые я могу вам сказать.

– Не уверена, что хочу их теперь услышать.

– Не нужно ничего бояться, Сил, – мягко сказал Каймен.

– Я не… – закричала был Сил, но тут же осеклась.

Будь честной, подумала она и снова села. Да, она боялась. Она была испугана. Она даже не знала, из-за чего, и от этого было еще хуже.

– Попытайтесь посмотреть на свою жизнь с этой точки зрения, – сказал Уаймен. – Вы хотите умереть?

– Нет, – ответила Сил с удивлением, вытеснившим на какое-то время страх.

– Значит, ваша жизнь чем-то дорога вам, в конце-то концов?

Это так, согласилась про себя Сил. Впервые она подумала, что счастье различно по уровню интенсивности, а не по категории. Верно, она не была так же счастлива, как все остальные, но это же не означало, что она несчастна.

Машинально она подумала о Греге. Она была им довольна – не в высшей степени, но вполне удовлетворена.

– И еще одно, – продолжал Уаймен. – Вы не спросили меня, а можно ли сделать вас эмоционально такой же, как и все остальные.

– Да, – кивнула Сил. – Я не уверена, что хотела бы этого. В конце концов, я – это я. И я не хочу стать кем-то другим, пусть даже более счастливым.

– Тогда на что вы жалуетесь?

– Я не жалуюсь, я… – Сил встретила удивленный взгляд Уаймена и невольно рассмеялась. – Ну, да, – сказала она, не зная, что тут можно еще сказать.

– И вы не спросили меня еще кое о чем. Вы не спросили, что вообще происходит с атавистами.

Сил перестала смеяться.

– Да. Я хотела, но я… испугалась. Рейсон говорил что-то о том, что таких, как я, могут убить…

Уаймен кивнул.

– Это один вариант из тех, что может произойти. Видите ли, большая часть нынешнего населения не лжет, не обманывает и не уби-

вает, потому что не хочет этого. Но помимо желания, существует еще и необходимость. Мы способны все это делать. Фактически, если бы вы были похожи на некоторых атавистов, то вы бы узнали, что, если бы нам было необходимо убить вас, мы бы убили.

Страх вернулся. Сил сидела тихонько, не шелохнувшись.

Уаймен глядел на нее с таким сочувствием, с такой добротой, что ей приходилось приложить громадные усилия, чтобы не разрыдаться.

– Не боритесь с собой, Сил,– сказал Уаймен, словно читал ее мысли. – Плачьте, если вам хочется.

Никто в мире не плакал, кроме детей, когда они ушибались. А когда прекращалась боль, то высыхали и слезы.

Сил заплакала. Сначала слезы набухли в ее глазах и покатились по щекам, словно нашли выход. А потом она разрыдалась. Она плакала впервые с тех пор, как ей исполнилось шесть лет.

Уаймен не мешал ей, но она по-прежнему ощущала его сочувствие. До сих пор единственным человеком, который так смотрел на нее, был Грег.

Интересно, что, когда она выплакалась, то почувствовала себя гораздо лучше. Этого Сил не ожидала. Она думала, что если заплачет, то останется несчастной до конца своих дней. Но оказалось, что это не так. Возможно, ей давно нужно было поплакать.

– Можно, я скажу вам еще кое-что, Сил? – спросил Уаймен.

– Да, пожалуйста.

– Вы рассказали мне о себе, и я вам верю. Вы не плохая, не злая. Как некоторые атависты. И вообще, они – мужчины, по крайней мере, большинство из тех, кого я знал, были мужчинами. Они совершали бесчеловечные преступления с фантастической жестокостью, но я не буду рассказывать вам об этом. Они делали все это из-за безумной ревности – все эти мужчины обычно ужасные собственники. И, рано или поздно, собирались два-три человека, обсуждали этот вопрос и решали, что мир был бы гораздо лучше без такого ревнивца, тогда он был спокойно казнен и забыт.

Сил молчала. Ей хотелось задать множество вопросов, но она не смела. Она боялась задать их, и еще больше боялась услышать ответы.

– В таком случае, как ваш, – сказал Уаймен, – я редко слышу об этом. Но, может быть, в мире нынче гораздо больше двадцати атавистов. Потому что… Вы знаете, что происходит с такими, как вы, Сил?

Сил помотала головой.

– Они узнают, что отличаются от других. И они не хотят скрывать эти отличия. Но также они постепенно узнают, что чем они более жестоки и эгоистичны, тем становятся более несчастными. Эти ата-

висты, такие люди, как вы, Сил, которые были бы самыми обыкновенными, приличными и дружелюбными, родись они в нужное время, в доисторический период… эти люди, такие же, как и вы, понимают, что будут счастливыми, если станут жить так же, как и все остальные, хотя им это, возможно, будет и не легко.

– Понимаю. Значит, я должна выйти за Грега и притворяться обычным, безмятежным человеком?

Уаймен ощутил в ее голосе горечь.

– А вы хотите чего-то другого, Сил?

– Я хочу встретить такого же, как я. Я хочу посмотреть, на что похож атавист и как он живет. Я ведь не могу анализировать саму себя…

Уаймен надолго задумался.

– Не уверен, что вы должны это сделать, Сил, – наконец, спокойно сказал он. – С одной стороны, это может быть опасно…

– Мне кажется, вы сами сказали, что я не опасна?

– В одиночку – да. Но два атависта вместе… Вот что, – внезапно решил он. – Поезжайте к Джону Сэйерсу?

– Он действительно атавист?

– Нет, но у него есть что вам рассказать. Возможно, мне не следовало бы посылать вас к нему, не зная, что… Вы обещаете, что после того, как встретитесь с ним, вы вернетесь ко мне?

– Он знает об атавистах?

Сил была изумлена тем, что за такой короткий промежуток времени встретила сразу трех человек, которые знали об атавистах, после того, как за всю жизнь она не нашла ни одного.

– Нет, но у него есть о них своя теория. Вероятно, отличная от моей. Слетайте к нему, а потом вернитесь.

– Хорошо, – сдавленно вымолвила Сил. – Что я теряю, в конце концов?

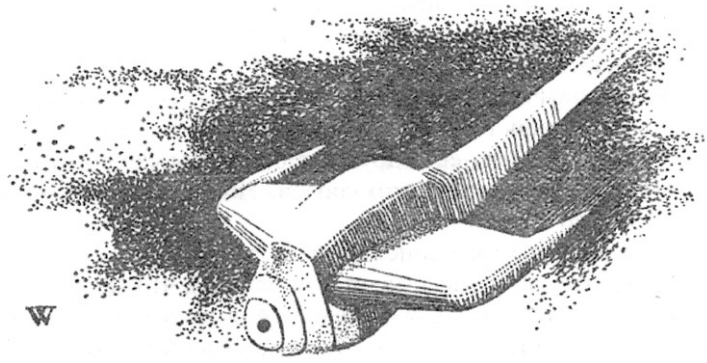
– И есть еще одно, что я не могу не сказать, – с явным сочувствием добавил Уаймен. – Если вам кажется, будто я злорадствую, попытайтесь поверить, что это не так. Если бы люди в прошлом, такие же, как вы, знали о нашем мире и о нашем обществе, то знаете, как бы они его назвали в своем невежестве?

Сил молчала.

– Раем, – вздохнул Уаймен.

4

Сэйерс жил в Эдинбурге. Сил полетела прямо туда, решив, что если она вообще решится встретиться с ним, то это могло быть лишь сразу сейчас же, немедленно.



По пути она вызвала Грега и рассказала ему, что произошло. Она не раздумывала, нужно это делать или нет. Ей это казалось вполне естественным.

Все это очень интересно, ответил он, но когда она все же вернется, чтобы обсудить кое-какие вопросы… насущные вопросы?

Она выключила радиобраслет.

Когда позже она вызвала Сэйерса, у него, очевидно, была схожая точка зрения.

– Не люблю радио, – быстро сказал он. – Мне нравится видеть, с кем я разговариваю. Приезжайте прямо сейчас.

Она так и сделала.

С удивлением она обнаружила, что Сэйерс был молод. Рейсон и Уаймен были, в отличие от него, стариками. Сэйерс был маленьким, худым, взволнованным молодым человеком, так и бурлящим нерастраченной энергией.

Сил рассказала ему о Рейсоне и Уаймене.

– Уаймен хороший человек, – воскликнул Сэйерс с подъемом, который, казалось, был его обычным способом общаться, словно жизнь была слишком коротка, так что нужно было спешить сказать все, что должно быть сказано, и сделать все, что должно быть сделано. – Вы сказали, что он знает о моей теории, но он не пересказал ее вам, правильно?

– Разве он не связался с вами? – быстро спросила Сил.

Было приятно, что ей доверяют. Рейсон предупредил Уаймена, но Уаймен не счел необходимым предупреждать Сэйерса, чтобы тот успел обеспечить свою безопасность.

– Связывался по поводу вас? А что у вас вообще такое?

Сил еще не успела ему сказать, что является атавистом. Она лишь пересказала ему часть того, что рассказала Уаймену.

– Ага! – восхищенно воскликнул Сэйерс. – Вы иммунны. Всегда

хотел встретить кого-то невосприимчивого. Никогда не видел. Расскажите мне все с самого начала, а я запишу.

Он помчался за стол и принялся лихорадочно писать.

– Невосприимчива? – спросила Сил. – Невосприимчива к чему?

– Это всего лишь теория, – извиняющимся тоном ответил Сэйерс. – Кажется, у Уаймена есть другая теория. Мы сходимся в том, что вы похожи на доисторических людей. Но объяснения этому у нас разные. Только и всего.

– И какое у вас объяснение? – спросила Сил.

– Уайман называет вас атавистами, полагая, что человеческий род претерпел эволюционное изменение. А я заявляю, что вы просто обладаете иммунитетом к тому, что делает всех нас такими, как мы есть…

После ряда неожиданностей наступает предел, после которого человек уже не способен ничему удивляться. Кроме того, Сил сразу поняла смысл того, о чем говорил Сэйерс.

– Продолжайте, – спокойно сказала она.

– А вы уверены, что вы действительно атавист? Вы не похожи на них, Сил.

– Говорят, я умеренный случай, – сдавлено сказала Сил. – Уайман сказал мне, что в доисторический период я была бы приличным, нормальным человеком. А это заставляет меня думать о некоторых других атавистах…

Сэйерс с сожалением отодвинул записную книжку.

– Давайте подумаем о доисторическом периоде, – сказал он. – Почему так мало осталось от него?

– Я слышала о теории, что все было подвергнуто цензуре.

Сэйерс поднял брови. Не так уж много людей слышали об этом.

– Можете считать, – сказал он, – что это не просто теория. Все наследие прошлого было точно подвергнуто цензуре, и устранено все то, чего нельзя было допустить в наше время.

– Да, да, – нетерпеливо кивнула Сил.

– И разве не ясно, что цензура действовала так, чтобы уничтожить информацию о прежнем образе человеческих эмоций?

– Ну… да… – пробормотала Сил.

– Давайте подумаем. Музыка сохранилась полностью, за исключением песен и опер. Очевидно, эмоционально с музыкой было все в порядке, но не с лирикой. В литературе то же самое. Никаких эмоций, кроме специально отобранных и допустимых. У нас не осталось полной картины того, как жили тогда люди. Никаких картин и рисунков, никаких игр, никаких романов о жизни людей…

Он говорил так быстро, что Сил с трудом разбирала слова. Вне-

запно он замолчал, чтобы перевести дыхание, и усмехнулся от собственного энтузиазма.

– Ну, хорошо. Давайте назовем людей доисторического периода homo sapiens, а современных людей homo serenus[1]. А теперь вопрос, кто из них подверг все такой цензуре?

Очевидно, мыслил он столь же стремительно, как и разговаривал, и Сил потребовалось несколько секунд, чтобы понять значение его вопроса.

– Ну, я не думаю, что homo serenus стал бы что– то подвергать цензуре, – с сомнением сказала она.

– Верно! – торжествующе воскликнул Сэйерс. – Кто бы ни ввел такую цензуру, он явно решил, что эта информация будет опасной для нас. На самом деле она ничуть для нас не опасна, и все же была вычеркнута из истории. Таким образом, это должен был сделать homo sapiens.

Сил было это понятно.

– Но зачем? – спросила она.

– Потому, что homo sapiens должен заменить homo serenus, и homo sapiens знал об этом заранее, – сказал Сэйерс. – Так что он уничтожил предметы культуры, которые могли этому помешать!

– Но это же невозможно, – возразила Сил. – Homo sapiens походили на меня. А, по вашей теории, такие люди как я, никогда бы не уступили место другой расе.

– Да, – с легкостью согласился Сэйерс. – Другой расе не уступили бы. Но никакой другой расы и не было. Homo sapiens сам превратился в homo serenus. И, не ощущая полной уверенности, что это получится, он стер всю информацию об изменении и о том, что именно было изменено с помощью цензуры. Затем появился homo serenus. Затем, какое– то время – я не знаю, как долго это продолжалось, – цензура все еще действовала. Наверное, лет сто, пока превращение не закончилось.

Бывает, когда человек замечает что-то столь для него очевидное, он задает себе вопрос, а почему же все остальные не видят этого?

Подобное произошло и с Сил. В теории Сэйерса было больше, чем кусочек истины. Она не только соответствовала большому количеству фактов, но и сразу же предлагала новые возможности.

– Как же могли быть проделаны эти изменения? – спросила Сил. – При помощи наркотиков?

– Только не на протяжениицелого века, – возразил Сэйерс. – Без всяких внешних проявлений, без штаба, управляющего всей систе-

1 homo sapiens – человек разумный (лат.), homo serenus – человек безмятежный (лат.) (прим. перев.)

мой. Кроме того, у разных народов существовали разные рационы. Вы учли все это?

– Нет, – растерянно ответила Сил.

– Я предполагаю, что это проделали какие-то радиоволны, воздействующие непосредственно на мозг, которые излучались, и, вероятно, до сих пор излучаются замаскированными искусственными спутниками, маленькими, темными, вращающимися на низких орбитах.

– Но откуда у меня может быть иммунитет?

– Из-за особой структуры мозга, я думаю. Неважно, откуда и почему, но, кажется, он постоянный. Нет ни единого случая, чтобы атависты, как их называет Уаймен, перестали быть атавистами. По крайней мере, мне о таких неизвестно. Спросите Уаймена. Ему больше известно о людях, чем мне.

Но Сил уже потеряла интерес к этому вопросу. Он стал для нее не важным. Потому что у нее появилась новая потрясающая идея.

– Я думаю, – неуверенно сказала она, – что, возможно, homo sapiens совершил большую ошибку.

Сэйерс внезапно замолчал, и через секунду медленно, задумчиво спросил:

– Вы так думаете, Сил? Почему?

– Мне кажется, я знаю, почему музыка, искусство и поэзия доисторического периода так великолепны. Потому что они свободны. Люди, создавшие все это, были свободными. Те же, кто придумал этот контроль и цензуру, загнали человеческий разум в некую колею. Да, возможно, люди стали счастливыми, но это счастье невежества. Это не реальное счастье, это счастье по принуждению. Счастье по приказу. Вот он, закон, который я так долго искала. Род человеческий отказался от свободы ради удовлетворенной жизни. Но это удовлетворенность ущербной психики.

Чем больше волновалась Сил, тем спокойнее становился Сэйерс. Причем, казалось, он не был так уж не согласен с тем, что она говорила.

– Я долго работал над этим, и мне все еще нужно многое сделать, – сказал он. – Но мне кажется, что вы правы. Да, я думаю, что вы правы! – Секунду он промолчал, затем продолжил: – Я дам вам два маленьких доказательства, что homo sapiens был гораздо более разумен, чем homo serenus. Знаете, когда вы изменяете историю, то обязательно остаются небольшие промежутки, этакие ничем не заполненные пробелы. Когда я изучал доисторический период, то нашел убедительные доказательства двух вещей, которые заставили меня задохнуться от изумления. Тогда я не поверил этим доказательствам. Теперь же верю. Как вы думаете, сколько времени прошло

между созданием первого парохода – и использованием ядерной энергии?

– Мне кажется, примерно, две тысячи лет, – ответила Сил.

– Нет, – сказал Сэйерс. – Меньше двухсот.

– Но… – выдохнула Сил.

– И еще одно. По скольким векам были разбросаны периоды жизни Бетховена, Шуберта, Вебера, Верди, Чайковского, Дворжака, Шумана, Мендельсона, Пуччини, Шопена, Листа, Брамса, Вагнера и Берлиоза?

Даже понимая, что Сэйерс хочет сказать ей что-то невероятное, Сил вынуждена была ответить:

– Не меньше десяти веков.

– На протяжении века, – сказал Сэйерс. – Всего один век! Все эти великие композиторы родились в промежутке сотни лет. А за тысячу лет у нас есть всего лишь два, кто мог бы сравниться с кем-нибудь из них.

Они говорили еще очень долго, весь день и большую часть ночи.

И они пришли к согласию, что homo sapiens совершил самую большую ошибку, когда решил изменить свою природу. Это почти уничтожило творческое искусство, высокий разум и развитие науки, создав из человечества расу легко управляемых, счастливых, безмятежных созданий.

И, наверное, пришла пора превратить обратно homo serenus в homo sapiens, если это было возможно, сделать их настоящими разумными существами с надеждами и страхами, горем и радостями, и с огромным талантом, а не дружелюбных веселых роботов, которые жили до самой смерти в состоянии безмятежного довольства.

– Возможно, – согласился Уаймен, когда Сил пересказала ему объяснение Сэйерса о причине появления атавистов. – Фактически, это вполне вероятно. Мне нужно поскорее встретиться с Сэйерсом.

– Но… Разве вы не считаете, что с этим надо что-то сделать?

– Что именно?

– Узнать, существует ли такое излучение, найти спутник, испускающий его. И уничтожить этот спутник раз и навсегда!

– И Сэйерс согласен с этим, Сил? – очень спокойно спросил Уаймен.

– Да!

– Этого я не ожидал. Но вспомните, что Сэйерс никогда не встречал атавистов. Он много знает о них, но не встречался с ними лично. В отличие от меня.

– Какое это имеет значение? – спросила Сил. – Я понимаю, что атависты не очень хорошие люди. Они эгоистичны, они соперни-

чают, они убивают друг друга и, вероятно, совершают преступления, которым у нас нет даже названия. Но они настоящие люди. Они испытывают настоящие чувства. Они могут в полной мере использовать свой разум и, действительно, творят с его помощью чудеса. В качестве писателей, ученых, художников, музыкантов…

– Я знаю, Сил, я все это знаю, – вздохнул Уаймен. – Я не хотел, чтобы вы встретились с другим атавистом…

– Вы хотите сказать, что теперь я могу… – взволнованно воскликнула Сил.

– Я не вижу альтернативы. Только вы должны обещать, что не скажете ему, что вы тоже атавист. Он видит в этой роли только себя, и вы ничего не измените, но в противном случае…

Сил не слышала его. Она была ужасно взволнована от мысли, что скоро увидит кого-то с такими же проблемами, как и у нее самой. Она так долго этого хотела – всю свою жизнь.

– Вы обещаете, Сил? – спросил Уаймен.

– Обещаю. Но что бы ни произошло между мной и ним… разве вы не понимаете, что это не имеет никакого значения? Я знаю теперь, что счастливый мир, мир Синей Птицы, и мир человека разумного всегда будут разными. И это сейчас неважно.

– Я понимаю, Сил, понимаю, – повторил он. – Поезжайте к нему. Рекс Уолтон. Живет в Йоркшире, неподалеку от Лидса.

Сил посмотрела на него с неожиданной проницательностью.

– А что, если я влюблюсь в этого Рекса Уолтона?

– Тогда я надеюсь, вы будете счастливы.

– Но вы считаете, что этого не произойдет? Хорошо, я хотела бы в любом случае повстречаться с атавистом. Но я хочу сказать, Генри… что бы ни случилось, это не повлияет на то, что современные люди – не настоящие, и они должны снова стать реальными, даже если станут при этом менее счастливыми.

– Нет, – возразил Уаймен. – Я не думаю, что это произойдет.

Его отказ от дальнейших обсуждений этой темы озадачил Сил. Он мог бы начать спорить. Она сама знала несколько аргументов, которые можно было привести в защиту противной стороны.

– Будьте осторожны, Сил, – сказал Уаймен напоследок.

5

Три здания стояли вместе, как маленькая община. Самым большим был дом Уолтона. Рекс являлся вторым из шести детей и, разумеется, никто больше не был атавистом.

Когда Сил посадила самолет, неподалеку была дюжина человек, и еще прежде, чем самолет остановил пробег, Сил определила, кто из

них Рекс. Она сразу узнала его по высокомерному виду. Несколько секунд она разглядывала его, прежде чем выйти из самолета.

Так вот он какой, атавист, подумала она.

Сил не влюбилась в него, но нельзя сказать, что ей не понравилось то, что она увидела. Рекс был высокий и сильный, но таких было большинство. У него был недовольный, мрачный взгляд, по которому Сил и узнала его, но он не был в чем-то непривлекательным.

В двадцатый раз она спросила себя, почему Уаймен передумал и послал ее, в конце концов, к Уолтону? По-видимому, предполагалось, что ей не понравится Рекс и она оставит идею избавить всех от мыслительного контроля, который, по словам Сэйерса, продолжался во всем мире. Но Сил не думала, что это произойдет. Разве не гораздо более вероятно, что они с Рексом найдут общий язык, познакомятся, обнаружат друг в друге родственные черты, которых не встречали у тысяч других людей?

И была еще одна причина, почему она колебалась. Сил снова подумала о Греге. Всегда было трудно не думать о Греге. Между ними не было никаких прекрасных отношений, но... она не хотела терять его. Сил не была уверена, что хочет встретить человека, который мог бы встать между ней и Грегом.

Но это же просто смешно, сердито сказала она себе. Она потратила всю жизнь на поиски счастья, которого никто больше не искал, и вот теперь ей подвернулся хороший шанс. Впервые она встретится с человеком, таким же, как она сама, с человеком, который поймет ее проблемы так, как никогда не смог бы понять Грег, с человеком, с которым она могла бы разделить жизнь... и она колебалась, потому что не хотела терять нечто совершенно не нужное, то, что было у нее с Грегом, то, что не было ни любовью, ни счастьем, а в лучшем случае, привязанностью и чем-то поверхностным.

Она вышла из самолета и направилась прямо к Рексу. Сил не стала предупреждать его о прилете, потому что не знала, что сказать ему.

– Рекс Уолтон? – улыбаясь, спросила она. – Я Сил Дуглас. Могу я поговорить с вами? Обещаю вам, что у нас есть весьма интересная тема для беседы.

Он нахмурился еще сильнее, когда посмотрел на нее.

– Вас послал Уаймен, – сказал он обвинительным тоном.

Сил кивнула.

– Знаю я, что он сказал, – проворчал Рекс. – Рекс Уолтон, получеловек, урод, причуда природы, сегодня и ежедневно на арене! Уаймен обещал, что оставит меня в покое, но, как я вижу, его обещания ничего не стоят.

– Минутку, – прервала его Сил. – Это совершенно другое. Наверное, Уаймен думал, что вы будете рады встретиться со мной.

Рекс неожиданно усмехнулся, и его лицо внезапно изменилось. Мрачное выражение и сердитый тон мгновенно куда-то исчезли.

– Ну, может, в этом что-то и есть, – согласился Рекс. – Давайте пойдем куда-нибудь подальше от посторонних глаз.

Он повел ее к дому. Все, кто встречался им на пути, улыбались ей, и Сил машинально улыбалась им в ответ. Никто не навязывался с разговорами. Раз Сил захотела поговорить с Рексом, то никто не волновался, что их не пригласили принять участие в беседе.

За домом была ухоженная лужайка, стояли деревянные скамейки и несколько шезлонгов. Сил сбросила пластиковый полетный комбинезон и с удовольствием расположилась на солнце в одном из шезлонгов. Она чувствовала при этом, что Рекс глядит на нее без всякой неприязни. Очевидно, она произвела на него весьма значительное впечатление.

Ладно, – сказал, наконец, Рекс. – Почему Уаймен решил, что я буду рад повстречаться с вами?

Сил заколебалась. Она знала, что Уаймен доверился ей, и не хотела даже намекать Уолтону на то, что она атавист.

– Вы знаете теорию Уаймена о том, что вы атавист? – прямо спросила она.

Лицо Рекса снова потемнело.

– Да, – коротко ответил он.

– Ну, так вот, я не думаю, что он сам теперь верит в нее. – И Сил принялась быстро объяснять теорию Сэйерса. – А если это так, – закончила она, – то такие, как вы, – истинные, реальные люди, настоящие люди. Это все остальные уродцы и получеловеки, а не вы. Что вы думаете об этом?

Взгляд Рекса стал теперь задумчивым, а не сердитым.

– Для чего это вам? – внезапно спросил он.

– Что именно? – не поняла его Сил.

– Ну, все это – теории, игра в предположения…

Сил покачала головой.

– Во всяком случае, – сказала она, не обращая внимания на его вопрос, – я считаю, что мы должны узнать, так это или нет, а если так, то подумать, хорошо ли, когда людьми управляют машины, независимо от того, что…

– Для чего это вам? – еще более настойчиво повторил Рекс. – Только не говорите мне, что для вас это всего лишь интересная теоретическая проблема. Люди не приходят в восторг от теоретических проблем.

Сил молчала.

– Вы что, не слышите меня? – воскликнул Рекс. – Разве Уаймен

не рассказывал вам обо мне? Когда я спрашиваю, то мне отвечают. Хотят этого или нет!

Он поднялся на ноги.

– Для чего это вам? – в третий раз повторил он.

Сил покачала головой.

Тогда произошло то, что было для Сил совершенно новым и неожиданным. Сама она могла обращаться с другими грубо, но это была грубость иного плана. Она никогда не отрицала некую справедливость, но Рекс был совершенно не такой, как она.

Рекс не был особо жесток. Он даже не собирался причинить ей никакого реального вреда. Он просто швырнул ее на землю, выкрутил ей руки, заставил подняться на колени, властно поцеловал ее, и вообще всячески показывал, что он хозяин положения. Смесь поцелуев и боли больше всего потрясла Сил.

Он был достаточно силен, чтобы сделать с ней все, что хотел. Сил боролась и сопротивлялась, но без особого эффекта.

Она никогда не жалела себя, так что не собиралась и теперь. Возможно, она заслужила все это. Ее принуждали, ей причиняли боль, ее заставляли делать все, что нравилось Рексу – и самое оскорбительное состояло в том, что если бы Рексу нравилось что-нибудь похуже, она никак не могла бы остановить его.

Для Сил это послужило уроком. Она поняла, что Уаймен, должно быть, знал, что должно произойти нечто подобное, а может, оно уже происходило.

Рекс, наконец, оставил ее, но лишь потому, что она сумела принять ответные меры и разбила ему нос. Он ушел остановить кровотечение, затащив ее в кусты в качестве прощального жеста.

Все еще лежа в кустарнике, Сил думала о происшедшем. Она была разъярена и одновременно немного боялась Рекса, но сумела взять себя в руке, загнать поглубже свой гнев и страх и хладнокровно поразмышлять о Рексе, Уаймене и атавистах.

Через несколько минут она включила радиобраслет, все еще лежа в кустах, вызвала Уаймена.

– Меня избили, – мрачно заявила она.

– Нет, Сил, я не думаю, что вас просто избили, – ответил Уаймен. – Только не Рекс Уолтон. Без сомнения, он сделал с вами кое-что еще, не так ли?

– Да, будьте вы прокляты, – с жаром сказала Сил.

– Он узнал, что вы тоже атавист?

– Нет. Я не сказала ему.

– Ладно, Сил, мне кажется, вы уже поняли, что среди вас встречаются атависты разной степени. Вы можете представить себе кого-нибудь настолько же более жестокого и дикого, чем Рекс, насколько Рекс был по сравнению с вами?

Сил постаралась успокоиться.

– Это все равно ничего не меняет. Я же не отрицаю, что мир стал счастливее, чем был бы, если ли бы мы оставались в нашем естественном эмоциональном состоянии. Но если бы все были теми, кем родились, тогда, чтобы избавиться от угрозы жизни и всяческих принуждений, люди были бы вынуждены сплотиться. Это не правильно, что люди должны…

– Вы сделали этот вывод интуитивно, Сил? – мягко спросил Уаймен.

– Допустим. При чем здесь вообще интуиция?

– Да ни при чем, Сил. Только дайте своей интуиции побольше фактов. Вы останетесь с Уолтоном до завтрашнего полудня?

– После такого?! – воскликнула Сил.

– Вы обнаружите, что Рекс думает, что это пустяки.

– Да мне плевать, что об этом думает Рекс! – взорвалась Сил.

– Но не плевать, что думаете об этом вы, Сил. Вы ничего не поймете – пока не сделаете что-либо с этим принуждением, как вы это называли, – а значит, не будете счастливой. Но если вы захотите напасть на него сами, то должны быть уверены в своей победе.

– Ну, ладно, – вздохнула Сил. – Поскольку уж вы все знаете… Что он будет делать дальше?

– А разве это не очевидно?

Сил почувствовала, как загорелось ее лицо, потому что в сознании всплыли яркие образы, подкинутые воображением.

– Иду немедленно! – яростно заявила она.

– Ладно, Сил. И помните, что вы собираетесь весь мир заселить Рексами Уолтонами.

– Но…

– Но прежде я предлагаю вам найти капсулу с андродином и держать ее во рту. Вы можете раскусить ее в любой момент, и если на десять секунд задержите дыхание, то с вами ничего не будет, а Рекс

просто уснет. Но не используйте ее без нужды, а только когда будет совершенно необходимо.

– Это безумие, – категорично заявила Сил.

– Разумеется. Но разве не безумие делать то, о чем вы не имеете ни малейшего представления?

Сил со злостью отключила браслет.

Оказалось, что нужно было лишь слегка намекнуть Уолтонам, и ее тут же пригласили остаться. Сил посчитала это само собой разумеющимся. Они были хорошими, простыми людьми, эти Уолтоны, совершенно не похожими на Рекса.

И даже Рекс…

Вечером он полуизвинился, полуотмахнулся со смехом от того, что произошло днем.

– Если рядом такая вкусная еда, – сказал он ей, – то вряд ли вы станете кого-нибудь винить за то, что он откусил кусочек.

Этим он, очевидно, закрыл тему.

Сил не знала фразу «испорченный ребенок», но если бы знала, то, без сомнения, применила бы ее к Рексу. Ему все уступали. Атависты продолжали брать, брать и брать, а все остальные просто позволяли им это.

Возможно, мир не был бы таким, как был, если бы атавистов было заметное количество – хотя бы пять процентов от населения. Сил поняла это. Современное общество не было создано для них и не могло ими управлять.

Но все же она считала, что неправильно вмешиваться в природу человеческих эмоций. Контроль за ними блокировал естественное развитие. Он держит человечество в счастливом рабстве уже тысячу лет, или десять тысяч лет, и он будет распространяться за пределы планеты, к другим звездам, давая всем безмятежное существование.

Нынешний эпизод был крошечным, незначительным. Без сомнения, Рекс еще попытается причинить ей неприятности, но разве это что-то доказывает?

Общество не может судить человека, который не принадлежит к этому обществу.

Идея Уаймена послать ее сюда была слишком проста. Он думал, что, сравнив Рекса с окружающими, Сил решит, что мир должен оставаться таким, как он есть.

Тогда Уаймен совершил большую ошибку.

То, как Рекс появился в ее спальне, произошло не так, как Сил ожидала.

Замка на двери, конечно же, не было. Сил спала, но проснулась,

почувствовав, что Рекс стоит в комнате. Было не совсем темно. Занавески были слегка отдернуты, и в комнату проникало немного света.

– Уйдите, Рекс, – четко произнесла она.

В темноте возникло движение, и Сил почувствовала, как Рекс мягко и нежно целует ее.

– Я уйду, если ты действительно этого хочешь, – сказал он. – Но мне нужно поговорить с тобой, Сил. Я никогда никого не хотел так, как хочу тебя, Сил. Сил, я люблю тебя. Я хочу жениться на тебе. Да, я уверен, что хочу.

Сил молчала. Очевидно, он все еще не понял, что она тоже была атавистом. Поэтому он не знал, что именно влекло его к ней.

Неужели она понравилась ему больше всех в мире из-за того, что она – атавист?

Он говорил довольно долго. Он сказал ей все банальности: что он полюбил ее с первого взгляда, что это был самый важный день в его жизни, что он жить не может без нее, что он хотел быть терпеливым, чтобы она получше узнала его, но не смог сдержаться… И через все это, как она и ожидала, проходил его эгоцентризм – это был самый важный день в его жизни, он жить не мог без нее, он хотел, чтобы она стала его…

Затем он стал умолять. Сил почувствовала, как у нее снова загорелось лицо от того, что он говорил ей. Вместо того, чтобы бушевать и помыкать ею, он принялся унижаться всеми возможными способами. Сил не могла понять его странного перехода от высокомерного эгоизма до униженного смирения. Затем она неопределенно почувствовала, что таким странным способом он доставлял себе удовольствие. Он причинял себе боль и получал от этого нелепое, непостижимое удовольствие.

И пока он продолжал говорить, Сил нехотя поняла то, что Уаймен наверняка хотел, чтобы она увидела, у этого создания не было достоинства. У него не было ни гордости, ни независимости, ни естественного человеческого достоинства.

– Уходите, – сказала она, наконец. – Мне жаль вас, Рекс… Что вам еще нужно?

Несколько секунд стояла тишина. Затем Рекс снова заговорил, и это был уже другой Рекс, тот самый, который взял ее силой днем в саду.

– Ну, да, – произнес он. – Я-то надеялся, что значу для тебя столько же, сколько ты для меня, но теперь вижу, что ты еще не поняла своего счастья. Что ж, ничего не поделаешь. Я всегда беру то, что хочу, Сил.

– Вы что, не понимаете, – с любопытством спросила Сил, – что делаете лишь то, что позволяют вам окружающие?

– Нет! – воскликнул Рекс.

– Почему вы этому не верите?

– Потому что это не так.

– Вот определение того, что не является истиной, потому что в это не верит Рекс Уолтон.

Он ударил ее по губам. Сил почувствовала, как из уголка рта потекла кровь. Но на этот раз она даже не рассердилась. Некоторые вещи были слишком важны, чтобы злиться на них.

– Послушайте, Рекс, – искренне сказала она. – Вы же знаете, что отличаетесь от других. Но знаете ли, чем и почему? Вы знаете, почему хотите то, чего больше никто не хочет?

– Все хотят это, – хрипло выдавил Рекс, – но лишь у меня хватает храбрости взять то, что я хочу.

– Но вы же знаете, что это не правда.

– Я знаю, что это так и есть, черт побери! Заткнись! Я зря теряю время на разговоры с тобой. Ты что, еще не поняла, что будет так, как я сказал, – сейчас и всегда! И ты будешь моей!

Сил заранее прикрепила к небу маленькую пластиковую капсулу, и теперь просто поддела ее языком и куснула, затем открыла рот и задержала дыхание. Рекс повалился к ее ногам. Сил подождала, пока улетучатся пары снотворного газа, затем глубоко вздохнула.

По большому счету, все осталось, как прежде. Рекс был просто неудачником. Все, что он сделал, не могло изменить мнение Сил. Она знала, что мир был неправильным, совершенно неправильным, и представлял собой одну большую несправедливость.

Она не стала ждать полудня. Она не давала Уаймену никакого обещания, и, что бы Рекс ни сделал, теперь не имеет никакого значения.

Постепенно он приходил в себя и хмуро наблюдал, как она садится в свой самолет и взлетает. У Сил было неясное чувство, что кто-то пострадает из-за этого. И люди, которые пострадают, даже не будет знать, что пострадают из-за Сил Дуглас, обидевшей дикого и мстительного Рекса.

Она пролетела миль пятьдесят, когда двигатель самолета внезапно заглох.

Это было невозможно. Двигатель просто не мог отказать ни с того, ни с сего. Там было много предохранителей, и если бы что-то оказалось не в порядке, она давно получила бы предупреждение. Было лишь одно возможное объяснение такой поломки – Рекс. Это Рекс что-то сделал с двигателем самолета.

Сил еще не была встревожена. Она включила полетный пояс, чтобы проверить его, и тут обнаружена, что в нем вообще нет энергии. Вот тут ее охватил чистый ужас.

Она попыталась планировать на машине, которая вообще не была предназначена для планирования. Нос самолета стал опускаться, и опускался до тех пор, пока не нацелился прямо вниз. Земля словно бы поднялась вокруг, и когда Сил уже вообще не видела неба, она поняла, что сейчас погибнет.

Самолет не мог сломаться сам по себе, если только кто-то намеренно не сделал что-то с двигателем. Но зачем кому-то это делать? Парашютов давно уже не существовало. Если кому-то нужно было срочно покинуть летящий самолет, то он пользовался полетным поясом.

И даже глядя на летящую навстречу ей землю, Сил не могла в это поверить. Как Рекс мог решить уничтожить ее? Она слышала об убийцах и убийствах, но никогда не видела, как это происходит. Вчера вечером Рекс угрожал ей и мог даже исполнить свои угрозы. С трудом, но Сил могла это понять. Но теперь... хладнокровное, расчетливое убийство? Для чего это делать, если Рекс даже не мог извлечь из этого никакой пользы?

Сил вскочила и стала лихорадочно шарить в кабине, в надежде найти хоть что-то, что может помочь ей...

И она это нашла. Все-таки Сил Дуглас не придется умереть! В шкафчике лежал ее старый полетный пояс. Она давно не пользовалась им и забыла, куда засунула. Это была чистая удача, которую не мог принять в расчет ни Генри Уаймен, ни Рекс Уолтон.

Через пару секунд она уже выпрыгнула из самолета и полетела по небу. Самолет врезался в землю, когда она пролетела всего лишь четыреста футов.

Пока Сил летела домой, то намерения ее изменились. Возможно, призналась она самой себе, что последний инцидент отличался от остальных именно тем, что касался ее самой, а не всего мира, потому что убийство оказалось в одном ряду со всем остальным, что говорил и делал Рекс.

И, независимо от причин, она внезапно ясно поняла, что невозможно заполнить мир Рексами Уолтонами, какие бы благие изменения за этим ни последовали. В итоге Уаймен победил. Сил больше не хотелось узнать, верна или нет теория Сэйерса, и конечно, ей не хотелось разрушить контроль, который превращает мир Рекса Уолтона в мир Синей Птицы.

Сил снова сидела в комнате Уаймена. Лицо Уаймена было все еще бледным.

– Сказать, что я сожалею, совершенно недостаточно, Сил, – произнес он. – Я совершенно ошибочно оценил Уолтона. Я знал, что он

станет делать вам больно, запугивать и угрожать, но я не верил, что он может дойти до такой крайности.

– Забудьте об этом, – пожала плечами Сил. – Вероятно, он зашел дальше, чем вы предполагали, из-за меня, потому что я – тоже атавист. Его можно как-нибудь исправить?

– Хирургическим путем или с помощью психологии – нет, – Уаймен был все еще потрясен и говорил несколько несвязно. – Но воздаянием звериной справедливости – да. Все вокруг будут предупреждены о нем. И если он попытается опять сделать что-нибудь подобное…

– Его убьют?

– Да, его убьют, – серьезно ответил Уаймен. – Я уже говорил вам, что это главный закон выживания – даже для нас.

Он заметил, что Сил неприятно говорить о Рексе, и тут же сменил тему.

– Что вы собираетесь делать теперь?

Сил снова пожала плечами.

– Вернусь к Грегу, выйду за него, буду содержать семью и постараюсь быть счастливой, – с легкой грустью сказала она. – Кажется, нет никакого риска, что наши дети будут атавистами.

Уаймен кивнул.

– Больше вы ничего не хотите узнать? Я могу еще много чего рассказать.

– Я знаю уже достаточно много. Даже слишком много.

– Но есть еще одно, что вы должны знать, Сил. Сэйерс сказал вам, что невозможно целиком уничтожить историю. Это верно. Всегда остаются какие-то ниточки, потянув за которые, человек может узнать о прошлом. Я знаю гораздо больше о доисторическом периоде, чем рассказал вам. Я просто думал, что вы не поверите этому, пока не повидаетесь с Рексом. Мне кажется, у вас возникла идея, что прежняя цивилизация должна быть основана на каких-то компромиссах, поддерживать какой-то баланс, чтобы иметь возможность вообще существовать. Так вот, вы не правы, Сил. Старая цивилизация была полна убийств, голода, преступлений, вражды, ревности, страха и эгоизма. Я не знаю, как произошли изменения, как возник эмоциональный контроль, но как бы это ни случилось, я знаю, что он существует. Он должен был появиться для выживания. Род человеческий создал, наконец, общество, в котором нуждался, если хотел, чтобы его жизнь вообще продолжалась.

Сил ничего не могла возразить на это.

Уаймен все понял и медленно кивнул.

– Я так и думал, что вы, в конце концов, согласитесь, Сил. Теперь,

когда вы знаете всю правду, вы должны понять, что наш путь – единственный верный.

– Нет! – воскликнула Сил. – Вы думаете, я поверила в это? Нет, и никогда не поверю! Вы так и не поняли, Генри. Все, что я говорила, все, во что я верила – это правильно, контроль должен быть разрушен. Но…

– Но что?

– Я не настолько сильна, чтобы сделать это, зная, что за этим последует. Я слабая, Генри. Я уже вызвала Грега, чтобы он прилетел и увез меня, так как мой самолет разбился. Я улечу с ним и больше знать ничего не хочу об атавистах, эмоциональном контроле и о том, как он превращает людей в жизнерадостные автоматы. Я лечу домой, но это… лишь потому, что я – трусиха.

– До свидания, Сил, и… Я надеюсь, что вы не правы.

После того, как Сил ушла, Уаймен долго глядел на закрывшуюся за ней дверь, думая, удивляясь, пытаясь разобраться в самом себе. И одна мысль билась у него в голове: А, может быть, Сил права?

Внезапно дверь распахнулась, на пороге появилась Сил. Она остановилась в дверях, задумчиво глядя на него.

– Почему вы не сказали мне, что в Англии три атависта? – внезапно спросила она.

– Три? – воскликнул Уаймен.

– Уолтон, я и вы.

– Сил, это полная чепуха.

– Вы сами сказали, что атависты бывают разной степени… Почему вы всегда так интересовались атавистами? Почему вы понимаете их так хорошо?

У него сделался такой вид, словно она ударила его в солнечное сплетение.

– Вы хотите сказать, что не знали об этом? – насмешливо спросила Сил. – Но разве вы не понимаете, что если человек в чем-то очень хорош… если он чего-то добивается… если он начинает по-настоящему глубоко разбираться в чем-то… то эмоциональный контроль слабеет, и он становится… почти настоящим человеком?

– Сил…

Но она повернулась и ушла к Грегу и своему новому, почти настоящему счастью.

(New Worlds, 1955 № 6)

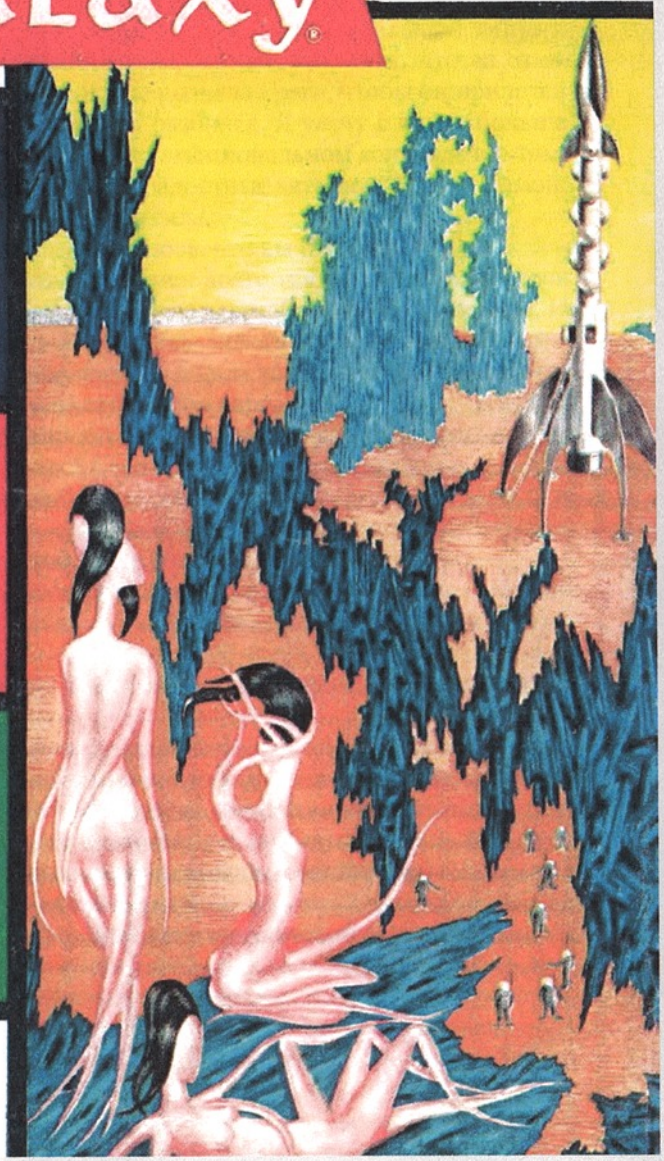
Galaxy

February 1965
60¢

ON THE STORM PLANET by CORDWAINER SMITH

THE MAN WHO KILLED IMMORTALS by J. T. McINTOSH

PLANET OF FORGETTING by JAMES H. SCHMITZ



ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ БЕССМЕРТНЫХ

I

– Я никогда не слушаю угроз, – холодно прервала она учтивый голос и выключила звук и изображение. Секунд пять звонок хрипловато требовал к себе внимания. Она не шевелилась и, нахмурившись, глядела в пустой экран видеофона. Потом звонок замолчал.

Когда пять минут спустя он зазвонил снова, она включила видеофон. На экране вновь появилось бледное, бесстрастное лицо вымогателя. Похоже, это была просто маска. Не дав ему ничего произнести, она выключила аппарат.

Больше он не звонил.

Она была высокой женщиной с царственными манерами. Чем-то ледяным и загадочным веяло от ее совершенства. Через десять минут после второго звонка она все еще стояла перед экраном, не изменив даже выражение лица. Затем, с явным нежеланием, набрала номер.

– Это Ванесса Горт, – сказала она. – Наверное, вы знаете, что я элси. Ваше имя, пожалуйста?

– Сержант Смит. Очевидно, вы хотите поговорить с кэпом. Никакая элси не будет тратить время на простого сержанта.

– Подождите. Мне угрожают.

– Чем угрожают?

– Угрожают обезобразить. Вы знаете, что это означает.

– Для вас – да.

– Для любой женщины.

– Вы больше, чем женщина, – сказал он, сделав чуть-чуть ударение на этом слове, словно подразумевал, что она не женщина, а элси.

– Сар, – устало сказала она, – я слышала больше дерзостей, чем вы сумели бы вывалить на меня, даже если бы посвятили этому всю свою жизнь. Через какое-то время это перестает вызывать реакцию. Это неважно, ненавидите ли вы элси потому, что считаете, будто они не имеют право на существование, или потому, что сами хотите ими быть.

– Я вам отвечу, Ванесса Горт. Я ненавижу элси, потому, что считаю, что они не имеют права на существование.

– И теперь, когда мы разобрались с этим, можно продолжать? Или мне, в конце концов, все же придется разговаривать с вашим капитаном?

– Можете говорить со мной. Вас угрожают обезобразить, если что?

– Если я не заплачу пять миллионов долларов.

Молодой сержант впервые стал выглядеть заинтересованным.

– Не совсем скромное требование. Даже от элси. Могу я спросить, сколько вам лет?

– Больше четырехсот. Я все время забываю, сколько точно. Если вы хотите спросить, могу ли я заплатить, ответ будет – да. Но я не собираюсь платить.

– Из вредности?

– Из-за принципа.

– Что это был за человек?

– Он был в маске. Назвал себя Мстителем, смешное такое, мелодраматическое имя. Теперь вы захотите спросить, не сделала ли я чего такого, из-за чего он захотел мне мстить.

– За четыреста лет?

– Так вот, никогда за все четыреста лет.

– Ну, если вы так говорите… И часто звонил этот человек?

– Три раза.

– Хорошо. Если он звонил три раза, позвонит еще. И будет легко поймать его.

Наступило молчание.

– И это все? – спросила Ванесса.

– Разве этого не достаточно? Или вы требуете официальную защиту?

– Нет. Мне кажется, вы считаете, что этот человек – безопасный фантазер. Я не хочу поднимать шум. Я и вам-то позвонила весьма неохотно.

– Я это уже понял, поскольку вы ждали, пока он не позвонит три раза. Вы планируете сегодня выйти из дома?

– Только в салон красоты в этом же здании. Думаю, вам не нужен мой адрес.

– Не нужен, – сухо ответил Смит. – Хотя оказалось, что я знаю о вас далеко не все, будет не трудно получить любую информацию, которая нам понадобится. В конце концов, вы прожили целых четыре столетия.

– Так я могу пойти в салон?

– Лучше бы вы оставались в своей квартире.

– Мой личный лифт спустит меня прямо в приемную салона. А туда допускают только клиентов по записи. – И она многозначительно добавила: – И никакие мужчины не допускаются туда ни при каких обстоятельствах.

– Тогда я думаю, что это будет безопасно, если только в квартиру к вам не сможет никто проникнуть. Я доложу кэпу Загребу, и он решит, какие следует предпринять действия.

II

После того, как связь прервалась, сержант Смит тут же организовал прослушку, запись и отслеживание всех звонков Ванессе Горт. Затем встал и пошел в картотеку.

По пути он думал о том, действительно ли такие случаи необычны. Конечно, принимая во внимание, какая власть находится в руках

элси, только дурак или безумный храбрец мог бы отважиться на что-то подобное. Но в мире столько дураков и безумных храбрецов...

Сначала он набрал на поисковом сканере ЭЛСИ, затем УГРОЗЫ. Поскольку ничего не произошло, он сменил УГРОЗЫ на ВЫМОГАТЕЛЬСТВО С УГРОЗАМИ. Потом ввел РЕЗЮМЕ и, наконец, ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ. Затем нажал кнопку.

Затрещал принтер. Через несколько минут Смит получил первую страницу.

За последние пять лет было всего лишь четыре попытки вымогательства с угрозами у элси – одна в Германии, одна в Италии, одна в Южной Африке и одна в Австралии. И в каждом случае местные власти обращались к Совету Элси, те тут же задействовали все свои силы, и преступника находили и арестовывали прежде, чем он успел бы чихнуть.

Без сомнения, так и должно быть. У вас куда больше шансов успешно ограбить банк, чем толкнуть на улице элси и остаться безнаказанным. Деспоты в Древней Истории обладали такой властью, что могли приказать вскрыть человеку живот, чтобы погреть ноги в его внутренностях. И хотя у элси официально не было никакой власти, перед их неофициальной властью власть древних деспотом казалась сущей мелочью.

Сар Смит знал, что он храбрец и одновременно дурак, раз осмелился дерзить элси. Если бы Ванесса Горт захотела, она могла бы в минуту уволить его, да так, что он никогда и нигде не смог бы получить любую работу.

Принтер замолчал. Четыре попытки мелкого вымогательства. И это все.

Однако, поиск был настроен на преступления, что по определению означало действия людей, ответственных за свои поступки. Тогда Смит включил психиатрический поиск и снова нажал кнопку.

На сей раз принтер трудился намного дольше.

Было девяносто восемь случаев угроз от психически больных людей. Были убиты два элси, один в Южной Африке и один – в Греции. Девятнадцать ранено. И опять-таки, все психи рано или поздно были пойманы.

Что и следовало полагать, подумал Смит. Вы не станете угрожать элси, если нормальны. А если сошли с ума, то, в конечном итоге, кто-нибудь это да заметит.

Прямо с распечатанным листом в руке он постучал в двери кабинета кэпа Загреба.

– Входите, входите, – раздался благоухающий фруктами голос Загреба.

Смит вошел. Загреб, уже и так достаточно грузный, усугублял свое положение, поедая цукаты.

Слабую терпимость отношений между капитаном и его сержантом почувствовал бы любой, если бы кто-то был в его кабинете. Смит был молод и впечатлителен. Загреб – иронично циничен. Смит был полицейским плебеем и все время не забывал об этом. Загреб был культивированным патрицием, который мог надеяться, что когда-нибудь станет вместо полицейского капитана элси. Смиту было двадцать три года, Загребу – пятьдесят семь.

– Ну? Вы здесь по служебным делам, Смит, или просто зашли на огонек?

– Женщине элси угрожают, сэр. Некий человек в маске, называющий себя Мстителем, угрожает обезобразить ее. Он звонил уже трижды.

– Вряд ли это необычная ситуация, Смит. Было бы необычно, если бы из нее что-нибудь вышло.

– Да, сэр.

– У леди есть имя? Вполне вероятно, что я уже знаком с ней. Я ведь вращаюсь в высоких кругах, Смит.

– Ванесса Горт.

– Вот как?.. – Засахаренный абрикос замер в его толстых пальцах. – Смит, нам нужно отнестись к этому вопросу очень серьезно. Ванесса Горт – женщина с характером.

– Она элси, сэр.

– Разумеется. Но, знаете ли, бессмертные тоже обладают характером.

– Вы хотите сказать, что раз она женщина с характером, то мало вероятно, что ей угрожает какой-то чудик, сэр?

– Я хочу сказать, что Ванесса Горт не позвонила бы нам, если бы не считала, что эта угроза реальна. По-видимому, вы приняли обычные меры, Смит? Она живет одна. Наверное, вы посоветовали ей не выходить из квартиры?

– Она собиралась в салон красоты, сэр, находящийся в этом же здании. Я сказал ей, что это не опасно…

Зазвонил телефон. Судя по тональности звонка, это был экстренный вызов по полицейской линии. Капитан взял трубку и стал слушать. Выражение его лица не изменилось.

– Это не было безопасно, – сказал он, положив трубку на место.

– Что именно, сэр? – не понял Смит.

– Все. Ванессу Горт изрезали в салоне красоты. Я думаю, нам лучше немедленно отправиться туда.

К БОЛЬШОМУ облегчению Смита, хотя он ни за что не признался бы в этом, Загреб сам пошел в квартиру Горт, отправив Смита в салон красоты.

От хозяйки салона, которая была в шоке и что-то лепетала, не замолкая, не было никакого толку. Присутствие в ее салоне сержанта полиции казалось ей столь же невероятным, как и нападение с ножом на клиентку, причем на клиентку элси. (Никакие мужчины не допускаются туда ни при каких обстоятельствах, сказала Ванесса Горт).

Никто не видел, как это произошло. Мисс Горт была найдена в луже собственной крови, в полном сознании и соображении. Она настояла на том, что сразу вернется в квартиру вместо того, чтобы ждать доктора в салоне.

Одна из маникюрш оказалась более полезной. Нападающая, сообщила она, должно быть, была женщиной по имени Сара Блэр, проживающая по адресу 137 Апартаменты Какстона. Эта женщина записалась на прием и была сфотографирована по прибытии. Однако, на прием она не явилась.

И действительно, никто не видел ее, не считая, возможно, Ванессы Горт.

– Но все же она была сфотографирована? – спросил Смит.

Конечно, каждый клиент автоматически фотографируется по прибытии – в качестве гарантии, как предположил Смит, против неуплаты по счету, а не против захватывающего преступления.

Смит взял фотографию, взглянул на нее и уставился на маникюршу.

– Ваши клиенты часто бывают одеты так?

– О, да! Те, кто живет в этом здании, спускаются к нам прямо из квартир. А также у нас есть автостоянка.

– Понятно.

Фотография была хорошей, четкой, цветной, и на ней была девчонка в полный рост с полотенцем вокруг бедер и еще одним, накинутым на плечи. Кроме того, на ногах у нее были золотистые шлепанцы.

Но что-то не совсем так было с ее лицом, указывая, что на ней маска. Лицо не соответствовало фигуре. Хотя полотенца скрывали линии тела лучше, чем модные платья, все же было впечатление, что Сара Блэр была постарше, чем восемнадцатилетнее личико, которое она носила.

Больше в салоне было делать нечего. Сара Блэр, вероятно, была еще в своем автомобиле в каком-то подземном туннеле или надземной магистрали, и не было никакой возможности проследить за ней. Было едва ли разумным носиться по всем Апартаментам Какстона в наивной надежде, что эта женщина появится там с автомобильной стоянки.

Загреб впустил Смита в квартиру Ванессы Горт. Травмированная элси с перевязанным лицом сидела, откинувшись, на диване.

– Вы оказались неправы, сержант Смит, – сказала она через повязку. – Пойти в салон красоты было небезопасно.

Смит открыл было рот, но вместо него ответил Загреб.

– Мы уже обсуждали это, мисс Горт. Вы не можете утверждать, что сержант Смит велел вам покинуть квартиру, поскольку любой разумный человек отнесется к подобным угрозам серьезно и, напротив, посоветует остаться. Ответственность за то, что вы вышли, лежит целиком на вас. Смит лишь согласился с принятым вами решением, что вы направитесь туда, куда могут пройти только женщины, а значит, будете в безопасности от вымогателя мужского пола. Но на вас напала женщина, значит, в этом деле участвуют, по крайней мере, два человека.

Женщина на диване устало кивнула.

– Я не собираюсь подавать жалобу. Но и на поздравления вы тоже можете не рассчитывать. Думаю, вы знаете, что все это значит для меня. У элси ничего не заживает. Должен быть восстановлен нормальный метаболизм, по меньшей мере, на шесть недель или даже больше, а это влетит мне в копеечку. А когда меня полностью излечат и не останется шрамов, я снова смогу стать элси по обычной громадной цене.

– Я уверен, что вы застрахованы, – спокойно ответил Загреб.

– Конечно, я застрахована. И если вы думаете, что я от этого счастлива, то можете убираться в… ну, сами знаете куда.

– Возможно, теперь вы жалеете, что не заплатили вымогателю пять миллионов?

Она резко выпрямилась.

– Разумеется, нет, – твердо сказала она.

– Понятно, – кивнул Загреб. – Гм… Мститель был, без сомнения, мужчиной?

– Без всякого сомнения.

– А на вас напала женщина. Значит, тут участвуют два человека, которые не побоялись бросить вызов всем организациям элси, которые, несомненно, примут участие в их поисках… В силу скромности, на их фоне я даже не стану упоминать столь незначительные усилия, которые приложит сержант Смит и я.

– Я думала об этом. Любой, кто знает меня, догадается, что я откажусь платить. И я не думаю, что вымогатель ожидал от меня денег. Он, наверняка, предполагал, что я откажусь и, значит, буду изрезана.

Загреб снова кивнул.

– Это весьма подходит к моей собственной теории, – заявил он. – Значит, вы полагаете, что это – первый шаг в кампании по вымоганию денег у других элси?

– Или, потом, опять у меня.

– Я думаю, если вы станете сотрудничать, то с этой минуты мы сможем гарантировать вашу полную безопасность, мисс Горт. И

хотя вы уже сказали сержанту Смиту, что никогда не делали ничего, за что кто-либо захотел бы вам отомстить, я вынужден попросить, чтобы вы приложили усилия и постарались припомнить…

– Я уже сделала это и совершенно уверена в своих выводах. Я никогда никому не вредила. Я представить себе не могу, что кто-то затаил на меня серьезную обиду.

– Тогда еще одно. Пожалуйста, опишите нападавшую как можно подробнее.

– Я едва ее заметила. Это было в коридоре, ведущем от лифтов. Меня окликнули по имени, и я обернулась. Наверное, я закрыла глаза, увидев, как мне в лицо несется скальпель…

– Скальпель?

– Что-то вроде него. Я только заметила, что женщина молодая, темноволосая, среднего роста. Я впала в полуобморочное состояние и даже не знаю, куда она пошла.

Пока она говорила, Смит передал Загребу фотографию Сары Блэр. Загреб показал ее Ванессе, которая тут же сказала:

– Да, это она.

Загреб вернул фотографию Смиту.

– Действуйте, сержант, – сказал он. – Найдите ее.

– Сара Блэр, наверняка, вымышленное имя, сэр.

– Конечно.

– И она не проживает по указанному адресу.

– Естественно, нет.

– И это не ее лицо. На ней маска.

– Любой предположит тоже самое, – вздохнул Загреб. – Чего же вы ждете?

III

СМИТ совершенно не удивился, что Аппартаменты Какстона оказались пустышкой. Никто не знал девушку, напоминающую Сару Блэр с фотографии, но Смит и не ожидал, что она будет продолжать носить маску, колеся по городу, чтобы полиция могла проследить ее передвижение до и после нападения.

Смит хотел было проверить всех женщин в блоке между семнадцатью и сорока пятью годами, но когда обнаружил, что их более пятисот, то решил не утруждаться.

Вернувшись в Управление полиции, он нашел там Загреба, поедающего банан.

– Мы прославились, Смит, – сказал ему Загреб. – Или, скорее, опозорились.

Он вручил сержанту пачку фотокопий, распечатанных информа-

ционной службой Управления, которая круглосуточно контролировала всю информацию. Как только что-либо где-либо происходило, Управление полиции узнавало об этом одновременно с редакторами теленовостей.

– Как информационная служба узнала об этом, сэр? – спросил Смит.

– Я сам дал им эту информацию. Я хочу вести это дело открыто, Смит. Вымогатели властвуют и процветают в темноте, но сохнут и умирают в ярком свете общественного мнения.

В репортажах сообщалось, что капитан Загреб сам держит это дело на контроле. Но тут же предполагалось, что Совет элси не будет удовлетворен обычным расследованием.

– Я уж думаю, – с сухой горечью сказал Смит. – Ведь элси важны. Элси всегда на первом месте. Они – соль земли. Они – люди, которые могут купить себе бессмертие по цене больше миллиона долларов за год. А так как они продолжают жить, то у них в руках накапливается власть. Они не ставят своих президентов, комиссаров полиции или губернаторов, они удовлетворяются тем, что всегда могут оказать давление на кого угодно, на любого власть предержащего, где угодно и по любому вопросу. Элси составляют тысячную долю населения, но сосредоточили у себя семьдесят процентов власти.

Загреб слушал его с вежливым интересом.

– Вы уже кончили, Смит? – спросил он, наконец.

– Нет еще, сэр. Элси заморозили полеты в космос, потому что считают их слишком опасными для себя. Если бы мы вышли в космос без них, то где-нибудь могли бы возникнуть человеческие сообщества не под контролем элси. Они перестроили все большие города так, чтобы ни один элси не мог погибнуть в дорожной аварии. Они сделали из Флориды убежище для тех элси, которые не хотят пачкаться присутствием рядом обычных людей. Совет элси так отчаянно борется со всеми вербальными, экономическими, социальными, психологическими или физическими нападениями на любого элси, что никто не смеет толкнуть элси на улице или попытаться их оскорбить.

– Ну, хватит. Вряд ли можно сказать, Смит, что в данный момент вы не оскорбляете их, – сказал Загреб.

– Лишь один из сотни тысяч людей становится элси, – продолжал Смит, не обращая на него внимания, – и все же они управляют всем миром.

– Ты и в самом деле не стесняешься, сержант, когда высказываешь то, что хочешь, – пробормотал Загреб.

Смит, нахмурившись, уставился на своего начальника.

– Разве я говорю неправду, сэр? – спросил он.

– Вы сказали правду и только правду, но это еще не означает всей правды. Если бы у вас был миллион долларов, Смит, то разве что-нибудь вам помешало бы стать элси?

– Ничто не заставит меня присоединиться к ним, сэр. Я собираюсь прожить жизнь, как человек, а не как живой труп.

– Так ведь они это и не скрывают, Смит. Бессмертных называют элси от инициалов создателя этого метода – Л.С., но это сокращение также и намекает на английское living corpse, живой труп. И это название не зря стало общепризнанным. Бессмертные действительно живые трупы, причем они даже и не бессмертны. Бессмертного убить так же легко, как и любого другого. Порежьте их, и потечет кровь – недавно вы сами были этому свидетель. Элси – просто люди, которые не стареют. Не больше, и не меньше.

– Кэп, зачем мы обсуждаем все это? – спросил Смит.

– Вы молоды, – задумчиво ответил Загреб, – и нетерпимы. Когда станете постарше то, будем надеяться, прекратите делать такие заявления прежде, чем изучите все факты.

– А разве я не знаю какие-то факты, сэр? Что-то сверхсекретное?

– Ничего секретного, Смит. Ничего такого, что вы не могли бы узнать, если бы захотели. Проблема в том, что вы не хотите. Например, как я подозреваю, вы предполагаете, что элси богаты лишь потому, что они – элси.

Смит сделал удивленное лицо. Именно так он и предполагал.

– Поскольку этот процесс стоит больше миллиона, – продолжал Загреб, – и вы должны его пройти до того, как вам стукнет тридцать пять, то, рассуждая логически…

– Но я не это имел в виду. Это понятно, что большинство становиться элси за счет своих родителей, которые к тому времени, как заработают такую кучу денег, сами уже становятся слишком старыми, чтобы стать элси. Я имел в виду: как на счет лишь долгой жизни, можно стать очень богатым?

– Можно инвестировать деньги в сложный процент и просто ждать, как они не преумножаться, – ответил Загреб.

– Верно, – согласился Смит, – но откуда взять деньги на первоначальный вклад и на что жить, пока они растут?

– Родители, которые способны заплатить за вас миллион, обычно, когда умирают, то оставляют вам кое-что еще.

– Тоже верно, – снова кивнул Смит, – но…

– Но вы все еще не улавливаете сути, сержант, – терпеливо сказал Загреб. – Чем дольше вы живете, тем больше тратите. Ванесса Горт потратила, по грубым оценкам, примерно двадцать пять миллионов долларов, и у ней осталось еще, по меньшей мере, десять. Откуда она их взяла?

– Наверное, ей оставили наследство. – пожал плечами Смит.

– Ей оставили только бессмертие. Четыреста лет назад, когда ей было двадцать пять, она не получила от своего отца никакого другого наследства, кроме обработки элси.

– Значит, получила наследство от кого-то…

– Это не работает так, Смит, и никогда не работало, – помотал головой Загреб. – Капитал всегда продвигается вперед, а не назад. Братья, сестры и кузены элси оставляют деньги своим детям, а те – своим, но никогда двоюродной бабушке или великому двоюродному деду, которые стали элси. Продолжайте сами, сержант. Скажите мне, откуда элси берут деньги.

– Если вы живете в течение многих столетий…

– Я уже сказал вам, – вздохнул Загреб, – что продолжительность жизни тут ни при чем. Что еще должны делать элси?

– Ну, наверное, работать.

– Точно! Элси, которые становятся важными, богатыми и влиятельными, должны немало поработать для этого.

– Ну и что это доказывает, сэр? – по-прежнему не понял Смит.

Загреб впервые проявил раздражение.

– Если вы не можете понять даже это, Смит, интересно, как вы рассчитываете поймать даже самого тупого, неумелого преступника?

На столе Загреба властно зазвонил видеофон. Зная, что все звонки в Управление отслеживаются, капитан тут же включил его. Раз уже звонок пропустили к нему, значит, его нельзя было отвергнуть.

– Капитан Загреб слушает, – сказал он.

На экране появилось худощавое лицо.

– Я Генри Факс, президент Совета элси.

– Да, – кивнул Загреб. – Я ждал, что вы позвоните.

– Загреб, мы не собираемся вмешиваться в ваше расследование по делу Горт. Но, надеюсь, вы понимаете, что обязаны найти преступника. Все, что вы хотите, абсолютно все будет сделано мгновенно, стоит вам только попросить.

– Спасибо. Однако, полиция достаточно хорошо оборудована и укомплектована.

– Я имею в виду нечто другое. Ваш сержант просто навел справки о Саре Блэр в Аппартаментах Какстона. Если хотите, весь список жильцов квартала 1327 будет проверен частыми сыщиками, только скажите об этом.

– Я приму во внимание ваше предложение, мистер Факс.

– Или, если хотите, можно принять закон, чтобы любой район или даже весь город могли быть закрыты, если там предполагается местонахождение преступника.

– Понятно, мистер Факс, понятно.

– Или, например, можно запретить всем носить маски. Это могло бы упростить вам ситуацию.

– Могло бы, – согласился Загреб. – Но, однако же, мы могли бы потратить все время впустую, обвиняя людей, все преступление которых заключалось бы лишь в ношении маски. Однако, кое-что мне нужно. Сущую мелочь. Мне бы не помешала неофициальная помощь женщины-элси, которая, разумеется, совершенно добровольно, согласилась бы поработать с моим сержантом.

Смит невольно вскинул голову.

– Будет ли какая-нибудь опасность грозить этому… добровольцу? – спросил Факс.

– Мне кажется, в настоящее время опасность грозит всем элси. Но я думаю, такой доброволец как раз был бы в большей безопасности.

– Я найду кого-нибудь.

ОБСУДИВ с Генри Факсом подробности, Загреб выключил видеофон.

– Кэп, что вы еще придумали? – тут же спросил Смит.

– Пока что это весьма неопределенно… Я лишь предполагаю, что, может быть, вам придется стать элси…

– Что?!

– Разумеется, лишь с виду.

– Но элси же можно распознать с первого взгляда.

– Как именно, Смит?

– Но вы же сами знаете как, сэр.

– Все равно, расскажите мне. Как вы с первого взгляда распознаете элси?

– Ладно… Возьмем двух обычных девушек, двадцать двух и двадцати восьми лет. Двадцати двухлетняя уже не находится в ранней юности, а двадцати восьми даже не начала стареть. Но все же большинство людей может определить, что одной примерно двадцать два года, а другой – двадцать восемь.

Загреб молча кивнул.

– Как это можно определить? – продолжал Смит. – Ну, я думаю, по глазам. Выражение глаз, зрелость, опыт… Это не морщины или дефекты кожи. У двадцати восьмилетней девушки может быть безупречная кожа. Но все равно можно определить ее возраст. Теперь возьмем женщину, которая прожила сто шестьдесят пять лет. У нее может быть тело восемнадцатилетней девушки и безупречный цвет лица. Обычно так и бывает. Но все же вам достаточно взглянуть на нее, чтобы понять, что она – элси.

– Правильно, – сказал Загреб. – А теперь возьмем элси, которому

действительно только двадцать пять лет. Как вы распознаете его тогда?

– Ну-у... Наверное, никак, сэр.

– Что и требовалось доказать. Ну, а пока что, поскольку я ожидаю, что потребуется некоторое время, пока я не получу все, что хочу, вы посетите всех элси в этом районе и спросите, не получали ли они угроз.

– Да, сэр.

Это было нормальным, рутинным заданием. Ванесса Горт могла оказаться не первой элси, которой угрожала Сара Блэр со своим партнером. Другие, если таковые найдутся, могли бы заплатить вымогателям или тоже отказаться. И это было необходимо выяснить.

– А позже мы продолжим нашу интересную дискуссию и том, кто прав, а кто заблуждается относительно элси, – сказал Загреб. – А пока что проводите опрос и пишите отчет.

– И никаких дальнейших распоряжений, сэр?

Брови Загреба поднялись в привычном для него выражении огорченного удивления.

– Разве я когда-либо связывал вам руки, Смит?

– Нет, сэр.

– Я просто не всегда показываю трогательную веру в способности своих помощников.

– А могли бы и показать иногда, сэр. Тогда бы они поняли, что вы ждете от них чудес.

– Отлично, Смит! Тогда идите и совершите чудо.

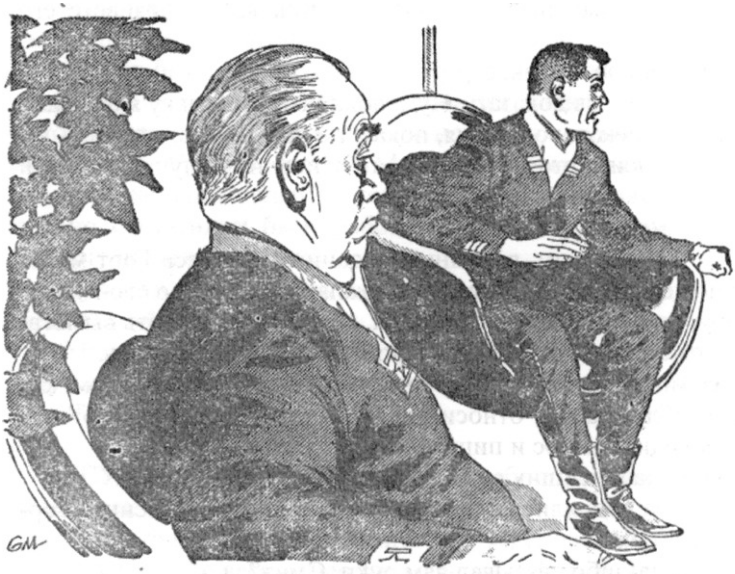
IV

ТРЕМЯ днями и шестью визитами к элси позже Смит вынужден был признать, что Загреб оказался прав, оправдывая элси. Хотя эти встречи и беседы с элси не изменили убеждения Смита в целом, он понял, что к ним привлекало внимание нечто большее, чем просто бессмертие.

Гомер Дэниэльс был тихим, маленьким человечком, который не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что он – элси. Но по сути это было просто невозможно. Да, он действительно прилагал все усилия, живя тихо, регулярно меняя местожительство и неизменно выходя на улицу в маске.

Смит вынужден был признать, что Дэниэльс не страдал манией величия и в его жизни было мало роскоши. Он отказался, практически, от всего, не считая постоянной борьбы за существование и смерти.

Бланш Мортон была нимфоманкой. Число мужчин, которых она

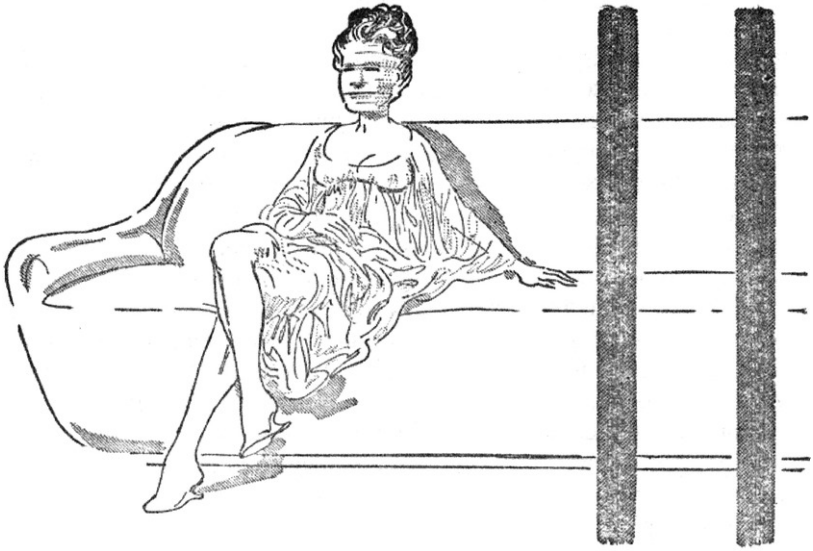


имела или которые, напротив, имели ее, постоянно росло, так как, несмотря на то, что она прожила триста лет, у нее все еще было тело восемнадцатилетней девушки. Смит заподозрил, что от бессмертия она хотела отнюдь не вечной жизни. Во-первых, хотя она прекрасно понимала, что когда-нибудь все равно умрет, она никогда не станет старухой или даже дамой среднего возраста. А во-вторых, это была уверенность, что она не забеременеет, потому что у элси не может быть детей.

Джим Стивенс жил в вечном страхе. Он знал, что любого серьезного пореза будет достаточно, чтобы заставить его отказаться от бессмертия, и не было никакой гарантии, что вторично процесс восстановления пройдет успешно. Он чуть не умер в первый раз и был убежден, что уж во второй-то непременно умрет. Следовательно, любой порез убьет его. Так что его охраняли, как целое состояние, заключенное в прекрасном кристалле.

Хелен Бауэр была редким случаем. Она стала элси, когда ей уже минуло сорок, и все же выжила. Ей Смит завидовал меньше всего. Заморозить себя в вечной юности – это одно, а в среднем возрасте – нечто совсем иное.

Джо Сеймур, вероятно, лучше всего приспособилась из всех шестерых. Ей повезло в том, что она была лишена страхов, терзающих Стивена, и весело проводила время, катаясь на лыжах и коньках, плавая и занимаясь серфингом. Четырежды она прерывала бессмертие, чтобы излечить раны.



Блэйк Смейдли был единственным из шестерых, подходившим под образ элси, который сложился у Смита. У него была громадная власть, и ему нравилось пользоваться ей. Маску он не носил. Когда он выходил в мир не-элси, все в нем кричало, что он принадлежит к высшей элите.

И все отрицали, что им угрожали.

– Но за Стивенсом стоит понаблюдать, – доложил Смит Загребу. – Или он лжет, или до него скоро доберутся. И когда это случится, он заплатит.

– Стивенс? – задумчиво спросил Загреб. – Это тот, который боится, что может порезать пальчик?

– Все черти из ада не смогли бы порезать ему пальчик, сэр. Меня обыскали перед тем, как разрешили встретиться с ним, чтобы удостоверится, что у меня нет с собой ничего столь опасного, как булавка. В доме нет ни единого ножа, способного отрезать что-нибудь тверже масла.

– Я вижу, Смит, у вас явно уменьшилась ревность к элси.

– Ревность, сэр? Я никогда не ревновал к ним.

– Да? Ну, ладно, проехали. Когда в прошлый раз прервали нашу дискуссию, я как раз говорил, что никого с миллионом долларов не исключат из рядов элси. А поскольку эти процедуры стоят именно миллион и требуют значительно большего хирургического мастерства, чем любая другая операция, то что же в этом несправедливого?

– Я и не говорил, что это несправедливо.

– Вот как? А у меня сложилось впечатление, что именно это вы и говорили. Но и миллион долларов еще ни в коем случае не гарантирует успеха. Примерно сорок процентов случаев заканчиваются смертельным исходом. Еще в тридцати процентахпроцедуры хотя и не завершаются смертью, но и не приносят успеха. Конечно, в этом случае можно попробовать еще раз. Таким образом, из тех, кто может заплатить и хочет стать элси, лишь сорок два процента достигают успеха.

– Я не вполне понимаю, куда вы клоните, сэр.

– Возможно… Возможно, я никуда не клоню, Смит. Но запомните – в течение последних столетий лишь сливки мужчин и женщин становились элси. И вы прекрасно знаете, что уровень самоубийств среди элси очень высок. Какая ирония, не так ли? Менее впечатляющий конец происходит естественным образом: у большинства элси, которым пришлось вернуться к естественному метаболизму, чтобы вылечить раны, просто нет наличных денег для процесса обратного восстановления.

– Ну, и, сэр?..

– Таким образом, элси, которые прожили достаточно долго, целиком и полностью состоят из очень умных, знающих, благоразумных и удачливых мужчин и женщин.

– Возможно, – признал Смит.

– Я признаю, что многие завидуют им. Но также я должен указать, что мы получаем все те выгоды, которые элси создают для себя самих. Кажется, вы сами сказали – цитирую, – что они перестроили все большие города таким образом, чтобы никакой элси не мог погибнуть в уличных авариях – закрываю кавычки. А сколько не-элси погибает в транспортных происшествиях в таких городах, а, Смит?

– Ни единого, сэр.

– Совершенно верно. Вы также упомянули, что они превратили Флориду в Убежище для элси… Смит, они сделали это силой оружия?

– Нет, сэр. Они заплатили за Флориду. Миллиарды долларов.

– И опять-таки совершенно верно. Кстати, об Убежище, Смит… Вы поедете туда.

– Я, сэр? Но я не элси.

– Вы поедете туда не как сержант Смит. И при этом поедете не один. Но сперва… там находятся элси, которым угрожают.

– Вы не говорили мне это.

– Я говорю вам это сейчас. Угрожали еще трем элси в разных городах. Все они немедленно уехали в Убежище.

– Что ж, это разумно. Там они в безопасности.

– Ни один из звонков не был отслежен, но у нас есть записи двух из них. Обеспокоенные элси записали их из предосторожности.

– Жалко, что они не пошли дальше и не позволили нам отследить эти звонки.

– Они сделали это. Я же не сказал вам, что звонки не пытались отследить. Я только сказал, что это не помогло. Каждый звонок занимал лишь минуту и был сделан из общественного видеофона-автомата. Давайте посмотрим записи.

Загреб нажал кнопку. На экране появилось бледное лицо. Вернее, бледная маска. Качество масок, естественно, зависело от цены. По этой маске сразу было видно, что это маска, однако, она эффективно скрывала лицо владельца. В отличие от нее к маске, которую носила Сара Блэр, нужно было долго присматриваться, чтобы понять, что это маска.

– Сирил Блэк, – сказало неподвижное, бледное лицо, – говорит Мститель. Вы заплатите пять миллионов долларов, иначе с вами произойдет то же самое, что и с Ванессой Горт. Так как вы – мужчина, то, возможно, не столь остро воспримите угрозу вашему лицу. Поэтому вам порежут живот. Это будет очень больно.

Экран погас.

– И это все? – спросил Смит. – Ни ожидания ответа, ни указаний насчет способа оплаты?

– Очевидно, это предварительный звонок, который сделали, чтобы посмотреть на дальнейшие действия Сирила Блэка. И он тут же уехал в Убежище. Как и тысячи элси со всего мира.

– Там найдется место для них, – сухо сказал Смит. – Когда-то население Флориды составляло двадцать пять миллионов человек. А во всем мире живет примерно тридцать пять тысяч элси.

– Верно. Давайте посмотрим вторую запись.

Загреб снова нажал кнопку. На этот раз появилось лицо девушки. Лицо Сары Блэр.

– Бетти Слессинджер, – сказала она, – Ванесса Горт – ваша подруга. Она отказалась заплатить пять миллионов долларов. Я уверена, вы не откажетесь.

Смит моргнул, когда лицо резко исчезло с экрана. Послание было коротким, но отнюдь не милым.

– Голоса проанализировали? – спросил он.

– К сожалению, вымогатели слышали об идентификации по голосу так же, как по отпечаткам пальцев и лицу. В обоих случаях голоса были изменены специальными резонаторами. Бетти Слессинджер тоже уехала в Убежище и сейчас находится там, – Загреб протянул руку к интеркому. – Пропустите ко мне леди, как только она прибудет.

– Она только что приехала, сэр.

– Прекрасно. Давайте ее сюда.

– Это доброволец, сэр? – спросил Смит. – Кто она?

– Через мгновение сами увидите.

– Но зачем она нужна, сэр?

– Как одинокий двадцатипятилетний элси вы никого не одурачите, Смит. Но в качестве спутника женщины-элси, которую нашел для вас Генри Факс, у вас не будет никаких затруднений, и вы можете быть сколь угодно заметным или неприметным, как пожелаете.

Открылась дверь, и в кабинет вошла Джо Сеймур. Разумеется, она ведь была единственной элси из тех, с кем встретился Смит, которая рисковала своей драгоценной вечной юностью и не визжала при виде булавки или ножа.

СМИТ и Джо Сеймур были в аэропорту, и Смит как раз собирался надеть личину Фрэнка Шарпа, настоящего двадцатипятилетнего англичанина-элси, который согласился оставаться взаперти до дальнейших распоряжений, когда в аэропорт приехал полицейский и сказал, что его ждут в Управлении полиции.

– Мисс Сеймур может подождать здесь, – сказал полицейский. – Вас надолго не задержат. Сядете на следующий рейс.

Когда Смит прибыл в Управление, Загреб не стал зря тратить время.

– Кое-что произошло, – сказал он с необычной краткостью. – Мститель попытался порезать Блэйка Смейдли, но неудачно. К сожалению, ему удалось скрыться. И хотя попытка закончилась неудачей, тот факт, что она вообще была предпринята без требования денег, естественно, взволновал элси во всем мире. А другой случай взволновал их еще больше. В Убежище была порезана Бетти Слессинджер.

– В Убежище? – воскликнул Смит. – Но ведь туда не может проникнуть никто, кроме элси!

– Вы, кажется, забываете, что сами отправляетесь туда. И, конечно, проникнете внутрь.

– Но Совет элси знает обо мне, сэр.

– Да. Однако, нужно не забывать, что до сих пор прибывающим в Убежище не устраивались серьезные проверки. И нужно не забывать, что вместо дюжины приезжающих в день недавно контрольно-пропускные пункты имели дело с тысячами элси. Однако, как бы там ни было, Сара Блэр проникла в Убежище. И порезала там Бетти Слессинджер точно так же, как и Ванессу Горт.

– Вы уверены, что это Сара Блэр?

– Уверен. Есть фотография.

Загреб протянул ее через стол Смиту. Это была бледная фотография, сделанная камерой, входящей в систему сигнализации – един-

ственной, какая была установлена в Зданиях Убежища, если там вообще была какая-то система безопасности.

Бледная, как и до этого, девушка, выбегающая из дома, была, несомненно, Сара Блэр в своей прежней маске.

– Вас что-то беспокоит, Смит? – спросил Загреб после паузы.

– Да все беспокоит! Ванессе Горт угрожали, хотя любому, кто ее знал, было понятно, что она не станет платить. И ее порезали. Смейдли даже не угрожали, однако, Мститель попытался напасть на него. Бетти Слессинджер угрожали, но не дали возможности заплатить. Ее просто порезали…

– И куда это нас приводит? – спросил Загреб с таким выражением, словно ему было уже все понятно.

– Это вообще не вымогательство, сэр. Мститель действительно полагает, что ему есть за что мстить. Он просто ненавидит элси.

Загреб откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

– Я полагаю, что такое отношение заслужило бы ваше одобрение, Смит? – спросил он.

– Моя работа заключается в том, чтобы поймать того, кто стоит за всем этим, сэр.

– Верно. Ну, теперь вы можете смело ехать в Убежище, зная, что Сара Блэр находится там.

– Кто смог туда войти, сумеет и выйти.

– Это не так, Смит. В начале любой кампании допускаются ошибки. И эта не исключение. Когда подготовка завершена, ошибок становится меньше. Вы можете быть уверены, что как бы Сара Блэр ни маскировалась, изменяла внешность и подделывала документы, она не сможет сбежать из Убежища.

– Выходит, поймать ее должен я, сэр?

– Вы.

– Тогда я возвращаюсь в аэропорт, сэр, если у вас все.

– Действуйте, Смит. И еще одно. Хотя в настоящее время я предполагаю оставаться здесь, но если события в Убежище будут происходить и дальше, я попрошу, чтобы Совет элси позволил мне войти туда открыто и официально… Разумеется, было бы удобнее, если бы вы преуспели в том, чтобы разобраться с этим делом без моей помощи.

– Но что, сэр, может еще ожидаться? – спросил Смит.

– Не знаю, – вздохнул Загреб.

V

Даже в коротких воздушных перелетах таким элси, как Джо Сеймур, была предоставлена роскошная отдельная каюта. Поэтому Смит,

замаскированный под Фрэнка Шарпа, мог открыто говорить с ней.

Его отношение к Джо Сеймур, с которой он уже встречался раз пять, было двойственным. Она была элси, а Смит по-прежнему не любил элси по разным причинам. Но одновременно она была элси, которая понравилась ему больше всех. Так человек, который ненавидит испанцев, мог бы неохотно сказать про какого-то конкретного человека: а он хорош – для испанца.

Двести лет жизни не оставили на Джо никаких физических следов, за исключением нескольких едва заметных шрамов – результатов несчастных случаев, в которые попадала эта авантюристка. Но из разума элси бесчисленные годы жизни вымыли все мелочное негодование, обиды и желания вечно побеждать окружающих ее людей, как элси, так и простых смертных.

– Ну, ладно, – сказала она вскоре после взлета. – Так вы мне расскажете, что произошло, или как?

Она скромно сидела в массивном кресле у окна, спиной к облакам. На ней было красное, короткое и очень провокационное платье. И Смит поддался на провокацию.

– Это зависит от того, – сказал он, – насколько мы могли бы стать близки.

– Не настолько, как вы только что подумали, – улыбаясь, ответила Джо. – Мужчины – не моя слабость.

– И вы бы путешествовали с таким парнем, как Фрэнк Шарп, жили в одном доме, а спали все равно одна?

– Да. Элси некуда спешить.

– Понятно, – протянул Смит, рассказал ей, что произошло и под конец спросил: – На основе вашего опыта элси вы могли бы предположить, что Мститель и его подруга сами могут быть элси?

– Это маловероятно.

– Теперь это более вероятно, чем прежде, – стал настаивать Смит. – Много разных воров и мошенников пытались проникнуть в Убежище, зная, сколько здесь хранится денег и ценностей, и нет полицейских. Но ни у кого ничего не вышло. Как же Сара Блэр пробралась сюда, если она сама не элси?

– Смешалась с толпой.

– Возможно. Но все же вы не ответили на вопрос. Элси могли попробовать провернуть что-то подобное?

Джо серьезно посмотрела на него.

– Это должны быть совершенно безбашенные элси. И я не думаю, что они сумели бы выйти сухими из воды. Видите ли, в мире не так уж много элси, а живем мы долго. Я не утверждаю, что каждый элси знает всех остальных, но мы достаточно много знаем друг о друге. Если бы существовали элси, способные на такие поступки, то кто-то

узнал бы об этом, сообщил о них Совету элси, и через несколько часов они были бы уже пойманы.

– Это могло быть дело рук нескольких психопатов-элси.

Джо решительно покачала головой.

– Совету все известно о психически больных элси. Их, знаете ли, очень немного. Уже готовых психопатов не примут на обработку, а прошедшие обработку не способны к психическим расстройствам. Кроме того, психопаты вообще работают в одиночку. Не может быть двух сумасшедших, действующих по одной схеме.

– Может быть, сумасшедший лишь один, а другой просто хочет денег.

– Может быть, – с сомнением протянула Джо.

Но тут самолет пошел на посадку в десяти милях от границ Убежища, и разговор пришлось прекратить.

Над Убежищем были запрещены любые полеты. Любой летательный аппарат был бы моментально уничтожен самонаводящимися ракетами. По морю путь в Убежище был так же закрыт. Оставались лишь семь контрольно-пропускных пунктов.

Несмотря на маскировку и компанию настоящей элси, Смиту не удалось бы проникнуть в Убежище, если бы он не пошел, согласно договоренности, через тот контрольно-пропускной пункт, где сам Генри Факс взял на себя ответственность за его допуск внутрь святая святых.

Ни один из элси, что проходили одновременно с ним, – а таких было где-то с полдюжины, – не заметили бы ничего необычного в том, как проверяли Смита. Единственной разницей было лишь то, что результаты проверки были проигнорированы.

Если бы у всех входящих брались образцы крови, было бы достаточно легко определить, элси этот человек или нет. В процессе превращения в элси останавливались любые изменения в организме человека, поэтому становилось невозможным наступление старения – известно, какой ценой. Так что элси оставались одного и того же роста и веса, неподверженные старости, неподверженные болезням – но ужасающе уязвимые к малейшим ранам.

Так что у элси было невозможно брать кровь на анализы. Укол бы не зажил, а взятая кровь не восстановилась. Нельзя ведь одновременно иметь замороженный метаболизм и органы, восстанавливающие кровь.

Тела элси походили на запутанные темно-серые эскизы углем, залитые воском. Пока воск был цел, эскизы могли существовать вечно. Но как только воск смывался, уголь тут же становился таким же хрупким, как замки из песка, и разрушался со временем.

Новая, только что введенная система проверок для элси не полагалась на документы, записи в регистре элси, психологические про-

верки и тесты памяти. Она была основана на более прозаическом факте, что, независимо от того, сколько элси съест или выпьет, вес его не должен меняться. Таким образом, выше определенного уровня организм просто отказывался принимать пищу. Это был практически неизменный эффект для всех элси.

Проверка была неприятная и медленная, зато бесспорно верная.

– Вы ведь Генри Факс? – спросил Смит-Шарп, когда съел третий обед за последние два часа. – Обычно ведь вы не проводите время, работая в пограничной охране?

– Верно, – мрачно ответил Факс, – Но теперь это место – настоящее Убежище. Нас сейчас здесь двадцать пять тысяч. Во всем мире осталось еще примерно всего восемь тысяч элси.

– Значит, элси продолжают стекаться сюда? – спросил Смит. – Несмотря на последние новости?

– Вы имеете в виду, что Сара Блэр находится в Убежище? Нет, сюда больше никто не стремится, можете лично убедиться в этом. Последние несколько дней здесь прошли тысячи, сегодня же – жалкая горстка. Напротив, наши хотят уехать отсюда. Но мы не пускаем.

– А почему?

– Мы знаем, что Сара Блэр в Убежище, – медленно сказал Факс. – И что бы ни случилось… что бы ни случилось – никто не покинет Убежище, пока она не будет найдена.

Смит правильно понял, что последняя фраза была предназначена не для Фрэнка Шарпа, а для сержанта Смита.

Убежище являлось детской площадкой для богов и богинь, у которых была одинаковая ахиллесова пята. Единственным транспортом здесь были дрезины. Не может быть никаких автокатастроф, если машины ездят по рельсам. И здесь также не было ни животных, ни рептилий. Сама местность была тщательно сглажена так, что не было ни горок, ни обрывов, откуда можно упасть. На реках и озерах были повсюду спасательные плавсредства, и, разумеется, здесь не было никаких водяных лыж. Прогуливались люди по дорожкам из мягкого пластика, и везде были перила и поручни.

Все это напоминало сказочное королевство, где принцесса ничем не могла бы уколоть себе пальчик.

В Убежище вечно юные элси жили, как в загородном клубе, лишенные всех физических опасностей. Теннис, плавание, загорание на пляжах, тщательно управляемый гольф, пешие прогулки и карточные игры были в ходу, а полностью отсутствовали такие развлечения, как лазанье по горам, поездки в автомобилях, все виды стрельбы из чего бы то ни было. Даже велосипеды были запрещены. С них часто падали, на них можно было поехать слишком быстро и попасть в аварию.

И здесь не было никаких правоохранительных органов. Их и быть не могло. Элси не наказывали элси за нарушение законом. Просто никто из них не пошел бы на риск получения травмы. Только Джо Сеймур и немногие подобные ей имели смелость идти на такой риск, и они тщательно заботились, чтобы не подвергнуть при этом опасности других элси.

Стоимость жизни в Убежище была ужасающе громадна, и дело было не только в высоком стандарте роскоши. Причина была в том, что сюда могли войти только элси, а значит, элси должны были делать все работы – работать поварами, официантами, в парикмахерских и химчистках, швейцарами и носильщиками. Этой работой занимались только те элси, которые нуждались в деньгах, и, разумеется, выполняли ее за грабительски огромные зарплаты.

В первый день в Убежище Смит почти ничего не увидел, поскольку весь день провел в контрольно-пропускном пункте за проверкой, и они с Джо были выпущены лишь к вечеру. На ночь же пункты вообще закрывались.

И когда Генри Факс пригласил его с Джо на вечеринку в свой громадный особняк, он принял приглашение. В задачу Смита не входило сидеть вместе с Джо Сеймур в ее домике у озера. Он должен быть увидеть все, что можно, в Убежище.

Домик Джо находился всего лишь в полмили от дома Генри Факса, и они вошли сначала туда, чтобы переодеться, а потом направились к Факсу.

Когда Смит вошел вместе с Джо в громадный зал, его на мгновение ослепило море света. Затем, когда его глаза немного привыкли к свету, он был потрясен и ошеломлен увиденным.

Он бывал раньше на вечеринках, когда все присутствующие уже находились в поздней стадии неистового, истеричного опьянения. И хотя ему редко доводилось бывать участником оргий, но зато он посещал довольно много подобных мероприятий при исполнении служебных обязанностей.

Но такого он никогда еще не видел.

– Не стойте столбом, – пробормотала рядом с ним Джо, – иначе все поймут, что вы не из наших.

Ей бы следовало предупредить, подумал Смит.

Теоретически Смит знал, что элси могут выпить больше, чем простые люди. Обычный метаболизм позволяет принимать большое количество алкоголя, но затем принимает меры, чтобы прекратить это безобразие. Элси могли пить виски, как лимонад, и за очень короткий промежуток времени избавляться от выпитого.

В середине зала находились мужчины и женщины, которые еще были способны изображать некоторое подобие танцев. Их было до-

вольно много, и никто не выглядел старше двадцати пяти лет. И, по крайней мере, танцующие не достигли стадии остальных.

Большинство девушек и некоторые мужчины уже избавились от различных частей одежды. (Смиту пришлось признать, что у не-элси мог быть бы иной взгляд на эксгибиционизм, если бы у всех них были такие тела).

К началу превращения элси должны были войти в самую лучшую физическую форму, а затем эта форма сохранялась много столетий.

Единственная женщина, не обладавшая божественной фигурой, была Хелен Бауэр. И она, как заметил Смит, не принимала участие в любительском стриптизе.

Так что им занимались те, кому было что показать, и они получали от этого наслаждение.

– Потанцуем? – спросила Джо.

Смит кивнул и они прошли в центр зала.

Через полчаса, когда они вышли на веранду подышать воздухом, Смит кратко сказал:

– Не думаю, что элси часто устраивают вечеринки. Они всегда так веселятся?

– Нет, – ответила Джо. – Разве вы еще не заметили? Я выпила лишь пару бокалов. Генри Факс тоже. Девушка, управляющая музыкой, вообще не пила. И Хелен Бауэр столь же трезва, как и мы. И таких наберется еще с дюжину, тех, кто не сильно боится.

– Понятно. Мстителю со своей подружкой действительно удалось взволновать эту публику так, что они напились до поросячьего визга.

– Приблизительно так. Но можешь ли ты винить их за это?

– Легко, – сухо ответил Смит. – Но это не входит в мои обязанности.

Они вернулись внутрь и снова танцевали. Смит предпочел бы оставаться исключительно в компании Джо, но так он не много узнает. Поэтому он позволил, чтобы его представили всем, кто еще мог говорить.

Он получил три приглашения от других парочек уединиться где-нибудь тут же, в этом огромном доме.

– Послушайте, – сказала Джо, когда они снова вышли на веранду, – если вы хотите избежать подозрений в том, что вы не элси, то вы не должны вот так сразу отвергать все подобные приглашения. По крайней мере полдюжины человек уже спрашивали меня о вас. Они еще ничего не заподозрили, но хотели узнать, кто вы и как оказались здесь.

Смит что-то неразборчиво проворчал в ответ.

Они вернулись и танцевали еще около часа, пока не поднялся вдруг шум. На веранде закричала какая-то девушка.

Смит ринулся к веранде, прокладывая себе путь среди бормочу-

щих, перепуганных, внезапно протрезвевших мужчин и женщин, которые, как зачарованный уставились на то, что увидела закричавшая девушка.

На земле лежал Генри Факс, горло его было перерезано так глубоко, что голова почти что отделилась от туловища.

VI

СМИТ не стал объявлять о том, кто он на самом деле, и брать показания у всех присутствовавших на вечеринке. Если бы у него была команда полицейских, которые блокировали бы все двери, наблюдали за гостями и обыскали дом и сад в поисках улик, возможно, он чего-нибудь и достиг бы. Но сейчас, без обученной команды, он предпочел оставаться Фрэнком Шарпом и увидеть как можно больше.

С рассветом прибыл Загреб. Он не стал прикрываться очередной личиной элси. Обезглавленный Совет элси выдал ему специальное разрешение на вход в Убежище и готов был сделать все, что помогло бы поимке Мстителя и Сары Блэр.

Он нашел Смита на веранде, выходящей на озеро. Джо там плавала перед завтраком.

– Если вам нравится смотреть на перепуганных элси, Сми, – мрачно сказал Загреб, – то вы хорошо проведете время. Ничто, что вы видели до сих пор, не сравнится с тем, что увидите сегодня.

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Мститель разослал в газеты свое первое настоящее требование. Новость должна вот-вот достигнуть Убежища. Он хочет пятьдесят миллионов. И не от какого-то конкретного элси, а от всех элси. Если Совет элси не даст на это согласие в течение двадцати четырех часов, то элси, как в Убежище, так и вне его, будут не просто порезанными. Они будут убиты, как Генри Факс.

Смит ничего не ответил. Джо как раз подплыла и поднялась на веранду. Утреннее солнце сверкало на капельках воды на ее коже, превращая их в золото. Пока она стояла, молча и неподвижно, слушая новости, которые рассказывал Загреб, Смита раздирали два противоположных желания: искушение как-то избавиться от Загреба, подхватить Джо на руки и унести в домик, даже не спрашивая на то ее желания, и внезапное осознание, что внешность Джо, весьма типичная для элси, играет в этом существенную роль.

Но победил служебный долг.

– Сэр, – сказал он, – мне кажется, я могу вам сказать, где Сара Блэр.

– Вы что-то обнаружили? – спросил Загреб.

– Нет. Просто я кое-что понял.

Джо молча глядела на них.

– Чего я не знаю? – резко спросил Загреб. – Вы что-то заметили, когда прибыли в Убежище?

– Нет, сэр, нет ничего такого, чего бы вы не знали. Это ведь вы сказали мне, что мне удалось бы сойти за элси среди элси, если бы я взял в спутники настоящую, всем известную элси.

– А-а… – разочарованно протянул Загреб. – Если это все… Дорогой мой Смит, естественно, мы проверили эту версию. Она никуда не ведет.

– А чуть раньше именно вы заставили меня признать, что элси вообще компетентные и эффективно действующие люди, – продолжал гнуть свою линию Смит.

– Ну, и?..

– Если вы вспомните все, что мы знаем о Мстителе и Саре Блэр, то согласитесь, что все, что сделала женщина, было эффективно, а мужчина действовал лишь раз, и то напортачил. Также немало важно то, что в то время, как, и почти все элси, женщина была в Убежище, мужчина должен был оставаться снаружи, чтобы разослать свое требование в газеты.

– Хорошо, – кивнул Загреб. – Предположим, что женщина – элси, а мужчина – нет. И как это нам поможет?

– Джо сказала мне, что элси, которая согласилась бы на такое, должна (или должен) быть отчаянным. Блэр – элси и отчаянная. Мститель, отчаянный или нет, вовсе не элси. Что из этого вытекает?

– Шантаж?

– Мне кажется, нечто более сильное. Любовь. Блэр хочет, чтобы мужчина присоединился к ней, как элси. Но ни у кого из них нет миллиона долларов. Я думаю, что Мститель приближается к главному возрастному порогу – если он в ближайшее время не пройдет операцию, то будет слишком поздно.

– Остроумно, но все это лишь серия предположений, – хмыкнул Загреб.

– Да, пока вы не взглянете на Джо, сэр.

Джо ничего не сказала, но слегка вздрогнула при этом.

– На мисс Сеймур? – спросил Загреб. – Смит, если вы собираетесь сказать мне, что Джо Сеймур – Сара Блэр, то я буду вынужден…

– Нет, сэр. Я сказал, посмотрите на нее.

Они оба уставились на нее. Ее зеленый купальник обтягивал ее тело от груди до бедер, показывая типичное для элси отсутствие даже малейших ненужных выпуклостей или впадинок.

– И заметьте, – продолжал Смит, – что в ней нет ничего поразительного. Практически, у всех элси такие тела. А теперь скажите

мне, сэр, какая женщина-элси стала бы настолько отчаянной, боясь потерять мужчину, что пошла бы на такое дело, лишь бы ее возлюбленный мог стать элси и воссоединиться с ней навсегда?

– Конечно! – внезапно воскликнула Джо. – Физически элси вообще выглядят на двадцать пять лет, а то и меньше. А нам нужна элси, которая гораздо старше, не богата и потому не сможет найти мужчин в среде элси. Это же…

– Ладно, – кивнул Загреб. – Вы меня убедили. Пойдемте к ней.

ХЕЛЕН Бауэр выслушала их с точной смесью невинности и раздражения от того, что ее заподозрили в таком деле.

Пока Загреб и Джо беседовали с ней, Смит произвел обыск. Бесполезно было искать нож, который мог открыто лежать среди другой посуды. Домик Хелен Бауэр был маленьким и почти что пустым, здесь было мало мест, где можно спрятать маску и другие материалы, необходимые для успешной маскировки.

И он нашел их под досками пола в спальне.

– Бесполезно отпираться, мисс Бауэр, – сказал Загреб.

– Вы ничего не сможете доказать, – спокойно ответила она. – Да, у меня есть маска, похожая на ту, которую использовала Сара Блэр. Ну и что?

– Это еще далеко не все, – мрачно сказал Загреб. – У преступников-любителей нет ни малейших шансов, когда они попадают в круг подозреваемых. Анализ вашей одежды, пыли в волосах, налета на коже и масса других вещей расскажет нам, где вы недавно были и что делали. Если нож, которым вы пользовались, все еще здесь, то он будет соответствовать ножу, перере-

завшему горло Факсу, и это опять-таки будет не в вашу пользу. Мы запишем ваш голос, измененный звуковым резонатором, и сверим его с записями требований у Слессинджер.

Женщина поняла, что потерпела поражение, и пожала плечами.

– Но вы никогда не узнаете, кто работал со мной, – сказала она.

– Я думаю, что узнаем, – ответил ей Загреб. – Мисс Сеймур, вы не выйдите на минутку наружу?

Джо заколебалась, затем повернулась и вышла.

– Смит, – сказал Загреб, – вы ненавидите элси. Вы считаете, что они – просто накипь на Человечестве.

Смит промолчал.

– Вот сидит элси, которая не хочет сказать нам имя человека, работавшего с ней. Ей нравится забавляться ножами. А у вас есть карманный ножик, Смит?

– Вы меня не запугаете, – высокомерно сказала Хелен Бауэр. Она была твердым орешком – ведь она порезала двух женщин и убила мужчину. – Меня ведь все равно казнят.

– Вовсе нет. Вам просто вернут нормальный метаболизм, и остаток дней своих вы проведете в тюрьме.

– Тогда мне нечего терять, не так ли?

– Верно, – признал Загреб, – терять вам нечего. И все же готов держать пари, вы сделаете что угодно, чтобы остановить Смита, наносящего вам небольшие порезы. Ваша схема чуть было не сработала именно потому, что все элси боятся самых незначительных телесных повреждений. Смит!

– Вы не можете это сделать, – забормотала Хелен Бауэр. – Вы же полицейские. Вы не можете…

– Мисс Бауэр, Сейчас Смит начнет делать вам надрезы, а где именно, я укажу ему сам. Это ведь такой незначительный вред…

Незначительный вред?! Совет элси…

– Мисс Бауэр, – рассмеялся Загреб, – неужели вы правда думаете, что можете рассчитывать на Совет элси… Да вы просто шутите! Ну, Смит?

Смит никогда не был садистом. Но сейчас он достал и раскрыл перочинный нож. Прежде чем женщина успела отдернуться, он схватил ее за руку. Как зачарованная, она глядела, как он провел лезвием ножа по ее предплечью, нажав слегка, так, чтобы лишь чуть-чуть надрезать кожу. Даже кровь не брызнула, так, показались две крошечные красные капельки.

– Прекратите! – закричала Хелен Бауэр.

Она знала, что больше не будет элси. Но это когда-то, в будущем, до которого еще нужно дожить. А самое ужасное происходило здесь и сейчас, и она не могла это вынести.

– Я вам все расскажу, – шепнула она.

– ВЫ НЕПРАВЫ, Смит, – спокойно сказал Загреб. – Это большая честь – приглашение на Совет элси. Лично я не отказался бы от этого ни за что на свете.

– Я собираюсь им сказать, – ответил Смит, пока они ждали у двойных дверей, – что я только выполнял свой долг.

– Конечно, конечно. Между прочим, вы знаете, кто избран новым президентом Совета элси?

– Нет. А я его знаю?

Двери открылись, и они оказались у конца длинного стола, за которым сидело двенадцать обычных с виду мужчин и женщин.

Но Смит видел только одно лицо – лицо Джо. Она сидела во главе стола и улыбалась.

– Пожалуйста, садитесь, – сказала она. – Господа, мы попросили прийти вас сюда, чтобы лично поблагодарить. Конечно, вы сделали то, что были должны, для поиска Роберта Гильберта и Хелен Бауэр. Но мы благодарны вам обоим, особенно сержанту Смиту. А когда у Совета элси есть причины быть благодарным обычным людям, то, как правило, им предлагают стать элси, если они, разумеется, пожелают. К сожалению, капитан Загреб, в вашем случае маловероятно, что процедуры прошли бы успешно.

– Мне это прекрасно известно, – вздохнул Загреб. – Но прежде, чем вы окончательно смутите меня, мисс Сеймур, позвольте мне пояснить, что мне не нужно никакой награды, я лишь исполнял свой долг.

– Тогда мы просто благодарим вас, капитан Загреб. Что же касается сержанта Смита, предложение насчет элси остается в силе. – Сделав паузу, Джо продолжала: – Зная вас так, как я, я предлагаю, чтобы вы не давали сейчас никакого ответа, а обдумали предложение в течение, скажем, недели. Никто лучше нас не знает, что у элси есть как преимущества, так и недостатки.

– Мне нет необходимости ничего обдумывать, – сказал Смит, побледнев, так как не был по-настоящему подготовлен к этому.

Когда все позади, когда у человека появляется шанс никогда не стареть и отправиться в далекое будущее самому лично, а не опосредствовано через своих детей, когда его ждет такая девушка, как Джо Сеймур, может быть лишь один ответ.

– Я принимаю ваше предложение, – сказал Смит, не повернув головы и даже не покраснев, когда сидящий рядом с ним капитан Загреб начал безудержно хохотать.

(Galaxy, 1965 № 2)

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика 3

МИРЫ ЭСПЕРОВ. Роман 5
The Esp Worlds
(New Worlds, 1952 №№ 7, 9, 11)

УБЕЖИЩА, О УЛЛА! 101
Sanctuary, oh Ulla!
(Planet Stories, 1951 № 9)

ОДИННАДЦАТАЯ ЗАПОВЕДЬ 115
Eleventh Commandment
(Fantasy & Science Fiction, 1955 № 5)

МИР СИНЕЙ ПТИЦЫ 157
Bluebird world
(New Worlds, 1955 № 6)

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ БЕССМЕРТНЫХ 191
The Man Who Killed Immortals
(Galaxy, 1965 № 2)

Библиотека англо-американской классической фантастики

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА
SCIENCE FICTION

ДЖЕЙМС Т. МАКИНТОШ

Миры эсперов